Цена 71 коп.

ЕЛЕНА ИЛЬИНА ★ ЧЕТВЁРТАЯ ВЫСОТА ★

ЕЛЕНА ИЛЬИНА

ЧЕТВЁРТАЯ ВЫСОТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Елена Ильина

ЧЕТВЁРТАЯ ВЫСОТА

ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
Москва 1972

Эту книгу я посвящаю
светлой памяти
Самуила Яковлевича Маршака,
моего брата, моего друга,
моего учителя

К МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

История этой короткой жизни не выдумана. Девушку, о которой написана эта книга, я знала ещё тогда, когда она была ребёнком, знала её также школьницей-пионеркой, комсомолкой. Мне приходилось встречать Гулю Королёву и в дни Отечественной войны. А то в её жизни, чего мне не удалось увидеть самой, восполнили рассказы её родителей, учителей, подруг, вожатых. О её жизни на фронте рассказали мне её боевые товарищи.

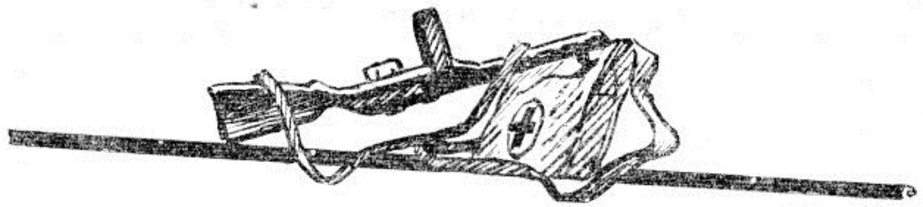
Мне посчастливилось также читать её письма, начиная с самых ранних — на линованных страницах школьной тетрадки — и кончая последними, написанными наскоро на листках блокнота в перерывах между боями.

Всё это помогло мне узнать, как бы увидеть своими глазами всю Гулину яркую и напряжённую жизнь,

представить себе не только то, что она говорила и делала, но также и то, что она думала и чувствовала.

Я буду рада, если для тех, кто узнает Гулю Королёву по страницам этой книги, она станет — хотя бы отчасти — такой же близкой, какой она была для тех, кто узнал и полюбил её в жизни.

ЕЛЕНА ИЛЬИНА



ОГОНЁК

— Не уходи,— сказала Гуля.— Мне темно.

Мама наклонилась над сеткой кровати:

— Темнота, Гуленька, совсем не страшна.

— Да ведь ничего же не видно!

— Это только сначала ничего не видно. А потом ты увидишь такие хорошие сны!

Мама укрыла дочку потеплее. Но Гуля снова подняла голову. Девочка смотрела на окно, которое едва светилось от уличных фонарей сквозь синюю штору.

— А тот огонёк горит?

— Горит. Спи.

— Покажи мне его.

Мама взяла Гулю на руки, поднесла к окну.

Напротив, над стенами Кремля, реял флаг. Он был освещён снизу и трепетал как пламя. Этот флаг маленькая Гуля и называла «огоньком».

— Видишь, горит огонёк,— сказала мама.— Он и всегда будет гореть, Гулюшка. Никогда не погаснет.

Гуля положила голову на плечо матери и молча смотрела на пламя, трепещущее в тёмном небе.

Мама унесла Гулю в кроватку.

— А теперь спи.

И она вышла из комнаты, оставив девочку одну в темноте.

ТРЁХЛЕТНЯЯ АРТИСТКА

Гулей прозвали её, когда ей не было ещё и года. Лёжа в кроватке, она улыбалась всем, и целый день в комнате только и слышалось:

— Гу-гу...

От этого гортанного голубиного воркованья и пошло имя: Гуленька, Гулюшка. И никто уже не вспоминал, что настоящее имя Гули — Марионелла.

Одним из первых слов, которое сказала Гуля, было слово «сама». Когда её в первый раз спустили на пол, она вырвала руку, закричала:

— Сама! — покачнулась и пошла.

Она сделала шаг, другой и шлёпнулась вниз лицом. Мама взяла её на руки, но Гуля сползла на пол и, упрямо передёрнув плечами, снова затопала. Её несло всё дальше и дальше, из одной комнаты в другую, и мать едва поспевала за ней.

Гуля росла. Всё увереннее топали её ножки по комнатам, коридору и кухне, всё шумней становилось в квартире, всё больше разбивалось чашек и тарелок.

— Ну, Зоя Михайловна,— говорила Гулиной матери няня, приводя Гулю домой с прогулки,— много вынянчила я ребят, а такого ребёнка сроду не видала. Огонь, а не ребёнок. Сладу никакого нет. Как сядет на санки, так и не снимешь с них. Десять раз с горки скатится, и всё ей мало. «Ещё, кричит, ещё!» А ведь санки-то у нас не свои. Сколько слёз, сколько крику, спору! Не приведи бог такого ребёнка нянчить!

Гулю отдали в детский сад.

В детском саду Гуля присмирела. Дома, бывало, она ни минуты не посидит спокойно, а здесь она целыми часами сидела тихо, молча и лепила что-нибудь из пластилина, для которого придумала более короткое название — лепин.

Ей нравилось также строить на полу из кубиков разные дома и башни. И плохо приходилось тем ребятам, которые

осмеливались разрушить её сооружение. Вся красная от обиды, она вскакивала и награждала своего сверстника такими тумаками, что он поднимал рёв на весь детский сад.

Но всё же ребята любили Гулю и скучали, если она не приходила в детский сад.

— Она хоть и драчливая, а зато с ней играть здорово,— говорили мальчики.— Она придумывать умеет.

Гулина мать работала в то время на кинофабрике. И режиссёры, бывая у Королёвых, говорили, глядя на Гулю:

— Вот бы нам Гульку в кино!

Им нравилась резкая весёлость Гули, лукавый свет её серых глаз, её необыкновенная живость.

И однажды мама сказала Гуле:

— Ты сегодня в детский сад не пойдёшь. Мы с тобой поедем смотреть рыбок и птиц.

В этот день всё было не так, как всегда. К подъезду подкатил автомобиль. Гуля уселась рядом с мамой. Приехали они на какую-то площадь, где толпилось столько народу, что нельзя было ни проехать, ни пройти. Отовсюду слышался разноголосый петушиный крик, хлопотливое кудахтанье кур. Где-то важно гоготали гуси и, стараясь всех перекричать, что-то быстро лопотали индюки.

Пробиваясь сквозь толпу, мать взяла Гулю за руку.

На земле и на лотках стояли клетки с птицей и садки с живой рыбой. В воде медленно плавали большие сонные рыбы и проворно сновали вверх и вниз маленькие золотые рыбки с прозрачными, развевающимися, будто кружевными, хвостами.

— Ой, мама, что это? — вскрикнула Гуля.— Водяные птички!

Но в это время какой-то незнакомый широкоплечий человек в кожаной куртке подошёл к Гуле и, кивнув её маме, взял Гулю на руки.

— Я тебе сейчас что-то покажу,— сказал он ей и куда-то её понёс.

Гуля оглянулась на маму. Она думала, что мама отнимет её у «кожаного дяди», но мама только помахала ей рукой:

— Ничего, Гуленька, не бойся.

Гуля и не думала бояться. Только ей не нравилось сидеть на руках у чужого, незнакомого человека.

— Я сама пойду,— сказала Гуля,— пустите меня.

— Сейчас, сейчас,— ответил он, поднёс её к стеклянному ящику и спустил на землю.

Там, в зелёной густой траве, копошились какие-то длинные, толстые верёвки. Это были ужи. Гуля недолго думая вцепилась в одного из них и потащила.

— Ну и храбрая же ты девочка! — услышала Гуля над собой голос «кожаного дяди».

Трёхлетняя Гуля и не подозревала, что этот дядя был кинооператор и что её только что сняли для новой кинокартины.

В те годы на Трубной площади каждое воскресенье торговали всякой живностью. Любители птиц, рыб, диковинных зверушек всегда могли выбрать здесь по своему вкусу и певучую канарейку, и щегла, и дрозда, и породистого охотничьего щенка, и черепаху, и даже заморского попугая.

Кинооператору привезли Гулю на Трубную площадь, потому что в этот день они снимали картину «Каштанка» по рассказу Чехова. В картине этой собака Каштанка попадает на Трубный торг и теряет своего хозяина в толпе взрослых и детей.

Спустя несколько дней Гуле Королёвой прислали из кинофабрики её первый заработок — два рубля.

Один рубль был истрачен в тот же день. Дома случайно не было денег, и Гулин рубль как раз пригодился на лекарство для самой же Гули.

Другой рубль — большой, новенький, жёлтого цвета — хранится до сих пор у Гулиной матери. Он спрятан в коробочке рядом с льняной шелковистой прядкой Гулиных младенческих волос.

СЛОН И ГУЛЯ

Гулю взяли в Зоопарк.

Она шла вместе с мамой по усыпанной песком дорожке мимо длинного ряда клеток с какими-то толсторогими козлами, баранами и бородатыми быками. Возле высокой железной ограды они остановились. Гуля увидела за решёткой что-то огромное, клыкастое, с длинным, до земли, носом.

— У, какой! — вскрикнула Гуля, прижимаясь к матери.— Мама, почему он такой большой?

— Такой вырос.

— А я его боюсь?

— Нет, не боишься.

— А кто он такой?

— Слон. Он добрый, и бояться его не надо. У себя дома он даже нянчит маленьких детей.

— Возьми его ко мне в няньки! — сказала Гуля.

— Его отсюда не отпустят,— ответила мама смеясь.— Да и места для него у нас маловато.

Целый год после этого Гуля вспоминала большого доброго слона.

И, когда наконец её опять привели в Зоопарк, она прежде всего потащила маму к слону.

Держа в руках большой красно-синий мяч, она подошла к самой решётке.

— С добрым утром, слон! — вежливо поздоровалась Гуля.— Я вас помню. А вы меня?

Слон ничего не ответил, но наклонил свою большую, умную голову.

— Помнит,— сказала Гуля.

Мама вытащила из сумочки гривенник.

— Смотри, Гуля,— сказала она,— я брошу ему монетку.

Слон пошарил по земле хоботом, поднял монетку, словно кончиками пальцев, и сунул сторожу в карман. А потом схватил сторожа за воротник и потянул за собой. Сторож

не мог устоять на ногах и побежал вприпрыжку, как мальчик. Гуля громко смеялась. Смеялись и другие ребята, столпившиеся у решётки.

— Мама, куда слон его тащит? — спросила Гуля.

— Это он требует от сторожа чего-нибудь вкусного. Ступай, говорит, принеси. Даром я тебе свою монету отдал, что ли?

Сторож послушно ушёл в соседнее помещение, где была кладовая слона, а слон зашагал не спеша, мягко, неслышно, будто он был в валенках.

— Мама, слон булку любит? Можно ему бросить?

Гуля бросила слону булку. Слон задрал кверху хобот, нижняя челюсть у него отвисла, и булка угодила прямо в пасть.

И тут Гуля увидела, что мяч выскользнул у неё из рук и покатился под решётку к слону.

— Мячик! — закричала Гуля.— Слон, отдай, пожалуйста, мяч!

Слон хлопнул ушами и, зажав мяч хоботом, словно в кулаке, посмотрел на Гулю искоса умным маленьким глазком.

— Ну вот,— сказала Гулина мама,— так я и знала. Говорила я тебе — оставь мячик дома!

Но в эту минуту слон выпустил мяч, и он покатился по земле, стукнулся о решётку и откатился назад, к самым его ногам.

— Погоди, Гуля,— сказала мама,— сторож сейчас вернётся и достанет твой мячик.

Но Гули рядом с ней уже не было. Мать быстро огляделась по сторонам.

— Где же это она?

— Ребёнок, ребёнок в слоновнике! — закричали вокруг.

Мать взглянула на решётку. Там, по ту сторону решётки, у самых ног слона стояла её Гуля, казавшаяся от такого соседства ещё меньше.

Слон пошевелился, и все охнули. Ещё секунда, и широкая, тяжёлая слоновья ступня опустится на этот цветной комочек и раздавит его.

— Сторож, сторож! — закричали люди.

Но слон осторожно переступил с ноги на ногу и попятился назад.

Гуля отвела рукой хобот и спокойно подняла с земли мячик.

— Чего вы все кричите? — сказала она, протискиваясь сквозь прутья решётки.— Мама говорит, что слоны даже нянчат маленьких детей!

Домой Гуля шла молча. Мама с ней не разговаривала. Видно было, что она всё ещё не могла успокоиться после Гулиной проделки.

— Мамочка, прости меня, пожалуйста,— сказала Гуля.— Ты же сама говорила, что я его ничуточки не боюсь. Отчего же ты за меня испугалась?

Из глубины парка донеслись какие-то странные звуки, похожие на гудки парохода.

— Это твой слон кричит,— сказала мама.— Вот какой он бывает злой, если его раздразнить. А кто его раздразнил? Ты! Пожалуйста, в другой раз не лезь без спросу к слонам!

БАРМАЛЕЙ ПРИЕХАЛ!

К большому, широкому подъезду многооконного дома подкатил легковой автомобиль. Это в студию кинофабрики привезли пятилетнюю Гулю.

Накануне вечером к Гулиной матери пришёл её старый приятель, режиссёр кинофабрики. На фабрике ставили в то время картину «Бабы рязанские».

— Ради бога, выручите нас,— сказал он,— дайте нам для «Баб рязанских» вашу Гулю.

И он рассказал, что девочка, которая должна была сниматься в этой картине, так испугалась ярких ламп, трескучих аппаратов, что наотрез отказалась сниматься.

— Если ты сейчас же не перестанешь, я отберу у тебя ведро и отдам его другой девочке!

— Хорошей? — спросила Гуля.

— Да уж получше тебя,— ответила мама.

Гуля недоверчиво поглядела на мать и так махнула ведром, что стукнула им по голове чистильщика сапог, сидевшего на скамеечке.

Мама испугалась.

— Простите, товарищ! — крикнула она и выхватила у Гули из рук ведро.— Ты ударила дядю, дурная девчонка!

— Я нечаянно,— сказала Гуля.

— Ничего, гражданочка! — весело улыбаясь, сказал черноглазый чистильщик.— До свадьбы заживёт!

— А когда у вас свадьба? — спросила Гуля.

Но мать уже не слушала ни чистильщика, ни Гулю. Решительно, быстрыми шагами она направилась к милиционеру, стоявшему на перекрёстке.

— Товарищ милиционер,— сказала она,— у вас есть дети?

— Есть,— ответил милиционер.

— Так вот отдайте им.

И она протянула милиционеру ведро. Он так удивился, что ничего не успел сказать.

Мать быстро увела свою дочку, а милиционер так и остался стоять посреди мостовой с голубым ведёрком в одной руке и с милицейским жезлом — в другой.

Гуля шла молча, опустив голову. В саду она уселась на скамейку. Возле кучи свежего жёлтого песка играли дети. Четыре разных ведёрка стояли на дорожке. Какая-то девочка лопаткой насыпáла в них песок, а другие дети сейчас же высыпáли его обратно. Было очень весело. Но Гуля даже не посмотрела в их сторону.

Мать молча наблюдала за ней. Она ждала, что девочка не выдержит и заплачет. Но Гуля не плакала.

Придя домой, она спокойно сказала отцу, читавшему на диване газету:

— Знаешь, папа, мы подарили милиционеру ведро.

— Ведро? — удивился отец.— Милиционеру?

Гуля усмехнулась:

— Игрушечное ведро — настоящему милиционеру.

А когда она вышла из комнаты, мать её рассказала, как было дело.

— Я сама чуть не разревелась, когда в наказание отняла у неё игрушку. Ведь она так мечтала о ведре! А она и виду не показывает, что ей больно и обидно.

Спустя несколько дней Гуля снова заявила отцу, усаживаясь к нему на колени:

— Знаешь, мы выбросили за окно мою куклу Наташу.

— Кто это «мы»?

— Мы с мамой. И хорошо, что выбросили: плохая была кукла. Пафнутий Иванович гораздо лучше.

Пёстрого курносого клоуна Пафнутия Ивановича Гулин отец принёс ей однажды из театра, где он работал.

Гуля хотела уже слезть на пол. Но отец остановил её.

— Нет, ты скажи мне: как же это случилось, что кукла полетела за окно?

Гуля посмотрела куда-то в сторону.

— А так и случилось,— сказала она.— Мы с куклой сидели на окошке, а мама нам не позволяла. Мама говорит: «Нельзя сидеть на окошке — упадёте!» А мы не слезаем...

— Ну и что же?

— Что же... Меня мама сняла, а её выбросила.

— И тебе совсем, совсем не жалко?

— Немножко жалко,— сказала она и, нахмурив брови, бегом побежала к себе в комнату.

БЕГСТВО В ИСПАНИЮ

Прошло ещё два года.

Приближалась годовщина Октябрьской революции. В доме недавно закончился ремонт. Пахло свежей клеевой краской. В комнатах было тихо.

Но вот в передней раздался звонок. Один, другой, третий...

— Слышу, слышу! Наказанье божье, а не ребёнок! — заворчала суровая, строгая женщина, Настасья Петровна, и пошла открывать дверь.

В переднюю вбежала Гуля, нагружённая покупками.

— Смотрите, какие картинки мама купила мне к празднику! — сказала она.— Броненосец «Потёмкин», крейсер «Аврора»!

Глаза у неё светились счастьем.

Но Настасья Петровна даже не взглянула на Гулины покупки и ушла на кухню.

Гуля убежала в свою комнатку и плотно закрыла за собой дверь.

Там она сразу же принялась за работу. Краска на стенах была свежая, и бумага легко к ним приставала.

Странная, небывалая тишина воцарилась в доме. Настасья Петровна забеспокоилась — не натворила ли чего-нибудь эта девчонка?

Открыв дверь, она всплеснула руками. Только что окрашенные стены были оклеены картинками. Платье, чулки на Гуле, даже щёки и нос были выпачканы голубой краской.

— Безобразие! — закричала Настасья Петровна.— Стены испортила!

— Как вы можете так говорить? — возмутилась Гуля.— Ведь это броненосец «Потёмкин»! Крейсер «Аврора»! Как вы не понимаете!

Но Настасья Петровна, не слушая Гулю, принялась сдирать картинки со стен. Гуля вцепилась в её платье. Она рыдала, кричала, топала ногами, но напрасно. Вскоре всё было кончено. Настасья Петровна, ругаясь, ушла на рынок, а Гуля с плачем упала на кровать.

Слёзы текли по её щекам, вымазанным краской, оставляя за собой разноцветные дорожки.

«Что делать? — думала Гуля.— Мама весь день на работе, а с Настасьей Петровной жить вместе прямо невозможно! Хоть бы она в деревню уехала. Так нет, не уедет, нарочно теперь не уедет. Вот возьму,— решила Гуля,— и сама убегу из дому. Ей назло».

Но куда уехать? На дачу? Там холодно. Окна заколочены досками. Ветер воет на чердаке. Нет, если ехать, то в какие-нибудь тёплые страны. Например, в Испанию. Есть такая страна (в кино показывали). Ну конечно, в Испанию! Только надо спросить у кого-нибудь на улице, где она.

Гуля встала, вытерла полотенцем мокрое от слёз лицо и начала собираться в дорогу. Первым делом она взяла с этажерки свои любимые книжки — «Детки в клетке» и «Лампу Аладдина». Потом подумала и достала из ящика маминого стола несколько серебряных гривенников и медяков. После этого открыла бельевой шкаф и вытащила из кучки аккуратно сложенного белья простыню.

«Это будет моя палатка,— решила Гуля.— Ведь мне придётся ночевать прямо в поле или в лесу».

Она засунула простыню в чемоданчик. Сверху положила книжки и своего старого друга Пафнутия Ивановича. Всю мелочь, которую нашла в столе, положила в карман передничка.

«Пальто тоже надо взять,— подумала Гуля.— И зонтик. А то ещё вдруг в Испании пойдёт дождь».

Она вытащила из шкафа свой крошечный розовый зонтик, обшитый кружевами.

И, уверенная в том, что она обеспечила себя на все случаи жизни, Гуля оделась, взяла в руки чемоданчик, зонтик и отправилась в далёкий путь. Во дворе она простилась со всеми знакомыми ей ребятами.

Когда Настасья Петровна вернулась домой, соседские дети спокойно заявили ей:

— А ваша Гуля уехала в Испанию.

Настасья Петровна бросилась на розыски Гули и часа через два нашла её на вокзале — девочка сидела на скамейке, дожидаясь отхода дачного поезда. Кое-как приволокла она беглянку домой. Гуля упиралась и плакала.

Соседи позвонили матери на работу. Когда она вошла в комнату, Гуля, рыдая, бросилась ей навстречу.

— Я не могу больше так жить! — сказала она.

Мама села на диван и притянула дочку к себе.

— Ну, расскажи, что случилось. С Настасьей Петровной опять не поладила?

Слёзы душили Гулю.

— Она ничего не понимает! — еле выговорила Гуля, заливаясь слезами.— Тебя и папы целый день дома нет, а она ничего не понимает. Я так красиво по стенам расклеила твои картинки, думала — она обрадуется, а она говорит: «Стены испортила», и всё порвала, ножом соскоблила. Отдай меня в школу!

— Хорошо, Гуленька, мы что-нибудь придумаем. Только в другой раз не убегай без спросу в Испанию.

Мама уложила дочку на диван и укрыла её. Гуля успокоилась и уснула.

А мама долго ещё сидела возле неё, гладя её голову. Среди её мягких льняных кудрей чуть темнела на затылке прядь каштановых волос.

«Растёт моя дочка,— думала мать,— вот и волосы начинают темнеть. Как-то у неё сложится жизнь?..»

«АДАМ»

Гуле шёл седьмой год. Она давно уже умела читать — чуть ли не с пяти лет,— но отдавать её в школу было ещё рано. Знакомые посоветовали матери устроить её в группу, которой руководила старая учительница-француженка: девочка будет играть и гулять вместе с другими детьми, да, кстати, и языку научится.

И вот Гуля в первый раз пришла к учительнице.

В комнате со старинной, полинявшей мебелью и множеством картинок и фотографий на стенах, кроме Гули, было ещё двое детей: мальчик Лёлик, с длинными кудрями, похожий на девочку, и стриженая девочка Шура, похожая на мальчика.

Дети уселись за низенький столик, а старушка учительница взяла зелёного тряпичного зайца и запела непонятную песенку. Заяц у неё в руках принялся отплясывать на столе какой-то смешной танец. У него прыгали уши и болтались ноги, дети смеялись и повторяли за учительницей странные слова песенки.

Гуля смотрела на всех молча, исподлобья. Но вот она решилась что-то спросить.

— Адам,— сказала она наконец,— почему...

— Что ты сказала? Повтори,— удивилась француженка.

— Адам,— повторила Гуля.

— Не «адам», а «мадам» нужно сказать.

— Мадам,— снова начала Гуля,— разве русский язык такой плохой, что нужно учить ещё французский?

Ей это казалось удивительным. Зачем петь песенки на непонятном языке, когда есть на свете такой хороший, такой понятный русский язык? И к тому же, зачем нужно заставлять плясать этого зелёного зайца? Дома у Гули тоже был заяц, только не зелёный, а голубой, но он уже года три как лежал в ящике с другими старыми игрушками. Гуле скоро нужно было поступать в школу, а её забавляли, как маленькую!

Старушка не знала, что ответить Гуле. Она подумала немножко и велела детям устроить хоровод. Мадам взяла за руки Лёлика и Шуру, а Шура протянула руку Гуле. Но Гуля вырвалась и села на стул.

— Я не люблю танцевать утром,— сказала она.— Я люблю утром читать.

Француженка недовольно покачала головой:

— Ты непослушная девочка. Ну хорошо, мы будем читать.

Но оказалось, что в этой группе читают тоже не по-русски, а по-французски. И не сказки читают, а только азбуку.

Мадам раздала детям картинки с нарисованными на них буквами: а, бе, се, де...

Дело было нехитрое. Гуля быстро запомнила все буквы. Не прошло и месяца, как она уже умела довольно бегло читать по-французски.

На прогулках в саду она торопила свою «адам» домой:

— Пойдём почитаем ещё немножко вашу французскую книжку.

А к концу зимы она научилась не только читать, но и писать. Когда она на уроках очень уж расходилась и шалила, мадам надевала пенсне и говорила:

— Спокойно! Сейчас мы будем писать диктант.

Но Гуля и этот урок превращала в весёлую игру.

— «Дитя лежит в колыбели,— мерным голосом диктовала мадам французские фразы.— Птичка сидит на дереве. Бабушка вяжет чулок. Дедушка курит трубку».

А Гуля выводила в тетрадке:

«Бабушка лежит в колыбели. Дитя курит трубку. Птичка вяжет чулок. Дедушка сидит на дереве».

И, стараясь не смеяться, с самым серьёзным видом протягивала тетрадку своей «адам».

Француженка поправляла пенсне и принималась вслух читать Гулины каракули.

— Что такое? — говорила она, хмуря брови.— «Птичка вяжет чулок? Дитя курит трубку?» Ничего не понимаю!

Гуля покатывалась со смеху, а вместе с ней — Лёлик и Шура.

Добрая старушка прощала Гуле эти проказы. Она считала, что, играя, переставляя по-своему французские слова, Гуля скорее их запомнит. Она только следила за тем, чтобы каждое слово было написано правильно, без ошибок.

Так весело и мирно шли эти занятия. И никто в группе не подозревал, какую новую проделку задумала Гуля.

Однажды, когда в тёплый весенний день вся группа в полном сборе гуляла по улице, Гуля неожиданно остановилась у подъезда трёхэтажного каменного дома.

— Мадам,— сказала она,— пожалуйста, подождите меня здесь, я сейчас вернусь.

И, приоткрыв тяжёлую дверь, она исчезла.

— Мадам, а ведь это школа! — сказала Шура.— Видите — написано?

И девочка показала на прибитую к двери вывеску.

— Стойте оба здесь,— ответила француженка.— Я сейчас буду посмотреть.

Лёлик и Шура остались одни. Они взялись за руки и прижались к стене дома, чтобы их не переехала машина.

Гуля вернулась первая.

— А где адам? — спросила она.— То есть мадам?

— Пошла тебя искать,— ответили Лёлик и Шура вместе.— А ты где была?

— После расскажу!

В это время из дверей школы выбежала взволнованная мадам.

— Скверный девочка! — набросилась она на Гулю.— Где ты ходил?

Когда она волновалась, она говорила по-русски ещё хуже, чем обычно.

Гуля помолчала немного, а потом сказала серьёзно, как большая:

— Простите, мадам. Я в школу поступила. В первый класс. Завтра нужно будет отнести метрику.

Мадам только всплеснула руками.

На другой день Гулина мама отнесла в школу документы.

Так Гуля сама отдала себя в школу.

ПЕРВОКЛАССНИЦА

В первом классе Гуля оказалась выше всех ростом, хоть и моложе всех по возрасту.

На первых порах ей пришлось нелегко.

Какому-то озорному мальчишке приглянулись её кудрявые волосы. Он незаметно подкрадывался к ней сзади, всовывал палец в локон и дёргал. Это было больно и обидно. Гуля рассказала об этом дома, но мать спокойно отнеслась к её жалобам.

— Договаривайся с ними сама. Не можешь договориться, дай сдачи. А учительнице не жалуйся.

И Гуля не стала давать себя в обиду.

Ей очень нравилось в школе. В парте у неё было целое хозяйство. В одном углу лежали новенькие книжки и тетрадки, в другом стоял лакированный пенал, а в пенале чего только не было! И карандаши, и блестящие пёрышки, и резинки.

Однажды Гуля принесла с собой в класс маленькую шерстяную обезьянку и стала устраивать ей из книжек и пенала уютный домик. Она не заметила, как вошла в класс учительница.

Начался урок.

Учительница что-то долго читала вслух, но Гуля ничего не слышала.

— А теперь Гуля Королёва прочтёт нам этот рассказ,— вдруг сказала учительница.

— Какой рассказ? — спросила Гуля, вставая с места.

— Тот, который я только что вам прочла.

— Я ничего не слыхала,— проговорила Гуля и опустила голову.

— Стыдно, Королёва,— сказала учительница.— Ты невнимательна, и я ставлю тебе «плохо».

Вскоре в одной из комнат кинофабрики, где работала мать Гули, раздался телефонный звонок.

— Позовите мою маму! Товарища Королёву! — послышался в трубке взволнованный голос.— Мама, это ты? Мама, мне плохо!

Мать чуть не выронила из рук телефонную трубку.

— Гуленька, что с тобой? Сейчас же иди к школьному врачу! Я скоро приеду за тобой в школу.

— Я не в школе,— послышалось в ответ.— Я уже дома.

— Ну и хорошо, что дома. Скорей ложись в постель. Что у тебя болит?

— Мама, ты не понимаешь! — сказала Гуля.— Не мне плохо, а у меня «плохо»!

— Как плохо? Говори толком. Что у тебя болит? Голова? Горло?

— Да что ты, мама! Я же говорю, мне не вообще плохо. Мне по русскому устному «плохо»!

Мать вздохнула с облегчением.

— Так бы и сказала. Это ещё ничего, если только по русскому устному.

— Да, ничего! Тебе всё ничего,— обиделась Гуля.— А мне от этого «плохо» очень, очень плохо!

В другой раз, когда Гуля и в самом деле заболела, мать ей не поверила.

— По какому предмету «плохо»,— спросила она,— по устному или по письменному?

— Горло болит! — еле выговорила Гуля.— И тошнит что-то...

Когда мать приехала домой, Гуля уже лежала на кровати вся красная от жара. Приехавший доктор осмотрел её и произнёс одно из тех слов, которых так боятся все матери:

— Скарлатина.

В БОЛЬНИЦЕ

В большом саду перед окном нижнего этажа стояла мать Гули. С грустью смотрела она на худенькую стриженую девочку в длинной рубашке и в халатике, которая теперь, после болезни, совсем не похожа была на прежнюю весёлую Гулю.

Из-за плотно закрытого окна не слышно было Гулиного голоса. Но лицо Гули выражало полное отчаяние. Она что-

то быстро писала на большом листе бумаги, приложив его к подоконнику, и потом показывала свои каракули маме в окно. Вкривь и вкось было написано:

«Мама, возьми меня отсюда! С меня вся кожа слезла. Я больше не могу тут жить!»

В ответ мать Гули писала ей на листках из блокнота:

«Гуленька, потерпи ещё совсем немножко. Скоро я возьму тебя домой. Дома тебя ждут замечательные подарки».

У Гули дрожали губы и подбородок, но она крепилась и не плакала, хотя ей было всего только восемь лет.

Когда мать ушла, Гуля отправилась с горя на кухню, чтобы узнать меню сегодняшнего ужина. Это было очень интересно — три раза в день бегать на кухню, а потом обходить все палаты своего отделения и говорить ребятам, лежащим в постели, что́ будет к завтраку, к обеду или к ужину.

— Макаронная запеканка и кисель! — торжественно провозгласила Гуля.

Но, к сожалению, оказалось, что какая-то долговязая бритая девчонка из соседней палаты уже успела раньше Гули сбегать на кухню, и новость эта ни на кого не произвела впечатления.

Гуля села на кровать и вздохнула. До ужина оставался ещё целый час. Она принялась декламировать шёпотом стихи своего любимого поэта Некрасова. И вдруг, незаметно для неё самой, в голове у неё стали складываться какие-то новые, нигде не подслушанные слова и строчки про её маленького рыжего щенка Петьку, оставшегося дома:

Что ты, родименький,
Что ты, собачечка,
Что ты сидишь там в углу?
Скучно собачечке,
Скучно родименькой
Тихо сидеть там в углу.
Ну, подойди, я тебя приласкаю.
Хлебушка нету в дому.

Вот засыпает мой рыженький, маленький
В тихом своём уголку.

«Как это у меня получилось? — подумала Гуля.— Это уже не такие глупые стихи, как те, про Африку».

И она вспомнила первое своё стихотворение, которое она сочинила, когда ей было четыре года:

Птицы скоро улетают
Стаями домой,
Африка для них душиста,
Африка им край родной.

«Надо будет записать стишок про Петьку»,— решила Гуля.

Она взяла карандаш, клочок бумаги и написала большими буквами:

СТИХ ПРО ПЕТЬКУ.

И вдруг ей захотелось спать. Глаза стали у неё слипаться, голова сделалась тяжёлая, и Гуля упала ничком на подушку.

Когда на ужин принесли миску, наполненную горячими макаронами, Гуля уже спала крепким сном.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Вернувшись из больницы, Гуля нашла дома целую библиотечку. На полочке были расставлены новые книжки, от которых ещё пахло типографской краской. Больше всего Гуле нравились книжки о путешествиях.

«Вот бы поскорее вырасти,— думала Гуля,— и самой сделаться путешественницей!»

И вдруг неожиданно Гулина мечта исполнилась. Гуля уехала вместе с матерью далеко-далеко, в Армению.

Для матери это была служебная командировка, а для Гули — одна из самых весёлых поездок.

Во дворе дома, где они остановились, пахло гарью от маленького очага, сложенного из камня против самой двери. Перед очагом сидела на корточках девочка с чёрными, туго заплетёнными косичками. Девочка мешала что-то большой ложкой в медном тазу. Из таза поднимался сладкий медовый запах, и пахло мёдом даже на улице.

Время шло к осени. Солнце уже не палило, как летом, а грело спокойно и бережно.

— Как тебя зовут? — спросила Гуля у девочки.

Девочка поправила по очереди обе косички и стала рассматривать ложку, будто в первый раз её увидела.

— Гаянэ,— тихо ответила она.

— Ты в школе учишься? — спросила Гуля.

— Конечно, учусь,— нараспев сказала Гаянэ.

— А ты любишь свою школу?

— Конечно, люблю.

— А подруги у тебя есть?

— Конечно, есть.

— А со мной хочешь дружить?

— Конечно, хочу,— усмехнулась Гаянэ.

— А где твоя школа, близко?

— Не очень близко,— ответила Гаянэ,— немножко далеко.

Гуля села на ступеньку рядом с Гаянэ. Постепенно девочка сделалась разговорчивей, и Гуля узнала от неё, что две снежные горы, поднимающиеся за облака, называются Арарат и что армяне ещё их называют по старинке Сис и Масис — Малый Арарат и Большой. А Гуля рассказала Гаянэ, что она с мамой проезжала на поезде через какие-то горы и что, когда они рано утром вышли на станцию Алагёз, было очень холодно.

— Так всегда на горах бывает,— сказала Гаянэ.— Вон гора Алагёз.— И она показала рукой на гору, возвышающуюся как раз напротив Арарата.— Мой старший брат Каро на самый верх лазил.

— А где он сейчас? — спросила Гуля.

— А вот,— кивнула Гаянэ на мальчика в меховой шапочке.

Мальчик сидел верхом на ограде, выложенной из камня, и глядел куда-то вдаль из-под руки.

— Это он смотрит, чтобы чужие мальчики наши груши и айву не таскали,— объяснила Гаянэ.

— Жалко, моего старшего брата Эрика здесь нет,— вздохнула Гуля.— Эрик бы им показал!

Гуля сказала это не задумываясь и сама удивилась своим словам. Эрик вовсе не приходился ей братом, он был её товарищем с самого раннего детства, но Гуля в эту минуту позавидовала Гаянэ, что у той есть брат, и придумала себе старшего брата.

Дружба Эрика и Гули началась ещё с тех пор, когда обоим было всего по три года.

Впрочем, в те времена Гуля нередко обижала Эрика. Однажды она унесла домой его белого плюшевого слона и долго не хотела с ним расставаться. Она говорила:

— Слон мне сам сказал — он не хочет жить у Эрика, он хочет жить у меня.

Эрик долго и терпеливо ждал, пока слону снова не захочется вернуться к своему настоящему хозяину.

Но чаще случалось, что Гуля отдавала Эрику свои игрушки. Она даже подарила ему своего любимого клоуна Пафнутия Ивановича.

Потом они с Эриком поступили в разные школы и стали видеться реже. Но всё же они всегда жили в одном городе.

А теперь Эрик был за тысячи километров от Еревана — в Москве.

— А он большой, твой брат? — спросила Гаянэ.

— Большой,— сказала Гуля,— может быть, даже больше твоего Каро.

И Гуля посмотрела в ту сторону, где был мальчик в меховой шапочке.

Мальчик грозил кулаком кому-то стоявшему по ту сторону каменной ограды и что-то сердито кричал на своём

языке. Вдруг из-за ограды полетели прямо в него комья глины.

Гуля сорвалась с места и подбежала к ограде. Она быстро вскарабкалась и закричала:

— Эй вы, мальчишки! Если вы сейчас же не перестанете, я позову моего старшего брата Эрика. У него есть настоящее охотничье ружьё!

Неприятели с изумлением смотрели на незнакомую девчонку, совсем не похожую на тихих и робких девочек, которых они привыкли видеть на улицах своего города.

Один из них, самый смуглый и крепкий, смотрел на Гулю, открыв рот и не мигая.

— Постой, постой! — сказала Гуля.— Я до тебя доберусь!

Неизвестно, понял ли мальчик её слова, но только он круто повернулся и убежал.

За ним бросились наутёк и все остальные.

— Они теперь с другого конца прибегут,— сказал Каро,— я уж их знаю!

— А ты не зевай. Беги им навстречу! — приказала Гуля.— И чуть что кричи: «Эрик!»

Каро сполз с ограды и со всех ног бросился в противоположный конец двора. Скоро оттуда донёсся его отчаянный голос:

— Эрик! Сюда! Э-рик!

Гуля бросилась на помощь.

— Эрик идёт! — закричала она на бегу.— Ружьё заряжает!

Каро стоял на покатой крыше дома. Он радостно замахал руками:

— Побежали!

— Ага! — закричала Гуля.— Испугались!

Каро сполз на землю.

— А у тебя правда есть брат Эрик? — спросил он.

Гуля кивнула головой:

— Двоюродный...

— А где он сейчас? Дома сидит?

— Дома... в Москве.

Чёрные брови Каро высоко поднялись. Но, сообразив что-то, он засмеялся:

— Хитрая! Брат в Москве, а она весь Ереван братом пугает.

— Хочешь со мной дружить? — спросила Гуля.

Каро переступил с ноги на ногу, усмехнулся:

— У меня сестра Гаянэ есть. В Ереване, а не в Москве. С ней дружить можно.

— А с тобой нельзя?

Каро смутился:

— Почему нельзя? Всё можно.

И с этого дня Гуля подружилась с Гаянэ и Каро. А неприятельская армия издали с завистью наблюдала, как брат и сестра отбирали для приезжей девчонки самые спелые, самые сочные груши.

Скоро и враги прониклись к этой приезжей уважением. Случилось это так.

Во дворе у них жил на привязи большой, сердитый пёс Абрек. Далеко вокруг разносился его хриплый, свирепый лай.

Несколько раз останавливалась Гуля у ворот двора, где жил Абрек, и заглядывала в калитку, но Абрека не было видно.

Наконец, набравшись храбрости, Гуля вскарабкалась на выступ в каменной ограде и увидела большую серую овчарку. Собака отчаянно крутила головой, стараясь освободиться от толстой верёвки, заменявшей цепь.

— Сейчас я тебе помогу! — закричала Гуля, перемахнула через ограду и, спрыгнув вниз, побежала прямо к конуре.

— Куда?! — закричал ей вслед Каро, появившийся вдруг над оградой.— Разорвёт! На куски разорвёт!

— Ничего,— сказала Гуля,— не разорвёт.

Абрек мрачно уставился на Гулю и, рванувшись вперёд,

залаял с таким остервенением, что сразу лишился голоса. Гуля остановилась.

— Абрек,— сказала она самым ласковым голосом,— не бойся, маленький, я тебя не обижу...

Абрек до того удивился, что так и осел на задние лапы.

А Гуля, подойдя к страшному псу, погладила его между ушей и принялась отвязывать верёвку. Пёс, казалось, сошёл с ума от радости. Он запрыгал вокруг Гули, потом вскочил на задние лапы, а передние положил ей на плечи.

Отвязав Абрека, Гуля взяла его за ошейник, и сторожевой пёс, которого боялись все окрестные жители, спокойно и кротко пошёл рядом с девочкой, осторожно ступая у самых её ног.

И с этого дня о Гуле по всей улице пошла слава, что она никого и ничего на свете не боится.

Но вот настал день Гулиного отъезда. У ворот стояла линейка. Каро вынес чемоданы.

Мать Каро, маленькая тихая женщина, протянула Гуле плетёную корзинку, наполненную виноградными гроздьями. Подошла Гаянэ. Она плакала.

Гуля обняла её, поцеловала.

— Не плачь, Гаянэ. Приезжай к нам в Москву.

Поодаль стояли молча соседские мальчишки, бывшие Гулины враги, а теперь друзья. Когда линейка тронулась, Гуля помахала им рукой.

И сейчас же вся ватага бросилась ей вслед, а двое самых ловких прицепились к задку линейки. Возница крикнул им что-то на своём языке, мальчики засмеялись и ещё крепче ухватились за край линейки.

Но это было ещё не всё. Волоча за собой верёвку, на улицу выскочил взлохмаченный Абрек. В несколько прыжков догнал он всю компанию и побежал впереди линейки.

— Абрекушка! — закричала Гуля.— Мама, возьмём его с собой!

Мама только рукой махнула.

Но вот линейка покатила под гору, и мальчики соскочили на землю.

— Прощайте! — крикнула им Гуля, и они оба сняли шапки и махали Гуле до тех пор, пока линейка не скрылась из виду...

ГУЛЯ И ЭРИК

Медленно и торжественно подходил к московскому перрону поезд. Паровоз показался издалека — оттуда, где ещё не начиналась платформа.

Эрик бросился навстречу подходившему поезду.

На площадках вагонов уже толпились пассажиры, подзывая носильщиков. Эрик вглядывался в лица, ища глазами Гулю.

Уже пассажиры высыпали на платформу, а Гули всё не было. И вдруг Эрик услышал знакомый звонкий голос:

— Эрастик!

Так называла его одна только Гуля.

Она высунулась из окна, почерневшая на южном солнце. Эрик бросился к вагону, пробиваясь сквозь шумящую толпу, натыкаясь на чемоданы и кули. Доски перрона застучали под его ногами. И, не слыша за собой голоса матери, которая бежала следом за ним, не помня себя от радости, Эрик взобрался на площадку вагона. А на площадке, топая ногами от нетерпения, уже стояла Гуля с большой круглой корзинкой в руках.

— Это тебе виноград! — закричала она.— А внизу там персики. Только они уже размякли. Их придётся или очень скоро съесть, или просто выбросить... А ещё я хотела привезти тебе одного чудного щенка, но, кажется, он был бешеный.

— И, должно быть, он тебя укусил, Гуля,— сказала мама.— Посмотри, вон стоит тётя Маша, а ты с ней даже не здороваешься, только болтаешь какие-то пустяки.

— Машенька! — закричала Гуля и, соскочив на перрон, повисла на шее у матери Эрика.

— А ваша квартира, дорогие мои, ещё не готова,— сказала тётя Маша.— Маляр обманул нас и третий день не приходит. Вам придётся заехать к нам.

— Ура! — закричала Гуля.— Молодчина маляр. Ура!

— Ура! — ещё громче подхватил Эрик.

И скоро маленькая комната тёти Маши наполнилась шумом, смехом и той особой суетой, которая всегда бывает в первые минуты встречи.

На столе появилось армянское лакомство чухчель с начинкой из винограда, тонкий хлебец лаваш и лепёшки. Сладко запахло перезрелыми персиками. В стаканах заискрилось красное ереванское вино.

А по единственному подоконнику маленькой комнаты уже бегали две белые крысы с розовыми глазками и длинными голыми хвостами. Это Гуля успела сбегать в свою школу и притащить крыс из живого уголка.

Крысы бесшумно сновали по подоконнику. Эрик и Гуля кормили их крошками хлеба, а старая няня, укладывая спать маленького Мику, братишку Эрика, поглядывала искоса на Гулю и ворчала:

— И так тесно, ребёнку дышать нечем, а она этакую нечисть в дом притащила!

— Да что вы, нянечка, они чистенькие! — уверяла Гуля.— Смотрите, какие они хорошенькие!

Её мама только рукой махнула.

— Не может Гулька жить без своего зверинца. Прямо беда с ней! В Ереване за ней ходили огромные лохматые псы. Их боялись все ребятишки, а она их любила так же нежно, как этих своих крыс.

Когда обе матери ушли из дому, Гуля шепнула Эрику — так, чтобы не слышала няня:

— Я тебе хочу что-то сказать по секрету.

— Пойдём в коридор,— предложил Эрик.

Ребята выбежали в тёмный коридор, ведущий в кухню.

— Я не знаю, что делать, Эрик,— начала Гуля,— морская свинка сидит в школе совершенно одна. Никто из ребят не подумал взять её на лето!

— Возьмём её к нам! — сказал Эрик.

— А няня? Она и так ворчит из-за крыс.

— Мы её под кровать посадим! — придумал Эрик.

— Кого под кровать? — засмеялась Гуля.— Няню?

— Свинку.

— Свинку нельзя под кровать. Ей под кроватью будет плохо. Ей нужен воздух и свежая трава.

— А где взять траву? — спросил Эрик.— Я придумал! На берегу Москвы-реки травы сколько хочешь. Пойдём нарежем!

И, юркнув в кухню, Эрик через минуту уже выбежал оттуда с кухонным ножом в руке.

— А корзинку для травы? — напомнила Гуля.

— Можно взять ту, в которой ты привезла виноград,— сказал Эрик.

И, когда няня, уложив Мику, задремала сама, Эрик и Гуля выбежали из дому.

На берегах, не обшитых ещё в те годы гранитом, желтела осенняя полуувядшая трава. Эрик и Гуля со всем усердием принялись за работу, и скоро корзинка была полна.

Когда обе матери вернулись домой, они ещё из передней услышали сердитый голос старой няни:

— Да что ж это такое? Да где ж это видано? Хоть из дому беги...

— Что там случилось? — спросила Гулина мама и быстро отворила дверь.

В углу комнаты на траве сидела, тяжело дыша, рыженькая морская свинка. Эрик и Гуля стояли у окна, понуриз головы. Крупные слёзы текли по щекам Гули.

— Машенька,— сказала Гуля и посмотрела на мать Эрика с мольбой и отчаянием,— свинка умрёт в школе от голода и тоски!

Но никакие уговоры не могли убедить взрослых в том, что свинку необходимо оставить дома.

С охапкой травы в одной руке и со свинкой — в другой Гуля вышла из дому. Она крепко прижимала свинку к сердцу и горько плакала.

Следом за ней шёл Эрик и утешал Гулю как только мог...

С ДЕТЬМИ ГЕРОЕВ

Прошла зима. А в одно весеннее утро в Гулиной жизни произошло большое событие.

— Мы поедем с тобой в детский дом МОПРа,— сказала мама.

Слово «МОПР» Гуля слышала ещё в раннем детстве. Не понимая, что это значит, она уже знала, что мама работает в каком-то МОПРе, а когда подросла, то уже стала понимать, что это значит: «Международная организация помощи борцам революции».

Гуля очень любила, когда в гости к ним приходил французский писатель Леон Муссинак. Гуля усаживалась рядом с ним и могла подолгу, не проронив ни слова, его слушать.

«Вот хорошо,— думала она,— что адам учила меня французскому. Это так интересно всё, что говорит милый, милый наш Муссинак!»

Особенно запомнилась Гуле песня, которую он пел, рассказывая об Испании: «Тореадор, смелее в бой!»

Однажды во время испанской революции 1931 года группа партизан-французов переносила в Испанию тайными тропами через Пиренеи тяжёлые ящики с оружием. Когда люди уже совсем выбились из сил, один из французов, писатель Поль Вайян Кутюрье, бесстрашный, весёлый человек, завернулся в плащ и бодро запел: «Тореадор, смелее в бой! Тореадор! Тореадор!»

Эта песня — ария из оперы «Кармен» — так неожиданно прозвучала здесь, в горах, что все невольно рассмеялись, повеселели, и это дало измученным людям силы преодолеть усталость и продолжать путь.

Гуля слушала Муссинака, не сводя с него глаз, а потом часто, закутавшись в мамин платок и перебросив его через плечо, шагала по комнате и пела, раскатисто произнося «р»:

Тор-реадор, смелее в бой!

Но никто не мог предположить тогда, что, спустя каких-нибудь десять лет, эта девочка, с волнением слушающая рассказы о героях, сама станет героиней и поднимет людей на подвиг так же неустрашимо, как это сделал пламенный борец за свободу Вайян Кутюрье...

А пока она только прислушивалась, присматривалась, сама не сознавая того, что учится стойкости и бесстрашию...

Когда Муссинак уезжал на родину, Гуля послала с ним письмо французским ребятам.

«Дорогие друзья,— написала она на листке, вырванном из тетрадки,— как вы поживаете? Обязательно, обязательно приезжайте к нам в гости!»

Французские друзья в гости к Гуле не приехали, но прислали ей с Муссинаком, снова приехавшим в Советский Союз, подарок — пушистую вязаную кофточку.

Гуля ласково проводила ладонью по этой мягкой ворсистой кофточке и говорила:

— Вот спасибо французским ребятам! Хоть бы одного из них увидеть! Хоть бы самого маленького!

И подумать только — мечта её исполнилась! Она едет в детский дом, где живут ребята, да ещё при этом не из одной только Франции, а из многих, многих стран! Мама говорит, что там живут немцы, китайцы, японцы, болгары...

Своей радостью Гуля поделилась первым делом с Эриком. Она позвонила ему по телефону:

— Знаешь, Эрастик? Есть такой город Иваново. Там фабрики ткацкие. А за Ивановом — речка Талка. Наверное, хорошая речка. Правда? Уж очень название весёлое — вро-

де Наталки. Так вот, у этой самой Талки-Наталки есть детский дом. Мама туда едет и меня с собой берёт!

И Гуля пообещала Эрику, что расскажет ему всё-всё, как только вернётся.

...Гуля и её мама сошли с поезда и поднялись вверх по ступеням на высокий железнодорожный мост. Отсюда открывался широкий простор. По обе стороны тянулись и уходили вдаль, изгибаясь и поблёскивая сталью, рельсы, виден был город с его фабричными трубами и зеленью садов, а ещё дальше темнел лес. Над горизонтом стоял огненный диск заходящего солнца.

— А вон и детский дом,— сказала мама.

— Где? Где? — с нетерпением спросила Гуля.

— А вон... У самой опушки леса.— И мама показала на белеющий вдалеке двухэтажный дом.— Ну, пойдём, Гулюшка.

Зоя Михайловна шла не спеша, а Гуля то убегала от неё вперёд, то возвращалась назад, чтобы задать маме какой-нибудь вопрос.

— Мама, а как эти ребята разговаривают друг с другом? Китайские говорят по-французски или французские говорят по-китайски?.. Мама, а родители их дома остались?

Когда Гуля узнала, что у некоторых из детей родители убиты, а у других сидят в тюрьме, она замедлила шаг.

— Что же ты? — спросила Зоя Михайловна, оглядываясь.— Устала?

— Нет,— отозвалась Гуля.— Ты пойди вперёд... Я немножко подумаю, а потом тебя догоню.

Радость, которую она чувствовала весь день, вдруг померкла. Она думала о том, что сейчас увидит грустных, бледных, заплаканных ребят.

Мама взяла её за руку, и они вошли в детдомовский сад.

Стёкла окон так и сверкали, отражая багряный свет заходящего солнца. Перед большой верандой бил фонтан. Слышалось неумолкающее, задумчивое, чуть печальное журчание, как будто фонтан тихонько бормотал что-то такое, о чём знал только он один...

И опять Гуля подумала о детях этого дома, которым пришлось испытать то, что бывает только в страшных сказках.

Но тут откуда-то из-за веранды на песчаную дорожку выехал педальный автомобиль, и маленький краснощёкий мальчуган, сидевший на нём, весело загудел и заболтал что-то на своём языке. Гуля посторонилась, чтобы дать ему дорогу, и в эту минуту целая ватага таких же разрумянившихся и весёлых ребят выбежала из глубины сада. В руках у одного из них был волейбольный мяч.

При виде этой весёлой, беззаботной ватаги Гуля сразу забыла о страшных сказках и уже не думала больше о том, что пережили не так давно эти ребята.

Когда сели ужинать, Гуля оказалась за одним столиком с болгарами — с двумя мальчиками и девочкой. Все трое очень понравились Гуле, особенно девочка. Звали её Росица. У неё были длинные иссиня-чёрные вьющиеся волосы, зачёсанные за уши, серо-зелёные, как будто прозрачные, глаза и ямочка на подбородке.

— Я не могла ещё много научить русский,— сказала Росица, словно извиняясь перед Гулей,— поэтому у меня есть много ошибки.

Но Гуле сразу всё полюбилось в её новой подруге, даже её ошибки. И скоро Гуля узнала, что Росица жила в главном городе Болгарии, в Софии, что она «школьничка», «ученичка» четвёртого класса.

— Я очень хочу,— говорила Росица,— иметь много приятельки в Советская Россия.

— Какое у тебя имя красивое,— сказала Гуля.— Росица. Совсем как роса. Росинка.

На ночь Гулю уложили в одной комнате с Росицей.

А утром мама сказала Гуле:

— Я уезжаю, Гулюшка.

— А я? — с тревогой спросила Гуля.— Мне ещё не хочется уезжать.

— Меня просили оставить тебя погостить,— успокоила её мама.— Но смотри, Гуленька, не озорничай. Было бы очень стыдно, если бы советская девочка вела себя хуже, чем другие дети.

— Хорошо, мама,— серьёзно ответила Гуля.— Я понимаю.

В этот же день, проводив маму, Гуля играла с ребятами в волейбол, каталась на карусели и на гигантских шагах в саду детского дома.

Спустя неделю она уже говорила понемножку на всех языках, а в чемоданчике её еле-еле помещались подарки. Девочки дарили ей на память картинки, вышивки, ленточки, а мальчики — монеты и марки своих стран.

Приближался день отъезда. Гуля уже успела подружиться со многими ребятами и научиться петь их песни.

За несколько дней до того, как снова приехала мама, Гулю приняли в пионеры.

Накануне вечером, лёжа в постели, она сказала Росице:

— Последние часы мы доживаем с тобой октябрятами. А завтра в это время...

— Что завтра? — спросила Росица, подняв голову.

— Пионерками будем!

...И вот Гуля уже стоит на торжественной линейке. Справа и слева от неё — китайские девочки: Чи-чу и Ту-я. И везде, во всю длину линейки,— знакомые ребята: Росица, Митко и Петро из Болгарии, Энрико из Гаваны, Иосиф из Венгрии, маленький негр Нилли из Америки, Китами из Японии, Лена из Сербии...

Все они кажутся Гуле настоящими героями, такими же, как их родители.

И оттого, что она стоит с ними в одном ряду, она чувствует себя тоже чуточку героиней...

А в облаках, разгораясь, как в тот вечер, когда Гуля сюда приехала, горит-полыхает закат, и кажется, что это ходят по небу пионерские отряды со своими красными знамёнами.

ПЕРВАЯ ВЫСОТА

Над скалистым берегом моря, в густой зелени акаций, прятались стеклянные строения украинской кинофабрики. Издали виднелись красные черепичные крыши. В этом саду можно было увидеть толпу бойких босоногих ребятишек и впереди всех — весёлую загорелую девочку в ситцевой юбчонке и в вышитой украинской рубашке. Это была героиня кинокартины — бесстрашная Василинка. Шла съёмка картины «Дочь партизана».

Василинкой была Гуля. Случилось так, что она вместе с матерью поехала на Украину. Режиссёры кинофабрики, увидя Гулю, сразу решили, что Василинка должна быть точь-в-точь такой, как Гуля. Матери не хотелось делать из Гули киноартистку, но режиссёры настаивали до тех пор, пока она не согласилась.

Гуле пришлось приняться за трудную, серьёзную работу.

В картине была сцена, где Василинка верхом на лошади берёт препятствие. Для того чтобы сыграть эту сцену, Гуле пришлось научиться ездить верхом — в седле и без седла.

Красноармеец привёл во двор кинофабрики рослого белого коня. Поглаживая своего красавца по крутой, гладкой спине, он говорил:

— Це добрый конь. Нема бильше такого доброго коня, як Сивко.

Но «добрый конь» оказался злым и упрямым, когда на него посадили Гулю. Он рванулся с такой силой, что Гулю сразу откинуло назад и она чуть не полетела вниз головой. Её вовремя подхватили.

— Вы идите рядом,— сказала Гуля режиссёру,— а я ещё раз попробую.

Она уселась поудобнее и дёрнула поводья. Сивко не тронулся с места. Гуля сжала ногами бока лошади, но она не шелохнулась. Красноармеец потрепал коня по загривку и сказал:

— Чого ж ты, дурень? Ходы! Ходы швыдче!

Гуля снова дёрнула поводья. Сивко вдруг затанцевал, отпрянул назад, и Гуля упала ему на шею. Её опять успели подхватить.

Она покраснела.

— Что, испугалась? — спросили её режиссёр и оператор.

— Злякалась? — спросил красноармеец.

— Злякалась,— сказала Гуля.— Думала — убьюсь.

— Ну, может быть, хватит на сегодня?

— Нет, давайте ещё,— ответила Гуля.

То сдерживая, то подгоняя Сивко поводьями, она заставила его наконец слушаться. Упрямый Сивко понял, что ему не переупрямить маленькую наездницу.

Учение повторилось и на другой день и на третий. А когда Гуля научилась ездить и шагом, и рысью, и галопом, на дорожке парка поставили высокий барьер.

Смело и весело уселась Василинка в седло. Сивко сразу бросился вперёд, но перед самым барьером шарахнулся куда-то в сторону. Гуля еле удержала его. Сивко брыкался, мотал головой, кусал удила. Гуля кое-как усидела в седле и снова направила коня вперёд. Она неслась к барьеру, и ветер бил ей прямо в лицо. Сивко доскакал до цели и снова отпрянул в сторону. Он, казалось, во что бы то ни стало решил сбросить с себя эту лёгкую, но беспокойную ношу. У Гули закружилась голова. Она судорожно вцепилась в поводья.

— Прекратить репетицию! — закричал в рупор режиссёр.

Но Гуля не захотела сдаваться.

— Ничего, у меня выйдет. Должно выйти!

Она уселась покрепче, прилегла к шее коня:

— Ну, Сивко, не выдай! — и опять помчалась к барьеру. Сердце у неё забилось ещё сильнее.

Но Сивко выдал. Перед самым барьером он опять, в третий раз, шарахнулся вбок.

— Брось, Гуля, не надо! — кричал режиссёр.

Гуля ничего не слышала. Стиснув зубы, сжавшись словно пружина, погнала она коня галопом. Доскакав до барьера, она дала шенкеля, конь, не успев опомниться, сделал прыжок, и Гуля, точно на крыльях, взлетела куда-то вверх. Секунда — и конь снова плавно бежал по дорожке.

Барьер был взят. Так двенадцатилетняя Гуля взяла первую высоту в своей жизни.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Осенью кинофильм «Дочь партизана» повезли на просмотр в Москву.

Было странно, что такая большая картина, над которой трудилось столько людей, могла уместиться в маленьком чемоданчике.

Провожая режиссёра на вокзал, Гуля просила его:

— Пожалуйста, покажите картину моему папе. Уж если я не смогу увидеть его, так пусть хоть он посмотрит на меня!

Ей и самой очень хотелось в Москву, хотелось в прежнюю квартиру, на свою московскую улицу, в свою московскую школу.

Но маме никак нельзя было уехать из Одессы.

Приходилось привыкать к новой жизни и к новой школе.

А привыкнуть было не так легко. И парты в классе казались неудобными, и доска не на том месте, и ребята не те.

Дома Гуля жаловалась, что на переменах в ушах звенит от шума, что мальчишки то и дело подставляют ножку или дёргают за косу и что в этой школе учиться нет никакой возможности.

— Ничего, привыкнешь,— говорили ей дома.

— Никогда в жизни не привыкну! — сердилась Гуля.

Она не прощала новой школе прежде всего то, что школа эта находилась не в Москве, а в Одессе.

Однажды, еле досидев до конца уроков и захлопнув за

собой тяжёлую школьную дверь, Гуля сказала своим одноклассницам:

— И что это за школа! Пешком бы я отсюда в Москву ушла.

Это услышали мальчики.

— Да кто ж тебя держит? — закричал один.— Москвичка, подумаешь!

— Нам ты очень нужна! — прибавил другой.— Катись куда хочешь. Мы тебе и дорожку покажем, и на дорожку дадим...

И он уже хотел дать Гуле подзатыльник, но на помощь к ней подоспело несколько девочек.

— Не троньте её! — закричали они хором.— Вам какое дело, про что мы разговариваем!

— А пусть не задаётся. Не королева ведь, а Королёва!

— Ну что ж, что Королёва. Она у нас артистка.

— Артистка! — презрительно сказал мальчик, и все захохотали.

— Да, да! — закричали девочки.— Артистка настоящая. «Дочь партизана».

— Ну? — спросил кто-то из мальчиков.

— Честное пионерское,— сказали девочки,— она там и верхом скачет, и лошадь из болота вытаскивает, и с кулаком воюет, не то что с вами!

— А всё равно пусть не задаётся! — сказал черноглазый коренастый мальчик, с любопытством поглядывая на Гулю. И вдруг прибавил: — А где теперь твоя лошадь?

— Это не моя,— сказала Гуля.— Она красноармейская.

— На красноармейской надо уметь ездить,— сказал кто-то.

— Я сначала не умела,— ответила Гуля,— а потом выучилась немножко.

— Немножко! — закричала Гулина соседка по парте, Лёля Снегирёва.— Ты же барьеры брала!

— Да, приходилось...

Ни Гуля, ни другие школьники и школьницы — никто не

заметил, как ссора сама собой угасла и перешла в деловой и даже дружеский разговор. Кончился он тем, что Гуля повела всю компанию к себе домой, на улицу, обсаженную липами,— называлась эта улица Уютной — и угостила своих новых друзей всеми вкусными вещами, какие только нашла дома: сочными, румяными яблоками и хлебом с малиновым вареньем.

И скоро Гуле стало казаться, что в школе не так уж шумно, что девочки очень славные и что даже среди мальчишек есть совсем неплохие ребята.

Но лишь только начала она привыкать к этой школе, как ей снова пришлось уехать. На этот раз — в Киев, где готовилась съёмка новой картины.

Незадолго до её отъезда приехал в Одессу Владимир Данилович Королёв.

— Папочка,— сказала Гуля, когда отец отдохнул с дороги и они вместе вышли на улицу,— у меня к тебе просьба. Очень большая. Обещай, что ты её исполнишь.

Уже стоял конец июня. Южное солнце пекло так, что спасала от него только густая тень каштанов и акаций, выстроившихся вдоль тротуаров. Лишь изредка приносил прохладу ветерок с моря.

Отец с удивлением посмотрел на Гулю:

— Как же я могу обещать тебе то, чего не знаю?

Гуля подумала немножко и сказала:

— Я даю слово, что ни разу за весь месяц ничего у тебя больше не попрошу — ни мороженого, ни денег на карусель.

— Ну, так в чём же дело?—ещё больше удивился отец.

— Знаешь, я соберу сегодня ребят нашего класса, и ты угостишь мороженым нас всех. И покатаешь всех на карусели. Хорошо?

— А сколько же у вас в классе ребят?

— Тридцать два человека. Но не пугайся — сейчас многие разъехались. Ну, всё же человек двадцать наберётся...

Владимир Данилович развёл руками:

— Ты что, хочешь разорить меня сразу — за один день?

Гуля виновато улыбнулась:

— Нет, папочка. Это выйдет ровно столько порций мороженого, сколько я съела бы одна за целый месяц. И столько же раз покаталась бы на карусели. Я всё это тоже подсчитала.

Отец усмехнулся:

— Ну что ж, это неплохо, что ты и летом занимаешься математикой...

Но Гуля перебила его:

— Не смейся, папочка, я даю тебе слово, что больше ни одной копейки не попрошу у тебя за целый месяц. Но ты понимаешь — я скоро уезжаю и долго не увижу своих ребят!

Владимир Данилович вынул из бокового кармана пиджака бумажник и отсчитал пятьдесят рублей, а потом ещё двадцать.

— Хватит! — прошептала Гуля.— И на мороженое и на карусель в Аркадии хватит.

— И даже на трамвай,— сказал отец.— Можешь звать всю компанию.

Не помня себя от радости, Гуля помчалась приглашать ребят. Она бегала из дома в дом. Кого застала во дворе, кого — на соседней улице, кого — у моря, за остальными разослала гонцов. И всем наказала строго-настрого: сбор в семь часов вечера. В Аркадии. Не опаздывать.

Вечером, ещё задолго до семи часов, за круглыми столиками приморского парка торжественно расселись Гуля и её гости. Они тихо и неторопливо, стараясь продлить удовольствие, работали ложечками, осторожно дотрагиваясь до холодных сладких шариков в запотевших стеклянных вазочках.

Парусиновые тенты над столиками вздувались от морского ветра, как паруса, обвевая разгорячённые лица ребят прохладой.

Больше всех радовалась в этот вечер Гуля. За её столиком было особенно шумно и весело. А когда все уселись на деревянных коней и в расписные сани и карусель двинулась

под хриплые, дребезжащие звуки органчика, Гуля почувствовала себя на вершине счастья.

Отец стоял возле карусели, и каждый раз, когда дочка горделиво проплывала мимо него на белом коне, он махал ей рукой, а Гуля улыбалась ему благодарно и ласково.

Через месяц, помогая отцу укладывать вещи в чемодан, Гуля спросила:

— Папа, а у тебя довольно денег на дорогу? Ведь ты столько потратил на меня и на моих ребят!

Отец вздохнул:

— Да, да, придётся мне, видно, пешком в Москву идти.

А потом похлопал её по плечу и добавил:

— Ничего, дочка, денег у меня хватит. Ведь ты целый месяц прожила без мороженого — сдержала своё слово. Признаться, я не раз хотел тебе предложить полакомиться, да только...

— Понимаю,— прервала его Гуля.— Воспитывал меня.

— Нет, по-моему, ты сама себя воспитываешь, дочка.

В тот же день отец уехал, а скоро Гуля и сама стала готовиться к отъезду.

ВАРЬКА И ВАСИЛИНКА

Киевская кинофабрика оказалась куда больше одесской. Гуле здесь понравилось всё — и мягкий голубоватый свет на съёмках, который не жёг глаза, и большие съёмочные павильоны, и то, что на фабрике её встретили, как старую артистку.

Режиссёр разговаривал с ней так же серьёзно, как со всеми другими актёрами. Он подробно разъяснял каждый эпизод, в котором она должна была участвовать, каждую сцену, и Гуля стала всё яснее и глубже понимать, что такое искусство актёра.

А роль ей досталась на этот раз нелёгкая.

Гуля должна была понять и перечувствовать большие

горести, выпавшие на долю Варьки, внучки старого шахтёра.

Для того чтобы она лучше вошла в свою роль, режиссёр возил её на рудники, спускался с нею в шахты.

Затаив дыхание Гуля слушала рассказы старых шахтёров о том, как в прежние времена опасно было работать в этих плохо устроенных шахтах. Хозяева жалели денег на лучшее оборудование, и в шахтах нередко случались обвалы.

Гуля представляла себе, как страшно было родным шахтёра услышать двенадцать ударов колокола. Эти удары означали, что на шахте случилась беда.

В картине, в которой играла Гуля, прозвучало двенадцать ударов.

Набросив наскоро платок, Варька, внучка шахтёра (это и была Гуля), кинулась вслед за взрослыми к шахтам, чтобы узнать, на кого в этот раз обрушилось горе.

На носилках под брезентом она угадала знакомые руки, плечи, голову.

И вот Варька стоит, наклонившись над дедом-шахтёром, лежащим в гробу. Стоит в том самом платке, который наспех накинула на голову, выбегая из дому.

С ужасом вглядывается она в неподвижное лицо старика, и ей кажется, что она давным-давно знает этого сурового шахтёра с проседью в тёмных ещё усах и бороде, помнит, как он нянчил её и называл внученькой, когда она была ещё маленькой.

И, совсем позабыв, что она не Варька, а Гуля Королёва, она плачет горькими слезами.

Но тишину внезапно прерывает голос режиссёра:

— Сначала! Повторить всю сцену!

И опять Варька низко опускает голову. Перед ней человек в гробу. Глаза его закрыты, большие усталые руки сложены на груди.

Слёзы сами собой набегают на глаза Гули и крупными каплями падают на эти сложенные руки.

Как только съёмка окончилась и Гуля убежала домой, актёр, который играл деда, закуривая папиросу, сказал:

— А знаете, мне казалось, что я и в самом деле помер. Лежу и чувствую, как мне на руку падают настоящие слёзы. Признаюсь, у меня от страха волосы на голове шевелились!

Все засмеялись.

А другой актёр, которому никак не давалась его роль, прибавил:

— Удивительное дело, но при этой девчонке как-то неловко играть неискренне, фальшиво. Ты заученную роль играешь, а она тут же рядом по-настоящему страдает, боится, плачет. Как же тут фальшивить?

И все согласились с ним, что при Гуле никак нельзя играть плохо.

— Эта девочка всех нас переиграет,— сказал режиссёр.— Если картина пройдёт, наша Варька прославится!

Это случилось прежде, чем новая картина появилась на экранах. Варьку опередила Василинка, дочь партизана.

Когда Гуля вернулась в Одессу, она увидела на огромных рекламах, развешанных по всему городу, белокурую девочку — то верхом на лошади, то по колени в болоте, то возле белой берёзки.

Это была Василинка, дочь партизана. И это была Гуля Королёва.

— Счастливая! — говорили в школе новые Гулины подруги.— Вот счастливая!

А Гуля только хмурилась и сердито качала головой.

— Не очень-то большое счастье,— говорила она.— Дома только и слышишь: «не зазнавайся» да «не зазнавайся». А где уж тут зазнаваться, когда я, того и гляди, на второй год останусь. Ни по одному предмету отметки нет. Да и не так уж хорошо я играла Василинку. Вот Варька — эта, кажется, у меня вышла получше.

Но если сама Гуля не очень довольна была Василинкой,

то на фабрике всё-таки оценили труды маленькой артистки.

Как-то Гулю вместе с мамой пригласили туда на вечер по случаю выпуска новой кинокартины.

— Ну вот,— сказала мама,— тебе отдельное приглашение прислали. Только, пожалуйста, не зазнавайся!

Гуля положила приглашение на стол.

— Опять «не зазнавайся»? Уж лучше я туда совсем не поеду.

— Как хочешь,— сказала мама.

Гуля запела какую-то песенку и стала заворачивать в чистую бумагу потрёпанные переплёты своих учебников.

Когда мама уже была совсем готова, она спросила Гулю в последний раз:

— Что же, дома останешься?

— Угу,— сказала Гуля,— дома.

Мама засмеялась:

— Ладно уж, одевайся.

Гуля обрадовалась и стала наскоро натягивать через голову новое платье.

Но всё-таки они опоздали.

Торжественное заседание уже наполовину прошло, когда Гуля с мамой тихонько вошли в зал и сели в задних рядах.

Гуля стала искать в толпе знакомые лица, как вдруг услышала:

— За отличную работу в фильме «Дочь партизана» Гуля Королёва, исполнявшая роль Василинки, премируется...

Гуля дёрнула маму за рукав:

— Мама!

Мать обернулась.

— Только не зазнавайся! — сказала она и, смеясь, похлопала Гулю по плечу.

— ...премируется портретами великих русских писателей...

— Это сколько же портретов дадут? — прошептала Гуля и стала считать по пальцам: — Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Некрасов... Мама, Жуковский великий?

— Тише,— сказала мама,— слушай дальше.

— ...Портретами великих русских писателей, библиотекой, тремя настольными играми и аквариумом.

Все захлопали.

В перерыве Гуля спросила у мамы:

— Мама, а куда мы поставим аквариум? У нас ведь и так тесно.

— Если аквариум будет очень большой, попросим соседей поставить его у себя.

— Ну да, они уйдут на работу, а рыбки умрут с голоду. Как ты думаешь, мама, нельзя ли попросить какую-нибудь другую премию?

— Какую?

— Вот бы велосипед!

— Ну, тогда уж у тебя совсем не останется времени на уроки. Съёмки кончились, катанье на велосипеде начнётся. Теперь тебе время дорого — класс догонять надо.

— Ух, тогда бы я попросила одну штуку, которая совсем не отнимает времени! Да и места мало занимает.

— Это что же такое?

— А то, что показывает время. Часы! На браслетке. Ах, мамочка, как мне нужны часы на браслетке, ты и представить себе не можешь!

— Как же не могу, когда ты мне про это целый год говоришь! Ну ладно, будут деньги — обязательно куплю тебе часы.

— Ты тоже это целый год говоришь, а часов всё нет и нет.

Гуля вздохнула.

А через несколько дней её опять позвали на фабрику, в кабинет директора.

Директор серьёзно пожал ей руку и спросил у неё, довольна ли она подарками.

— Очень, очень,— сказала Гуля.— Только мне бы хотелось чего-то другого. Если можно, конечно.

— А чего тебе хочется?

— Вот если бы часики! — сказала Гуля шёпотом.— Хоть самые, самые маленькие, но чтобы на браслетке!

— Отчего же, можно,— сказал директор, как будто речь шла не о часах на браслетке, а о чём-то самом обыкновенном.— Будут у тебя часы.

И в самом деле, на другой день на руке у Гули затикали часики, очень маленькие, но со всеми стрелками, винтиками и колёсиками, какие бывают у настоящих часов.

— Ну, теперь,— сказала Гуля матери торжественно,— у меня уже ни одна минутка не пропадёт зря!

— Посмотрим,— сказала мама.

ГУЛИНЫ КАНИКУЛЫ

Приближались экзамены.

— Подумать только,— говорила Гуля подругам, возвращаясь вместе с ними из школы,— подумать только, что мы должны перейти в седьмой класс! Это так странно, даже нельзя поверить. Мне кажется, что я только что была в четвёртом классе.

Уже стояла весенняя погода. Ветер был тёплый, упругий, весь пропитанный запахом моря и водорослей. На Приморском бульваре толпилось множество людей. Девчонки продавали первые весенние цветочки, и на солнечном припёке уже шла бойкая торговля мороженым.

Когда после долгих предэкзаменационных занятий Гуля с подругами выбегала на улицу, ей казалось, что в городе какой-то праздник и что вот-вот должно случиться что-то очень хорошее.

Экзамены сошли благополучно. За это время Гуля и думать забыла, что она была когда-то артисткой — Василинкой, Варькой,— и знала только одно: что она школьница, которой непременно надо перейти из класса в класс.

И она перешла.

А вслед за этим её опять вызвали в Киев, где в то время начиналась работа над новой картиной для детей, под названием «Солнечный маскарад».

Как на грех, погода для этой картины выдалась неподходящая. Солнце редко-редко показывалось из-за туч. Лето было дождливое, и постановщики, словно пилоты в ожидании лётной погоды, то и дело с беспокойством поглядывали на небо и бранили «небесную канцелярию».

Зато радовались пасмурным дням ребята-актёры. В эти дни они были совершенно свободны, у них были каникулы, как у всех школьников.

На отдыхе Гуля придумала для себя новое занятие. Вместе со своей подругой Валей, которая тоже должна была сниматься в картине, она стала ездить в зоопарк.

Гуля всегда любила животных, но, кажется, никогда не тратила на них столько времени, как в это лето. Она стала юннаткой и даже взяла шефство над двумя маленькими медвежатами — Гришкой и Мишкой.

Она сама кормила их творогом из жестяного корытца, смотрела, как они взбираются вверх по решётке или точат зубы, грызя по очереди палочку.

Медвежата скоро стали её узнавать, протягивали ей сквозь решётку лапы и, когда она заходила к ним в клетку, тёрлись об её ноги, словно котята.

— А ты бы лучше не ходила к ним,— говорила Валя.— Они хоть и маленькие, а всё-таки медведи. Как тяпнут тебя за ногу, так всю кожу и сдерут!

— Ну вот ещё, стану я медвежат бояться! — отвечала Гуля.— Я и к волку в клетку ходила. Знаешь, к тому, к старому, с лысиной на лбу.

— К волку?! — ахала и всплёскивала руками подруга.

— Да что ты! — успокаивала её Гуля.— Если волка покормить, его можно потом гладить и трепать, как домаш-

нюю собаку, а он будет лежать на спине и от радости скалить зубы. Хоть сама проверь!

Но Вале совсем не хотелось проверять...

Солнце всё не показывалось. Лето кончалось. В погоне за солнцем киностудия решила выехать из Киева.

Перед отъездом Гуля отправилась ещё раз в зоопарк — попрощаться со своими медвежатами.

За лето они сильно выросли и стали похожи на медведей. Но Гуля, которая навещала их чуть ли не каждый день, не замечала этого. В последний день перед отъездом она, как всегда, вошла к ним в клетку и принялась играть с Гришкой. И вдруг она почувствовала, что кто-то тянет её сзади за ногу. Она оглянулась. Это был второй медвежонок — Мишка. Он стоял на задних лапах, переваливаясь с боку на бок. Гуля нагнулась к миске с водой и побрызгала ему морду. Он фыркнул, отряхнулся и вдруг, видно обидевшись, так крепко обхватил Гулю лапами, что она почувствовала, как затрещали у неё косточки.

Она бросилась к выходу. Медведи — за ней. Гуля дёрнула дверцу — не открывается. Заперта снаружи. Да что же это такое? Кто мог запереть её в клетке с медведями? А медведи дышат прямо ей в лицо, сопят, стараются поймать. То ли играют, то ли сердятся.

Кое-как вырвалась Гуля из тяжёлых медвежьих лап и вскарабкалась по приставной лестнице, стоявшей в клетке. Оба медведя, не теряя ни минуты, полезли за ней. Вот и последняя ступенька — дальше лезть некуда.

Гуля поглядела по сторонам и, сразу решившись, спрыгнула вниз, на землю. Прежде чем медведи успели спуститься вслед за ней, она уже юркнула в кормушку и на четвереньках вылезла наружу.

— Что ж ты не кричала? — услышала над собой Гуля чей-то дрожащий голос.

Она поднялась на ноги и увидела двух своих приятелей-юннатов, Клюкву и Кильку. По-настоящему их обоих звали Николаями, а Клюквой и Килькой прозвали только для

различия. У Клюквы были очень красные щёки, а Килька был тощ и вертляв, словно килька.

— Что ж ты не кричала? — повторил Килька.— У нас с Клюквой было условлено: открыть, чуть только ты закричишь. А ты будто воды в рот набрала — молчишь и молчишь. Мы и думали, что всё в порядке.

— Это, значит, вы меня заперли?

— Мы.

— Да зачем же?

— Ну, для того, чтобы посмотреть...— сказал Килька.

— Чтобы испытать твою храбрость,— перебил его Клюква.— Валька нам говорила, будто ты никого не боишься, даже к старому волку в клетку ходишь. Вот мы и хотели проверить сами...

— Проверить хотели? — сказала Гуля, еле переводя дыхание после возни с медведями.— А вот я вас запру обоих в клетку с тиграми и проверю, какие вы будете!..

— Да ты не сердись, Гуля,— сказал виновато Клюква.— Если бы ты хоть пискнула, мы бы тебя сразу выпустили, а ты молчишь.

Гуля ничего не ответила и, махнув рукой, пошла к воротам зоопарка. На повороте она оглянулась. Килька и Клюква всё ещё стояли на месте и о чём-то горячо разговаривали, размахивая руками.

На другой день студия выехала из Киева.

Среди отрогов Карпат, на зелёных берегах Буга ребята провели конец лета.

Куда только не заведёт, не забросит киноактёров судьба!

Гуля вместе с остальными ребятами жила в белой колхозной хате, распевала по вечерам украинские песни, купалась в быстрой горной речке. Это было славное время...

Книжки, которые Гуля привезла с собой, так и лежали на дне чемодана. Только иногда, во время съёмки или на отдыхе, возвращаясь с далёкой занятной прогулки, Гуля с тревогой вспоминала про свои школьные дела. «Им-то хорошо,— думала она, поглядывая на взрослых актёров,—

снимайся сколько хочешь — тебя на второй год не оставят. А тут неизвестно, что и делать: то ли сниматься, то ли купаться, то ли географию повторять. Э, ладно! В городе буду учить реки и горы, а здесь есть свои — настоящие!»

Но и в городе заниматься школьными делами ей не пришлось. В первый же день после своего возвращения в Киев она слегла в постель.

Сначала она прилегла на минутку, даже не раздеваясь. Ей казалось, что она просто устала с дороги. Болела голова, кололо в ухе. Ужасно хотелось пожаловаться кому-нибудь, но мамы в городе не было—уехала на три-четыре дня в командировку. А жаловаться чужим она не любила.

— Что с тобой, Гуля? — спросила её соседка.— Ты больна?

— Нет, нет. Это я роль учу. Мне придётся играть в картине больную девочку,— выдумала Гуля.

— Очень уж ты хорошо играешь эту роль,— сказала соседка.— Дай-ка я твой лоб пощупаю. Ишь ты, и температура даже поднялась!

Она укрыла Гулю одеялом и тихонько вышла из дому.

Через несколько часов Гулина мать получила телеграмму: «Приезжайте немедленно Гуля больна».

«ТОЛЬКО БЫ НЕ ЗАКРИЧАТЬ!»

В комнате было тихо и темно. Настольную лампу мама завесила своим шёлковым платком, шторы на окнах были опущены.

— Где же больная? — спросил старичок доктор, протирая очки.

Мама приподняла платок, накинутый на абажур.

— Вот она, доктор, полюбуйтесь.

Доктор сел на стул возле Гулиной постели.

— Я так и знала, что этим кончится,— жаловалась мама, снимая повязку с Гулиной головы.— Вы подумайте,

такая холодная осень, а она снималась в одном платье под проливным дождём!

— Мы этого дождя только и ждали,— сказала Гуля.— Сначала нам нужно было солнце, а потом настоящий проливной дождь.

Доктор покачал головой.

— Да, нелёгкая у тебя, девочка, профессия. Очень нелёгкая.

Он наклонился над Гулей.

— Отрежьте мне это проклятое ухо, доктор,— сказала она вдруг решительно.

— Это ещё зачем? — удивился доктор.

— Чтобы нечему было болеть!

Доктор засмеялся:

— А если голова болит, так и голову отрезать прикажешь? Нет уж, милая, ухо я тебе оставлю, а проколоть его проколю. Легонько-легонько. Ты не бойся.

— А я и не боюсь,— ответила Гуля.

— Правда? — спросил доктор.— Посмотрим!

Утром он пришёл с целым чемоданом инструментов.

— Так и в самом деле не боишься? — спросил он, поглядывая на Гулю из-под очков.— Может, вчера сгоряча прихвастнула? Температура-то у тебя была порядочная.

— И сегодня не боюсь,— сказала Гуля.— Только колите поскорее!

— Ишь ты, какая торопливая! — сказал доктор и стал раскладывать на чистой салфетке какие-то блестящие ножички и длинные иголки.

Гуля искоса поглядывала на все эти серебряные штучки и думала: «Только бы не закричать! А то сказала, что не боюсь, а вдруг как заору во всё горло! Вот будет стыдно...»

— Ну, моя душенька,— сказал доктор, подходя к постели с чем-то острым и блестящим в руке,— мама тебя немножечко подержит.

— Не надо,— сказала Гуля.— Когда держат, гораздо страшнее. Я лучше сама буду держать маму за руку.

И она крепко стиснула мамину руку своими горячими от жара пальцами.

— Ну, вот и всё,— сказал доктор.

Гуля перевела дыхание и открыла глаза.

На руке у мамы отпечатались все Гулины пальцы — пять красных пятен.

— Тебе было больно? — спросила мама.

— А тебе?

Мама засмеялась.

А доктор посмотрел на Гулю как-то особенно серьёзно и ласково.

— Уважаю, искренне уважаю! — сказал он и принялся укладывать в свой чемоданчик блестящие иголки и ножички.

Когда доктор наконец ушёл, Гуля сказала маме:

— Я почему-то ужасно рада. И сама не понимаю почему. Нет, понимаю. Во-первых, потому, что мне легче. Во-вторых, потому, что операция уже прошла, а в-третьих, потому, что я не кричала. Ты знаешь, ведь мне было очень больно и страшно.

— Знаю, Гуленька,— сказала мама.— И знаю, что ты у меня молодец. А теперь постарайся уснуть — тебе после операции надо как следует отдохнуть.

— И стараться нечего,— ответила Гуля.— Мне ещё никогда в жизни не хотелось спать так сильно, как сейчас. Да и ты от меня отдохнёшь.

И она уснула глубоко, крепко.

Так началось выздоровление.

Гуля лежала в чистой, свежей постели, умытая, весёлая, с книжкой в руках. Ей радостно было глядеть в окошко и следить, как час за часом облетают деревья во дворе. Радостно было читать новое и перечитывать старое — ей казалось, что ещё никогда она не понимала всё так хорошо и ясно, а стихи никогда не запоминала так быстро, как сейчас.

Знакомые ребята часто навещали её и приносили то последние цветы, то первые яблоки и груши.

Как-то раз, когда Гуля, не читая, лежала с раскрытой книгой Лермонтова в руках и без конца повторяла всё те же строчки:

Да, я не изменюсь и буду твёрд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный...—

в передней раздался робкий звонок.

Дверь отворили, но долго никто не входил в комнату. Гуля слышала только чьё-то покашливание и прерывистый, приглушённый шёпот.

— Да что там такое? Мама, кто пришёл?

— Мы с Килькой! Мы с Клюквой! — ответили из передней два голоса.

— Ну так что ж вы топчетесь? — закричала Гуля.— Входите скорей!

Они вошли и сели рядом на один стул.

— Ну, рассказывайте же! Да что вы молчите? Какие новости в зоопарке?

— Никаких, — сказал Килька. — Вот только новых змей привезли. Тропических.

— Субтропических, — поправил Клюква. — Из Абхазии.

— Сколько штук? — спросила Гуля.

— Пятьдесят четыре,— сказал Клюква.

— Пятьдесят шесть,— поправил Килька.

— Да ведь это же очень много!

— Порядочно,— согласился Клюква.

Гуля удивилась:

— А вы говорите, нет новостей! Ну, ещё что?

— Старый волк умер.

— Да что вы! Как жалко!

— Зато трёх новых волчат привезли. Мы взяли над ними шефство. Два тихонькие, а третий сразу удрал и загрыз двух павлинов.

Гуля даже подскочила.

— Как же так?

— Сторож недосмотрел. Его поймали и заперли.
— Кого? Сторожа?
— Волчонка!
— А вы-то что же смотрели?
— Мы смотрели в это время змей.
— Эх, вы! Не шефы, а вороны!

Килька и Клюква смущённо переглянулись.

Потом Килька со вздохом развернул газетный свёрточек и вынул из него два павлиньих пера.

— Это тебе на память.

Гуля укоризненно посмотрела на ребят.

— Оставьте себе на память. Будете вороны в павлиньих перьях.

Мальчики засмеялись.

— Мы и так запомним. А ты бери. Красивые пёрышки!

И действительно, перья были великолепные. На одном было очко синее с золотом, на другом — зелёное.

Посидев ещё немного молча, Килька и Клюква собрались уходить. В дверях они остановились.

— Да, чуть не забыл! — спохватился Килька.— У нас собрание было. Делили всех на три группы — на ударников, кандидатов в ударники и на срывщиков.

— А куда я попала? Небось в срывщики?

— Нет, в ударники.

— Да я же больна!

— Это не считается. Вот мы здоровые, а попали только в кандидаты.

— Из-за павлинов,— сказал Клюква.

— Из-за волчонка,— поправил Килька.

И они ушли.

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Гуля выздоровела.

Её несколько раз сняли ещё для картины «Солнечный маскарад» (теперь уже не на открытом воздухе, а в павильоне кинофабрики), и Гуля поехала в Одессу — в свою школу.

Незадолго до отъезда она начала заниматься, чтобы догнать класс. Но оказалось, что взялась она за дело слишком поздно. Класс успел уйти далеко вперёд. И у Гули началось очень трудное время.

Ей было тем тяжелее чувствовать себя «неуспевающей» ученицей, что она была теперь у всех на виду. О ней писали в газетах, многие помнили её по кинокартинам, и совсем незнакомые ребята на улице узнавали её:

— Смотри, Василинка из кино!

— Верно! Она самая. Дочь партизана!

Знакомясь с Гулей, взрослые обычно говорили ей:

— А, Гуля Королёва! Как же, как же, знаем про тебя, видели. Ну, а как ты учишься? Конечно, отличница?

— Нет,— угрюмо отвечала Гуля и старалась поскорее отойти в сторону.

Из Москвы приехала в Одессу на кинофабрику журналистка. Она забросала Гулю самыми разнообразными вопросами: давно ли Гуля снимается, какие из своих ролей любит особенно, чувствует ли удовлетворение от своей работы.

— Нисколько не чувствую,— сказала Гуля.

— Ах, вот как? И ты не собираешься быть артисткой?

— Не собираюсь.

— Интересно,— сказала журналистка и стала что-то записывать в своём блокноте.

Это совсем смутило Гулю, и она перестала отвечать на вопросы. Но журналистка не отступала.

— Что ж ты молчишь? Трудно сниматься в кино?

— Трудно,— ответила наконец Гуля.

— Почему же трудно?

— Нужно стоять неподвижно, а мухи кусают за ноги.

Журналистка всплеснула руками и засмеялась. Гуля и сама не могла удержаться от улыбки.

— Ну, а как ты учишься? Конечно, отлично?

— Плохо,— сказала Гуля, и улыбка сразу сбежала у неё с губ.

— Неужели плохо? — удивилась журналистка и отодвинула блокнот.

Гуля ничего не ответила. Она не могла сказать, что учение стало для неё в последнее время больным местом.

Однажды Гуля вернулась домой из школы вся в слезах. Бросив сумку с размаху на диван, она уселась на подоконнике и забарабанила по стеклу пальцами.

— Ну вот,— сказала она,— теперь целая история!

— А что опять случилось? — спросила мама.— Какая история?

— С географией! — ответила Гуля.— Сегодня вызвали, а как я могу отвечать, если я ничего, ничего не знаю?!

— Отчего же ты ничего не знаешь?

— Да я же полгода пропустила!

И, закрыв лицо ладонями, она залилась слезами.

— Вот честное пионерское,— говорила она плача,— всю жизнь теперь буду заниматься только одной географией. Бог с ним, с кино, если от него такие неприятности!

Мать несколько минут смотрела на Гулю молча.

— Вот что, Гуля,— сказала она наконец,— давай поговорим с тобой серьёзно. О чём ты плачешь?

— Если бы ты знала, как мне было стыдно сегодня на географии, ты бы не спрашивала!

— А кто в этом виноват?

— Да ведь не могу же я два дела разом делать — и сниматься и учиться!

— Ну, перестань сниматься.

— Жалко очень.

— Тогда брось школу.

— Что ты, мама! Разве это можно?

— Отчего же? Чем так учиться, как ты сейчас, лучше совсем бросить. Кино тут ни при чём. Просто у тебя нет характера.

Гуля посмотрела на мать обиженно и насухо вытерла слёзы.

— Как это нет? — спросила она.

— Конечно, нет,— сказала мама.— Сколько людей на свете должны и работать и учиться. И прекрасно успевают. А ты не успеваешь ничего. Возишь с собой целый чемодан книжек, а не можешь заставить себя открыть их. Ну, что поделаешь! Видно, придётся помочь тебе...

— Как помочь?

— Взять репетитора, что ли. Пусть он тебя подтянет.

Гуля закусила губу.

— Вот пойду завтра к вашему директору,—спокойно продолжала мама,— и спрошу у него, не может ли он порекомендовать какого-нибудь студента или старшеклассника. А может быть, отличника из вашего класса.

— Нет уж,— негромко сказала Гуля и упрямо опустила голову.— Не хочу я.

— Почему же? Тебе легче будет...

— Нет уж! — повторила Гуля, решительно вставая с места.— Не надо мне репетитора. До этого дело ещё не дошло.

ВТОРАЯ ВЫСОТА

Несколько месяцев боролась Гуля с географией, историей, алгеброй, а главное — с собой.

Выучить как следует уроки на завтра, хорошо, с блеском ответить один раз было не так трудно. Но наверстать всё потерянное, пропущенное, вечно догонять, догонять, возвращаться назад, учить то, что другие уже давно выучили,— для этого и в самом деле нужно было много выдержки и терпения.

Подошли экзамены.

Балконная дверь и окна открыты настежь, и в комнату доносится медовый запах лип и акаций. Совсем близко, за поворотом тихой улицы, гремит и движется море. Не так-то

легко усидеть в такой чудесный день дома, особенно когда тебе всего тринадцать лет и на берегу тебя ждёт лодка.

Но Гуля разложила на столе книги, на стене развесила географическую карту и вместе с подругами готовится к экзамену.

— Наша страна — самая большая из всех стран мира,— торжественно начинает она рассказывать первую главу учебника географии.

Гуля рассказывает, а подруги её, которым она придумала смешные прозвища — Лёля Пончик и Лина Блин,— тоже не теряют времени даром: Лина раскрашивает зелёным карандашом пальмы на набережной Батуми в учебнике географии, а Лёля рисует на обложке алгебраического задачника портрет почтмейстера Шпекина.

Гуля строго и пристально смотрит на Лёлю и Лину.

— По рисованию экзамена не будет,— говорит она,— а на географии вы провалитесь. Вы даже не слушаете, что я рассказываю.

Лёля и Лина откладывают в сторону карандаши.

— Ну что ты! Как это не слушаем! Рассказывай!

Гуля крупными шагами прошлась из угла в угол.

— Чтобы проехать в курьерском поезде нашу страну с западной границы во Владивосток, надо ехать двенадцать суток...

— Вот бы хорошо! — задумчиво говорит Лина.— Едешь, едешь — и никаких тебе географий...

— Ну, положим, без географии далеко не уедешь,— говорит Гуля и открывает новую страницу в учебнике.— Теперь — моря. Хочешь ты поплавать по морям, Пончик?

— Я и так буду плавать на экзамене. Рассказывай ты, а я запомню.

Гуля долго рассказывает про моря, а Лёля и Лина, облокотившись на стол, слушают, как шумит за окном настоящее море.

— Выкупаться бы! — вздыхает Лина.

— Погоди,— говорит Гуля,— успеешь. Теперь — горы. Рассказывай ты.

— Я? — пугается Лина.— Я знаю только животный мир тундры.

— Сама ты тундра! Ну, не ленись, рассказывай.

— Ты начинай, а я потом...

Втроём, время от времени заглядывая в книжку, они одолевают горы.

— Жарко! — стонет Лёля.— Ну пойдём хоть разочек выкупаемся. Голова свежее станет!

— Нет,— неумолимо отвечает Гуля.— Заниматься так заниматься! Надо пройти всю географию.

— Всю! Зараз! А завтра?

— Завтра будем повторять.

— А когда же купаться?

Гуля ничего не ответила.

До пяти часов вечера она продержала Лёлю и Лину в комнате. Когда она наконец захлопнула книгу, они даже не поверили своему счастью.

— Неужели кончили, Гуля?

— Кончили! Теперь — к морю! Вы что — думаете, мне не хотелось купаться? Ещё больше, чем вам.

И все три девочки наперегонки помчались по переулку в ту сторону, откуда доносился тяжёлый, гулкий морской шум. Белая с красной полосой лодка отчалила от берега.

— Пусть она сама плывёт,— сказала Гуля и, подняв весло, легла на корму.

Упругие зелёные волны мерно приподнимали и опускали лодку. Солёный ветер свежей ладонью прикасался к разгорячённым щекам девочек, трепал их волосы и воротники.

Гуля жадно глотала вкусный морской воздух.

— Ой, девочки,— сказала она,— как хорошо, как интересно жить на свете!

— Да, было бы хорошо,— вздохнула Лина,— если бы только экзаменов не было.

Гуля на минуту задумалась.

— А я люблю экзамены,— сказала она медленно.— Хоть и страшновато бывает, а хорошо.

— Гулька, ты врёшь!

— Нет, честное слово, не вру. Знаете, девочки, у меня перед экзаменом такое чувство бывает, как перед прыжком в воду. И холодно и страшно, а прыгнешь — и сразу станет жарко и весело.

Лёля пожала плечами:

— Ну, кому весело, а кому и не очень.

— А это от тебя зависит, чтобы было очень.

И вот наступил день экзамена. Утро выдалось какое-то особенное — синее, чистое, словно его выветрили морские ветры, омыли морские волны.

Гуля надела белое, только что выглаженное платье. Ей было приятно, что оно такое светлое, свежее — без единой морщинки, без единого пятнышка. Внимательно глядя в зеркало, она причесала волосы и пошла в школу.

Мать долго стояла у окошка и глядела ей вслед. Такая сосредоточенная и радостная уходила Гуля прежде только на съёмку.

В классе было тихо и торжественно. На доске коричневыми, зелёными и голубыми пятнами пестрела огромная карта СССР.

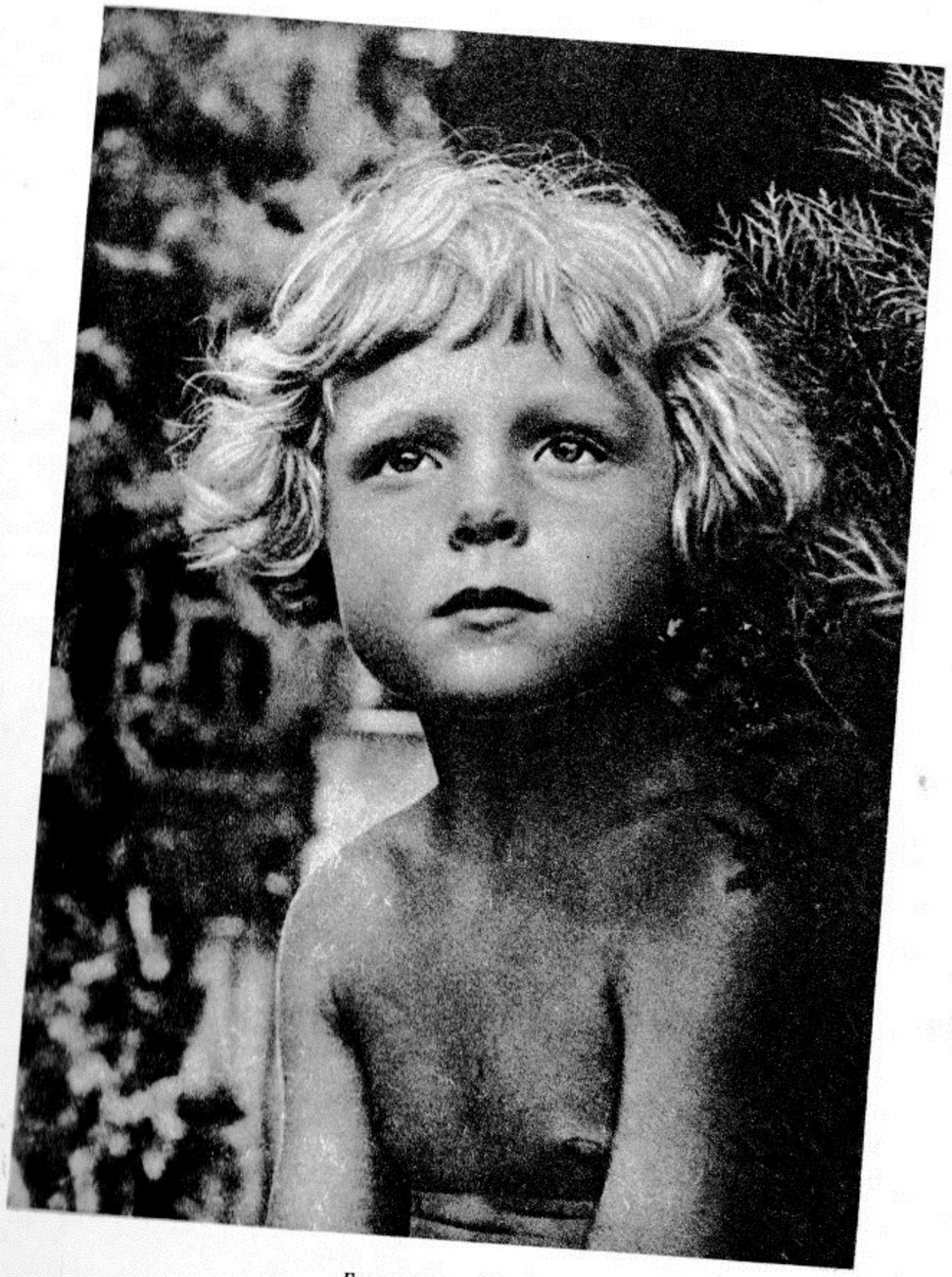
Учительница географии Вера Андреевна, седая, спокойная, в незнакомом парадном платье, экзаменовала Гулину подругу Лёлю. Ассистенты внимательно слушали еле внятное бормотание Лёли. Указка в её руке растерянно бродила по карте, словно не знала, на чём остановиться.

— Засыпалась! — с ужасом шептала у Гули над ухом её соседка Лина.— И я тоже засыплюсь. Ой, до чего я боюсь! А ты?

Гуля подумала: «Боюсь?» И ответила:

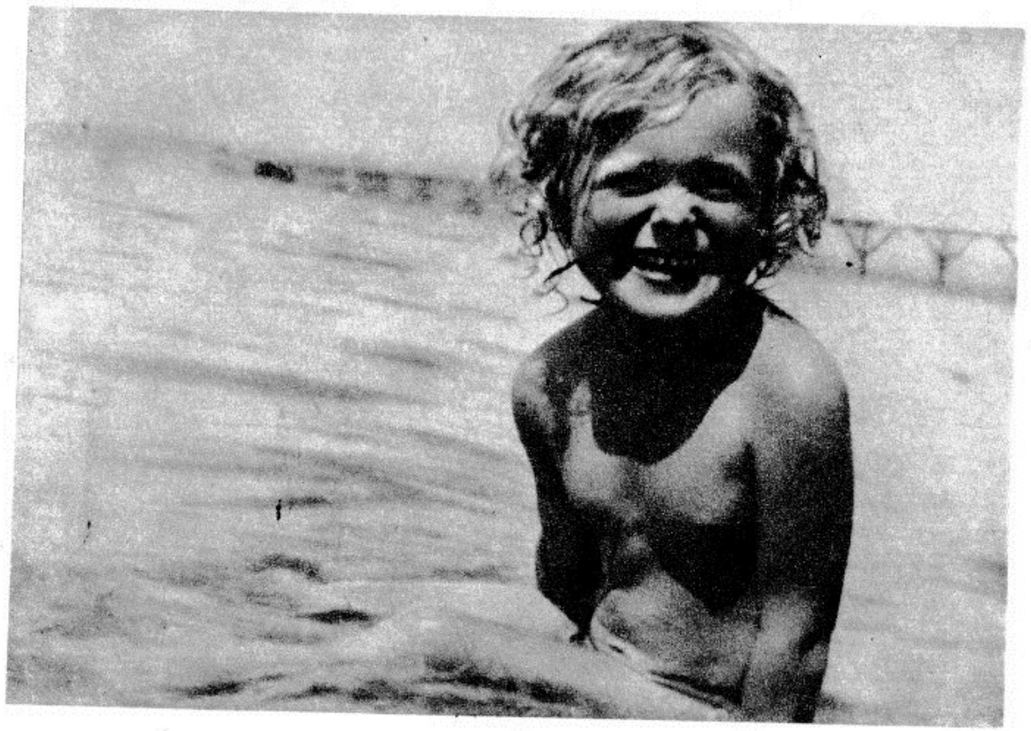
— Нет, не боюсь!

И когда до неё донёсся голос Веры Андреевны: «Королёва!» — Гуля стремительно сорвалась с места. Кто-то из ребят



Гуле три года.

Трёхлетняя артистка. (Кадр из кинокартины «Каштанка».)



Море по колено!

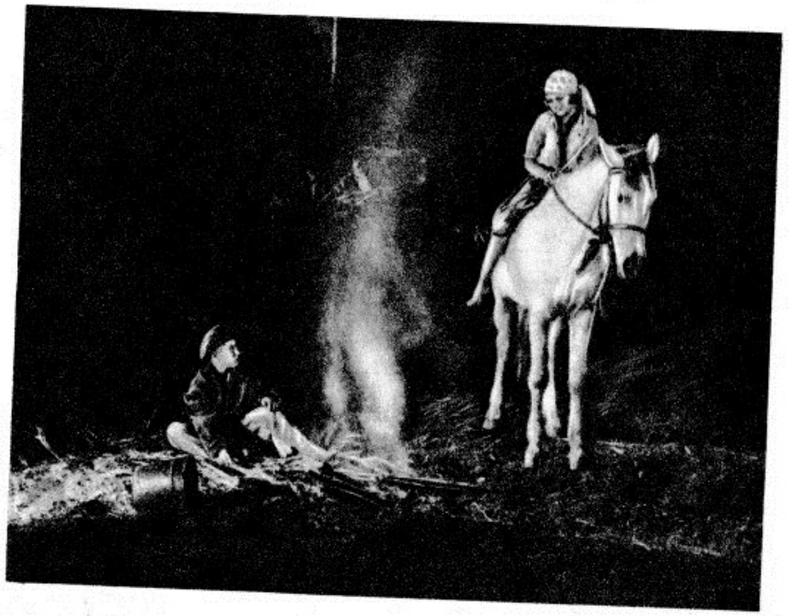
Гуле четыре года.

Гуля с мамой.

Ну чем не баба рязанская? (Кадр из кинокартины «Бабы рязанские».)

Летом в деревне.

Укрощённый Абрек.



Гуля в роли Василинки. (Кадр из кинокартины «Дочь партизана».)

Гуля в роли Варьки. (Кадр из кинокартины «Я люблю».)

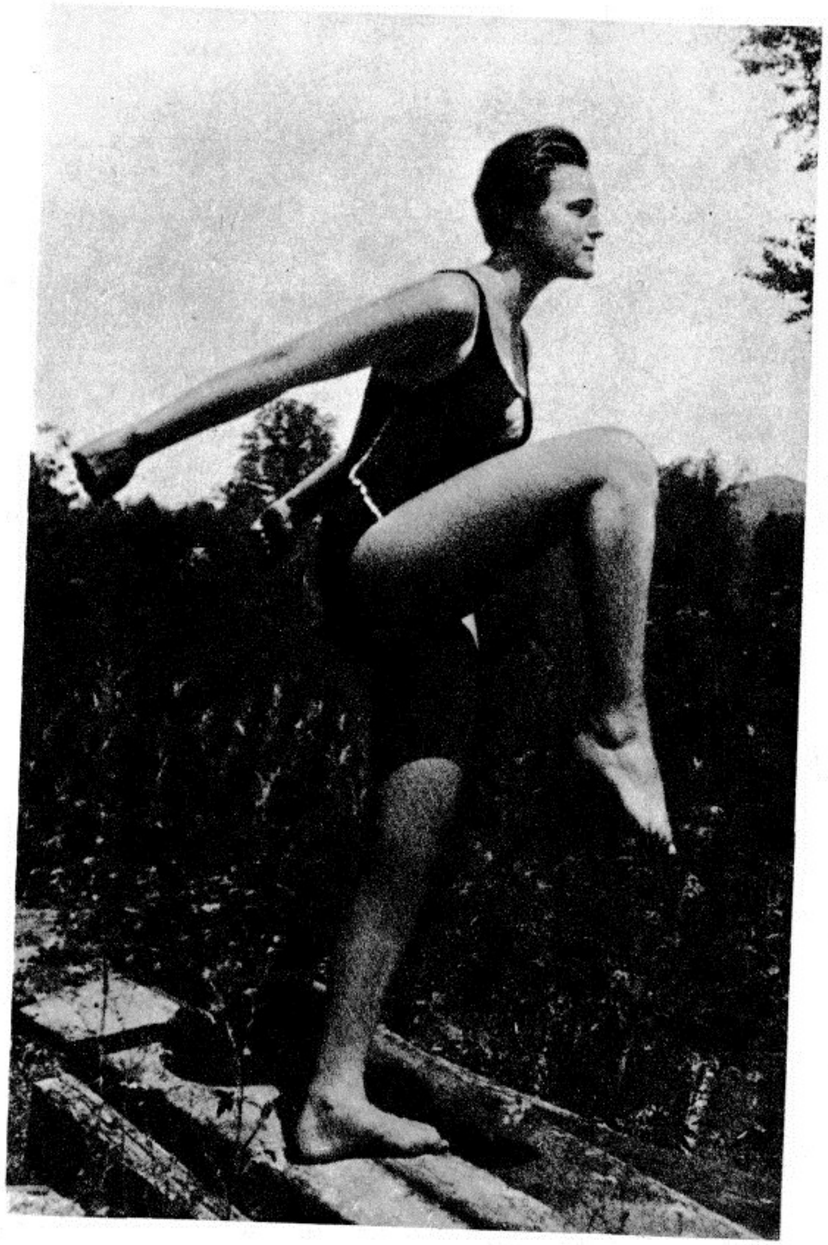
Василинка. (Кадр из кинокартины «Дочь партизана».)

Гуля — юннатка.

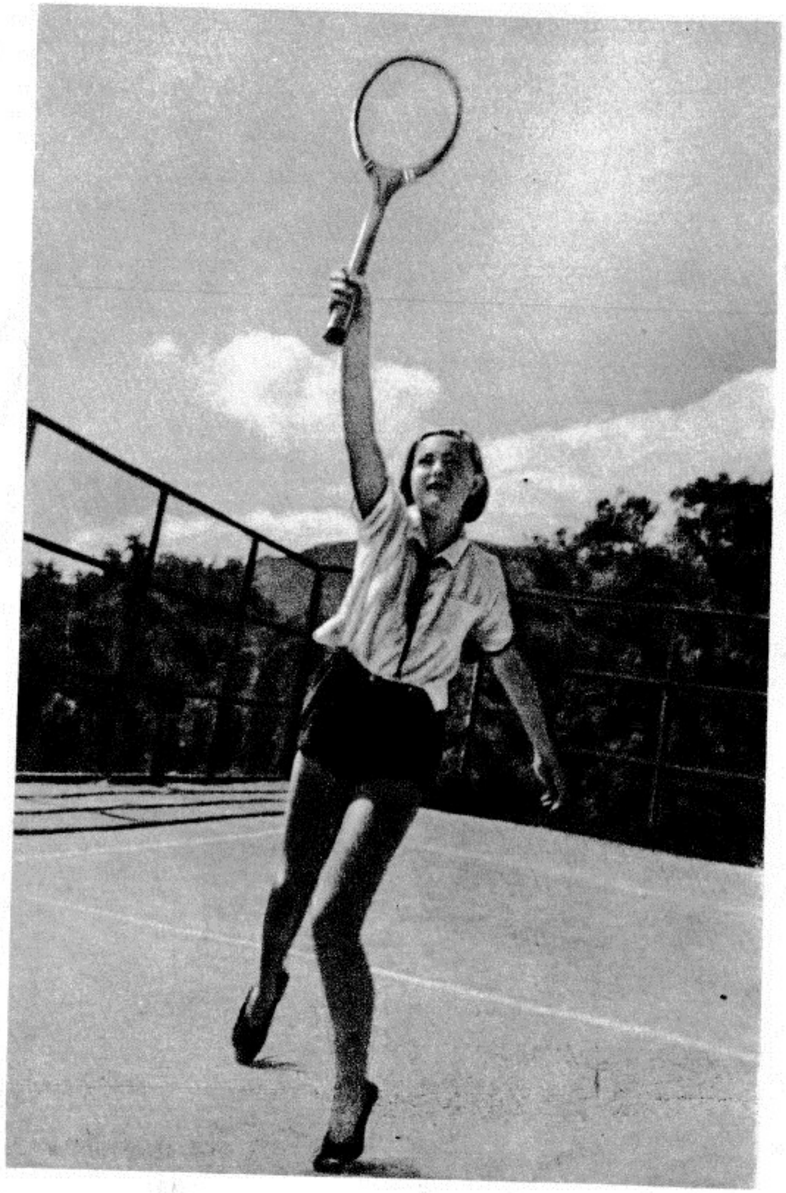
Гуле четырнадцать лет.

В санаторном парке.

Гуля среди испанских ребят в санатории под Одессой.



Гуля — спортсменка.



На теннисном корте Артека.

Василинка.

Кадр из кинокартины «Дочь партизана».

Гуля на сборе винограда в Артеке.

даже засмеялся. Но она, не оглядываясь, бросилась к столу экзаменаторов с таким видом, словно это был не стол, а барьер, который ей нужно было во что бы то ни стало взять.

Ей показалось, что Вера Андреевна посмотрела на неё как-то сбоку, опасливо и недоверчиво, и Гуля сразу вспомнила тот несчастный и позорный день, когда она стояла, опустив голову, у этой же самой «немой» карты и не могла показать ни одной реки, ни одной горы. Странное дело: тогда она и в самом деле была немая, эта большая географическая карта, и ровно ничего, ну как есть ничего не говорила Гуле, а теперь стоило только взглянуть на неё, и она каждой своей чёрточкой, каждой извилиной начинала напоминать и подсказывать.

— Возьми билет, Королёва,— сказала Вера Андреевна.

Сердце у Гули ёкнуло и на мгновение остановилось. Она поглядела на одинаковые клетчатые листки бумаги.

«Который же из них мой? Ну, пусть этот — третий слева».

Она развернула билет и громко прочла:

— «Восточно-Сибирская часть СССР».

И сейчас же память послушно открыла перед ней ту самую страницу учебника, на которой было написано:

«Восточно-Сибирская горная страна расположена между рекой Енисеем и берегами Тихого океана».

И, сделав над собой усилие, чтобы не говорить по учебнику слово в слово, Гуля, не переводя духа, принялась рассказывать.

Длинная деревянная указка, следуя за её рассказом, легко скользила по карте, то обрисовывая чёрные извилины рек, то обводя голубые окошки озёр.

Вера Андреевна слушала её сначала с тревогой, потом с удивлением, потом с какой-то особенной, задумчивой улыбкой. Когда Гуля на минуту опустила указку, Вера Андреевна посмотрела на своих ассистентов горделиво и вопросительно. Казалось, она хотела спросить их: «Видите, какова?»

— Очень хорошо! Очень хорошо! Отлично! — в один голос сказали ассистенты.

И Гуля, положив указку на стол, тихонько пошла на своё место. Щёки у неё горели, а губы сами собой продолжали шевелиться — должно быть, они всё ещё рассказывали что-то про Восточную Сибирь.

Домой она влетела, как буря.

— Мама! «Отлично»! — крикнула она ещё с порога.

И вдруг, словно поражённая какой-то неожиданной мыслью, Гуля замолкла и села у стола, опустив голову на руку.

— О чём ты, Гуленька? — спросила мама.

— Не знаю, как тебе сказать,— ответила Гуля задумчиво.— Грустно немножко.

— Грустно? — удивилась мама.— Отчего же? Ведь ты сегодня победительница.

— Да нет, не грустно. Я не так сказала. Пусто как-то. Вот понимаешь, столько дней я спешила, гнала, боялась не успеть. А теперь будто с поезда на ходу спрыгнула. Приехали! Некуда дальше.

Мама покачала головой.

— Что ты, Гуля! Какое там приехала — твоя дорога только начинается. Разве ты сама не чувствуешь?

— Да, конечно,— сказала Гуля.— А знаешь, мама, сегодня на экзамене мне почему-то вспомнилось, как я барьер брала. Помнишь, в «Дочке партизана»? Сивко меня чуть не сбросил тогда. И сбросил бы, если бы я на него не рассердилась как следует.

— А теперь ты на кого расеердилась?

— На себя... Шутка ли сказать, до того дошло, что ты мне чуть-чуть репетитора не наняла! Репетитора!..

— Это я тебя только пугала, Гуля.

— Хитрая, знала, чем пугать. Ну вот, я испугалась да со страху и расхрабрилась. Взяла второй барьер.

— Этот барьер, Гуленька, повыше прежнего. А дальше будут и ещё выше.

— И те возьмём! — закричала Гуля и вдруг подбросила свёрнутую трубкой карту до самого потолка.

— Тише, Гуля, что за неуважение к географии!

Гуля ловко подхватила свёрток на лету.

— Нет, я её уважаю, я её обожаю. Только до осени я запрячу все эти карты куда-нибудь подальше! Да и учебник заодно.

ПИСЬМА ОТОВСЮДУ

Однако же и карты и учебник географии опять понадобились Гуле. И даже очень скоро.

У неё завязалась самая удивительная переписка, в которой было бы нелегко разобраться, если бы под рукой не было карты СССР и старого, заслуженного учебника географии.

На имя Гули по адресу кинофабрики со всех концов нашей страны стали приходить бесчисленные письма. Гуля подолгу рассматривала карту, отыскивая области и города, откуда эти письма приходили.

«Дорогая, уважаемая артистка Гуля! Картину, где вы играете, я смотрел с ужасным волнением. Да не я один, а все мои товарищи — красноармейцы Дальневосточной. Может, вы бы смогли приехать сюда к нам, посмотреть, как мы, дальневосточники, живём здесь, среди сопок? Скоро кончается мой срок, и я вернусь в свой колхоз Воронежской области. Если не успеете сюда приехать, то приезжайте обязательно тогда в наш колхоз. Увидите, какая у нас там стала замечательная жизнь. Я вам всё покажу. Хозяйство у нас стало справное, вздымаем его очень высоко. А пока до свидания, дорогая, уважаемая артистка Гуля.

Остаюсь ваш неизменный друг».

Гуля смотрела на окраину нашей страны — Дальний Восток — и думала о том, как это странно и удивительно,

что так далеко, так страшно далеко, кто-то знает о ней, ученице одесской школы.

Потом она отыскала на карте Воронежскую область и решила, что обязательно поедет когда-нибудь погостить в этот самый колхоз, в котором построена такая замечательная жизнь.

Но, распечатав второе письмо, третье, четвёртое, Гуля растерялась. Её звали в гости и в город Сумы, и в Полтаву, и в далёкий Ташкент, и в Архангельск... Комсомолец из города Сумы писал Гуле, что она «очень аккуратно справилась со своей ролью» и что если она будет и дальше работать над собой, то, наверное, станет народной артисткой.

И каждый, кто писал Гуле, рассказывал что-нибудь о себе, о своей жизни.

Читать эти письма было необыкновенно интересно и увлекательно.

Но особенно озадачило её письмо, полученное с Тихого океана от моряков-комсомольцев. Они писали Гуле, что во время плавания нашли у себя на корабле в красном уголке газету с Гулиным портретом. По тону письма видно было, что они, как и многие другие, принимали её за взрослую актрису, играющую роль девочки. Они просили товарища Королёву, молодую, талантливую артистку, рассказать им подробно о жизни артистического мира, о своих творческих замыслах, о картинах, в которых она участвовала или собирается участвовать.

Прочитав это письмо, Гуля задумалась.

— Мама,— сказала она,— посоветуй, как мне на него ответить.

— А что?

— Да ведь они думают, что я взрослая. Да, да, взрослая! И хотят, чтобы я написала им про артистический мир и про творческие замыслы. А что я могу им про это написать?

— Ничего,— сказала мама.— Напиши им попросту,

сколько тебе лет, в каком ты классе — и никаких творческих замыслов. А если будешь притворяться старше и умнее себя, письмо выйдет глупое.

Гуля так и сделала. Она написала морякам подробное письмо о своей жизни, о школе, о последних экзаменах, о том, что давно уже не снимается в кино. Сбоку она приписала:

«Правда ли, что на военных кораблях всегда бывают любимцы моряков, какие-нибудь зверята? Нет ли у вас на корабле какого-нибудь медвежонка или лисёнка? Я старая юннатка и очень люблю всяких животных, начиная от ежей и белых крыс и кончая слонами».

В ответ Гуля получила сразу несколько писем. Со всей серьёзностью и уважением моряки писали «старой юной натуралистке» о жизни на корабле, о том, какие диковинные морские животные, похожие на цветы, водятся на дне Тихого океана, о том, какая удивительная жизнь идёт на морском дне.

К сожалению, ни медвежат, ни лисиц, не говоря уже о слонах, на корабле не оказалось. Из всех представителей животного мира на корабле был только один, и то самый обыкновенный — кот Васька. Он был замечателен только тем, что дважды совершил кругосветное путешествие и поймал мышь на острове Куба.

— «Тихий океан»,— читала Гуля, стоя у карты, название, выведенное на огромном пространстве, которое было окрашено в бледно-голубой цвет.— «Остров Куба».

И, думая о советском корабле, пересекающем океан, Гуля уже мечтала о том, чтобы поскорее вырасти и тоже отправиться в далёкое путешествие.

Её мечта сбылась прежде, чем она ожидала. Правда, ей предстояло ехать не так уж далеко, всего только в Крым, но и эта поездка при некотором воображении могла сойти за настоящее путешествие.

АРТЕК

«Дорогой папочка, у меня огромная радость — я еду в Артек! Это награда за кино, а также за то, что я хорошо перешла в восьмой класс...»

Присев к столу, Гуля торопливо писала. Рядом, на стуле, стоял пустой открытый чемодан, а на диване были аккуратно разложены все незатейливые Гулины «наряды» — её белое платьице, в котором она сдавала экзамены, пёстрые сарафаны, майки.

«...Подумай, папочка, я поеду теплоходом до Севастополя, а там — машиной до Артека! Сейчас у нас дома, конечно, разговоры только об Артеке. Я даже вещи уже собрала, хотя сегодня ещё двадцать третье, а ехать мне только первого. Так долго ждать! Путёвка мне досталась в Нижний лагерь, тот, что на берегу моря. Вот красота! Я в неописуемом восторге!»

Медленно тянулись дни этой недели. Гуле казалось, что стрелки на её часиках не движутся, а стоят на месте. И Гуля всё подносила часы к уху, прислушиваясь, идут ли они.

Но всему в жизни приходит свой черёд.

И вот голубой автобус мчит Гулю по белой горной дороге. Впереди — Артек!

Машину обступили горы — то голые, то кудрявые от зелени. Только справа дорога будто отрезана с края: она проходит над крутым обрывом.

— Ой, как узко! — закричала маленькая девочка, сидевшая рядом с Гулей, когда автобус стал пробираться между каменной стеной и пропастью.

— Не бойся,— сказала Гуля.— Держись за меня.

Дорога вилась и поднималась всё выше. Серые, будто ватные клочья ползли по сторонам вниз.

— Дым! — удивился кто-то из ребят.— Откуда это дым валит?

— Да это не дым, это пар,— отозвался другой.

— И не дым и не пар,— сказал смуглый черноглазый пионер в вышитой тюбетейке.— Это облака.

— Ой, как высоко мы забрались! — заговорили ребята наперебой.— Выше облаков!

Машина обогнула уступ скалы и стала на тормозах спускаться вниз. Когда выехали за Байдарские ворота, внизу сразу открылась безбрежная синева.

— Море! — закричали ребята.

— Море, Чёрное море,— задумчиво проговорила девочка, которая сидела рядом с Гулей.

Она только сегодня утром впервые увидела море — там, в Севастополе, куда привёз её поезд из Москвы.

— А почему оно чёрное, когда оно синее?

— Оно в ясную погоду синее,— сказала Гуля,— а в штормы бывает как будто совсем чёрное.

Вот уже близко-близко к морю подошла дорога, и стало слышно, как шумно плещут и грохочут галькой волны, разбиваясь о берег и откатываясь назад.

— Приехали! — сказал шофёр и вогнал машину в открытые ворота.

Запахло кипарисовой смолой и цветами.

...В тот же самый день Гуля вместе с несколькими ребятами побежала осматривать парк.

Со всех сторон съехались в Артек ребята. Тут были и сибиряки, и кавказцы, и белорусы, и узбеки. Певучая украинская речь мешалась с окающим говором волжан.

Парк был очень большой. Аллеи и тропинки шли вверх, в гору, спускались вниз, к берегу, разбегались в разные стороны. Внизу, в парке, росли остролистые пальмы, магнолии с плотными, точно кожаными, листьями, крупные розовые орхидеи. А выше по склонам светились над колючей хвоей можжевельников желтовато-зелёные листья грабов.

Вдали высилась тёмная от зелени гора. Она была похожа на огромного бурого зверя, который улёгся у моря и пьёт воду.

— Аю-Даг — Медведь-гора,— сказал кто-то из ребят.— Какая большая!

— Не очень большая. У нас на Кавказе много выше горы есть,— сказал смуглый черноглазый пионер, тот самый, который объяснил, когда ехали, что это не дым, а облака. Но тогда, в дороге, на голове у него была вышитая тюбетейка, а сейчас белая панамка, как у всех ребят.

— А ты откуда? — спросила Гуля.

— Кабарду знаешь? — ответил ей вопросом черноглазый пионер.— Селенье Кенже знаешь? — И он посмотрел Гуле прямо в глаза.

— Нет, никогда не слыхала,— ответила Гуля.— Про Кабарду я слыхала, а про Кенже слышу в первый раз.

Потом, помолчав немного, она спросила:

— А тебя за что путёвкой премировали?

Гуля уже знала, что эта смена особая — почти все ребята были премированы путёвками за какую-нибудь заслугу перед страной. Среди приезжих ребят были пионеры, о которых знала вся страна.

— Коней вырастил,— весело ответил кабардинец, сверкнув очень белыми зубами.— Костика, Казбека и Заурбека.

— Для кого вырастил? — спросил кто-то из ребят.

— Как — для кого? Для Красной кавалерии. Я и сам джигит.

— Так ты Барасби? — обрадовалась Гуля, вспомнив, что она читала о нём в «Пионерской правде».— Барасби Хамгоков!

Во все глаза смотрела она на этого стройного, худощавого, остроглазого пионера, которого никак не ожидала встретить.

— Я тоже лошадей люблю,— сказала она.— И верхом ездить умею.

Барасби недоверчиво посмотрел на неё. Но скоро они разговорились, и Гуле стало казаться, что она уже давно знакома с этим юным джигитом из предгорного селения Кенже.

Спустя полчаса ребята уже знали, кто откуда и кого как зовут. Среди ребят оказались настоящие герои — один пионер спас от гибели самолёт (развёл костёр, и лётчик понял, что посадки нет), другой пристрелил двух волков, третий спас из огня пожара маленького ребёнка...

— А ты тоже спасла кого-нибудь? — спросила Гуля низенькую черноглазую девочку.

— Нет, я хлопок собирала,— ответила девочка, с трудом выговаривая русские слова.— Таджикистан знаешь?

Гуля внимательно посмотрела на смуглое широковатое лицо.

— Мамлякат! — узнала она.— Нахангова! Ну конечно, знаю! Во всех газетах твою фотографию видела. Всё, всё о тебе знаю — как ты хлопок обеими руками собирала и как получила за свою работу орден Ленина. И как в Кремле была — тоже слышала.

С этого дня Гуля подружилась с Мамлякат и с Барасби.

Гуля учила Мамлякат русским песням и пляскам. А Барасби наконец поверил, что эта белокурая московская девочка умеет ездить верхом, и стал учить её ездить по-джигитски.

«Эх, показала бы я теперь на киносъёмке, как надо брать препятствия! — думала Гуля, вспоминая, сколько огорчений доставил ей её первый барьер.— Показала бы высшую школу верховой езды!»

Из-за этой «высшей школы верховой езды» Гуле пришлось однажды схитрить. Она убежала потихоньку с мёртвого часа, и мёртвый час превратился у неё в самый живой из всех часов дня.

Но тут встретилась неожиданная помеха. Мамлякат заметила её таинственную отлучку и решительно отказалась

отдыхать, когда другие не отдыхают. Она тоже не была любительницей тихого часа.

Это смутило Гулю. Особенно когда последовали её примеру ещё две девочки и не захотели ложиться спать днём. Но не отказаться же из-за этого от великолепной прогулки верхом по горам!

И вот Гуля придумала выход из затруднительного положения. Вместе со всеми ребятами она послушно улеглась в постель. А когда её соседки заснули, она тихонько встала и на цыпочках прокралась к дверям, за которыми сияло ослепительное южное солнце.

На беговой дорожке Верхнего парка её поджидал Барасби Хамгоков. Он сидел верхом на гнедой лошади и держал на поводу другую лошадку, чуть посветлее мастью.

Вся золотая на солнце, лошадка нетерпеливо переступала копытами и, вытянув шею, будто шептала что-то на ухо лошади Барасби.

Гуля вскочила в седло, с горделивой радостью сознавая, что теперь это уже не стоило ей никаких усилий.

Барасби, не сказав ни слова, тронул поводья, и они поскакали по беговой дорожке, а потом выехали за ограду парка на горную тропинку.

Лёгкий ветерок, вея прохладой, нёс им навстречу пряный запах чабреца. Справа, за глубоким, тёмным обрывом, синел, блестя как сталь, залив Чёрного моря. Слева высились крутые скалы, поросшие мхом.

— Надо пораньше вернуться в лагерь,— сказала Гуля, сдерживая свою лошадку на узенькой тропинке.— Если заметят, что мы удрали с тихого часа, нам несдобровать.

И, прежде чем внизу раздались звуки фанфар, ребята успели примчаться домой. Поставив лошадей на место, они пробрались в свои домики, которые здесь, в Артеке, назывались «палатками». Гуля незаметно юркнула в постель.

Мамлякат лежала рядом с закрытыми глазами и ровно дышала.

«Вот хорошо! — подумала Гуля.— Никто ничего не заметил. Сошло!»

Но вдруг на лице спящей Мамлякат появилась лукавая улыбка.

— Какой я сон видела! — сказала она, потягиваясь.

— Какой? — спросила Гуля шёпотом, чтобы не будить соседей.

— Такой сон видела... как будто все ребята спят, а ты с Барасби верхом ездишь... Нехороший сон, нечестный.

— Откуда же ты это знаешь? А, Мамлякат?

— А так и знаю. Ты встала, и я встала. Ты в парк, и я в парк. А потом ты поехала, а я тебе рукой помахала и назад пошла.

— Мамлякат! Дорогая! Это я в последний раз. В самый последний. Я ведь сама знаю, что это нехорошо. Но ты понимаешь, мне так нужно научиться ездить верхом! Так нужно! А когда? Всё время у нас расписано — завтрак, обед, линейка, купанье, лодка, экскурсия, костёр... А дома и совсем некогда.

— А зачем меня обманула? — с горькой обидой спросила Мамлякат.

— Вот это и в самом деле плохо! — сказала Гуля, почувствовав свою вину.— Я не люблю обманывать... И не буду! Ни тебя, ни вожатых, никого! Ты мне веришь, Мамлякат?

— Верю, верю,— сказала Мамлякат.— Не сердись на меня... И на себя тоже не сердись!

И она потрепала Гулю по щеке.

В ЛЕСУ АЮ-ДАГА

Дни летели один быстрее другого.

Вокруг были чудесные новые места и чудесные новые друзья.

Вместе со всеми ребятами Гуля купалась в море, играла на площадке в волейбол, в теннис на теннисном корте, соби-

рала камни на морском берегу, ловила для лагерного музея сачками бабочек. Бабочки здесь были удивительные — крупные, ширококрылые и такой окраски, которую нарочно ни за что не придумаешь: чёрные с золотой пылью, белые с голубой каймой, оранжевые с тёмно-синими пятнами, похожими на глазки́ павлиньих перьев.

Гуля и Барасби поймали самых красивых. Они оба очень быстро бегали и ловко работали сачками.

Спустя несколько дней, когда Гуля и её товарищи собрались после чая на веранде лагерного клуба, туда вошёл старший вожатый Лёва.

— Завтра с утра,— сказал он,— мы с вами пойдём в поход — на вершину Аю-Дага.

Лагерный клуб помещался в лёгком белом домике, со всех сторон окружённом открытой верандой. Тремя сторонами веранда выходила в парк, а четвёртой стороной — прямо в море. Здесь всегда было свежо и шумно — ветер похлопывал холщовыми занавесями, как парусами.

В самом домике стояли шкафы с книгами и стеклянные витрины с камнями, жуками, бабочками, ящерицами и водорослями. Но здесь ребята почти никогда не собирались. Настоящий клуб был на веранде. За белыми столиками у самых перил ребята играли в шахматы, читали, разрисовывали стенгазету. Если в море поднималась волна, столики то и дело приходилось вытирать полотенцем, а стенные газеты уносить на ту сторону веранды, которая выходила в парк.

Ребята разом вскочили на ноги и окружили Лёву.

— Завтра в шесть часов утра,— продолжал он,— мы встаём.

И он объяснил ребятам, как нужно готовиться к походу.

А потом все врассыпную бросились к своим палаткам собирать рюкзаки и всё, что нужно для путешествия.

Наутро четвёртый отряд вместе с начальником похода Лёвой и отрядной вожатой Соней двинулся в путь.

К вечеру путники дошли до вершины Аю-Дага. Ребята

натянули брезентовые палатки, развели костёр, и дежурные принялись готовить ужин.

Ночь была безлунная, чёрная, тихая.

Костёр понемногу разгорался, и огонь полз во все стороны. На секунду он прятался в чёрном дыму, а потом опять с треском выбивался наружу и взлетал вверх высокими пылающими фонтанами. Искры летали над поляной, точно красные мошки.

Было тихо. И вдруг где-то рядом робко заговорила маленькая сова-зорька. Жалобно, спросонья, она будто о чём-то спрашивала.

— Что это она говорит? — спросила Мамлякат.

— Она спрашивает: «Сплю? Сплю?» — сказала Гуля.— А ей никто не отвечает.

— Нет! — отозвался Барасби.— Она другое говорит.

— А что? — сразу обернулись к нему Мамлякат и Гуля.

— Она говорит: «Кукунау». Кошка говорит «нау», а эта птица — «кукунау».

— Нет, кошка говорит «мяу»,— заметил кто-то из ребят.

— А у нас кошки говорят «нау»,— сказал Барасби.

Снова все умолкли. Но зато громче затрещали, разгораясь, ветки, выше взметнулось пламя костра, озаряя лица ребят и белеющие поодаль палатки. Теперь по всей полянке стало светло от огня.

Но чем светлее становилось вокруг костра, тем гуще окутывал мрак высокую, плотную стену густого леса, подступившего к поляне.

Ребята с невольной тревогой оглядывались на этот чёрный-чёрный лес, и всем им хотелось ещё плотнее подсесть друг к другу, поближе к огню.

— Наверное, страшно ночью там, в лесу,— сказала тихонько одна из девочек.

— Кому страшно, а кому и нет,— отозвался лихой мальчишеский голос.— А кто-нибудь пошёл бы в лес один? — спросил тот же голос после минутного молчания.

Никто ему не ответил.

— Можно мне пойти? — вдруг спросила Гуля вскакивая.— Можно?

В глазах её отразились отблески огня.

— Зачем? Храбрость показать? — спросил Лёва.

— Нет, не потому,— сказала Гуля.— Просто хочется себя испытать.

— Нет, Гуля! — твёрдо сказал Лёва.— Это невозможно. Ваша смена всего несколько дней как приехала, и вы совсем не знаете здешних мест. В этом лесу есть непроходимые заросли, колючие, злые травы и кустарники. Иглица, например.

— А ещё есть держидерево,— добавила вожатая Соня, маленькая, тоненькая девушка, похожая на девочку.

— Да, да! — подхватил Лёва.— У этого дерева ветки как лапы. А на лапах — пальцы, загнутые, точно когти. Но самый злой хищник — жгитрава, колючий молочай. Жгитрава и царапает, и режет, и жжёт. Да ещё выделяет ядовитый сок.

— А что будет, если дотронешься до жгитравы? Обожжёшься?

— Ещё как! Точно о крапиву. Только крапивный ожог через час проходит, а эти ожоги и в месяц не заживают.

Лёва подбросил в огонь коротких сухих веток.

— Вот что, ребята,— продолжал он.— Завтра утром мы с вами заберёмся в лес, и я покажу вам все эти травы и кустарники. А сейчас идите-ка спать... Столько прошли за день, пора и на отдых...

Все встали и разошлись по палаткам. У костра остались дежурить Лёва и Соня.

Вокруг стало совсем тихо. Только в траве не умолкая звенели цикады.

— Вдвоём нам дежурить незачем,— сказал Лёва.— Ложись-ка спать. А на рассвете меня сменишь.

— А не лучше ли так,— спросила Соня,— сначала ложись ты, а потом ты сменишь меня, и я буду спать до утра?

— Ну ладно,— согласился Лёва.— Разбуди меня ровно через час.

И Лёва ушёл. Улёгся он позади одной из палаток, накрывшись курткой.

Соня осталась у костра одна. Было совсем тихо. Только потрескивали в огне сухие ветки.

Соня посмотрела на свои часики. Стрелки как будто стояли на месте. Она приложила часы к уху. Нет, часы не остановились, идут. Но как медленно! А вокруг так черно и глухо!..

Вдруг она услышала за собой шорох. Вздрогнув, обернулась. Это была Гуля.

— Сонечка,— сказала она,— разреши мне пойти в лес! Только до опушки — и назад!

— С ребятами поспорила? На пари? — спросила Соня.

— Да нет, не потому. Хочется перебороть страх...

И в глазах её, освещённых пламенем костра, Соня прочла твёрдую решимость.

«А может быть, нужно воспитывать у ребят смелость?» — подумала Соня.

— Вот Лёва встанет, спросим у него,— сказала она.

— А когда он встанет?

— В половине двенадцатого...

— Ещё не скоро! А я мигом сбегаю и вернусь. Ну что, можно?.. Я сразу же вернусь!

И, не дождавшись ответа, Гуля побежала по полянке. Её белая блузка мелькнула в свете костра и скрылась во мраке...

Перебежав полянку до лесной опушки, она оглянулась. Пламя костра ей весело светило. Казалось, что костёр машет ей красными рукавами и как будто говорит ей:

«Не бойся, я здесь!»

Она уже хотела было побежать обратно, как вдруг что-то с силой хлестнуло её по лицу.

— Ой, что это? — вскрикнула она.— Кто это?!

Звук своего голоса показался ей каким-то чужим, стран-

но незнакомым. Сердце у неё замерло. Она пошарила вокруг себя руками и нащупала ветку.

«Глупая я! Ветки испугалась!» — подумала она и стала шептать:

— Не боюсь! Не боюсь! Не боюсь!

Постояв минуту, она решила пойти дальше, пока глаза не привыкнут к темноте.

Она пошла по лесной тропинке, широко открытыми глазами вглядываясь в густую тьму.

Ей вспомнилось, как она в детстве боялась тёмной комнаты и как мама, бывало, уговаривала её, маленькую: «Темнота, Гуленька, совсем не страшна...»

Да, тогда темнота и в самом деле была не страшна. Она спускалась над её детской кроваткой, как тёплый полог. А сейчас здесь, в этом чёрном лесу, темнота совсем-совсем другая. Она полна чего-то неизвестного, таинственного... Вокруг будто какие-то чудовища. Нужно зорко всматриваться во всё вокруг. Ощупывать руками стволы и ветки, чтобы понять, что это не чудовища. Нужно чутко прислушиваться к звукам леса, чтобы не испугаться шорохов, скрипа, шелеста...

«Да, недаром говорят: «У страха глаза велики»,— подумала Гуля.

И ей вдруг стало понятно, откуда взялись всякие сказочные страшилища: Змеи Горынычи, бабы-яги...

«Ну, чудовищ нет. А что, если зверь какой-нибудь на меня нападёт?»

На своём веку она видела уже и волков и медведей и даже гладила и кормила их с рук, но то было в зоопарке, а не в лесу. И не ночью, а днём. Нет, лучше не думать об этом!

«А тот огонёк всё ещё горит?» — спросила она себя, как, бывало, спрашивала в детстве маму.

Гуля опять оглянулась, но костёр уже не светил ей сквозь ветви деревьев.

«Неужели догорел? — подумала Гуля.— Нет, не может быть. У костра сидит Соня. Потом придёт Лёва. Будут поддерживать огонь всю ночь. Куда же я забрела? И в какой стороне наши?»

Тут только Гуля поняла, что она давно уже идёт не по тропинке. Она не думала, что так скоро окажется в самой чаще леса. Она ринулась назад, и вдруг что-то с силой вцепилось в подол её юбки.

«Держидерево!» — вспомнила Гуля Лёвины слова.

Да, конечно, это оно. Распростёрло ветки, как жадные лапы, словно так и норовит зацепить кого-нибудь. Гуля хотела было отцепить подол, но острые шипы уже вонзились ей в руку и в ногу.

Исцарапанная в кровь пленница изо всех сил старалась вырваться на волю...

А тем временем Соня разбудила Лёву.

— Хорошо, хорошо, сейчас,— пробормотал он, думая, что она будит его для того только, чтобы он сменил её.

На него смотрели испуганные глаза Сони.

— Что-нибудь случилось?

— Да, случилось,— проговорила она.— Гуля ушла!

— Ушла?! — И Лёва сразу же вскочил на ноги.— Куда?

— В лес. Одна... Ох, я так беспокоюсь!

— Как же ты её отпустила?!

— Я не отпускала... Просто не могла её удержать,— ответила Соня, чуть не плача.

Лёва вытащил из кармана электрический фонарик.

— В каком направлении она ушла?

— Туда! — показала Соня рукой вправо.

— Оставайся у костра. Я пойду на поиски,— сказал Лёва.

И скоро он скрылся во мраке.

Соня подбросила в огонь хворосту. Ещё чернее показался ей лес.

Она видела, как медленно ползло в темноте светлое пятнышко. Это был луч Лёвиного карманного фонарика. Должно быть, Лёва держал его высоко над головой.

Временами блуждающий огонёк скрывался за деревья-

ми, потом опять появлялся где-то вдали, шарил по сторонам и плыл дальше.

Скоро вокруг ярко вспыхнувшего костра собрались ребята. Кто-то из них, проснувшись, узнал об исчезновении Гули. Каким-то образом об этом узнал и весь отряд.

— Ребята, это не дело,— сказала Соня.— Давайте так: маленькие укладываются спать, большие остаются.

— Мы все большие! — недовольными голосами закричали маленькие.

В сущности говоря, они были ненамного моложе старших, и всё-таки старшим они казались малышами.

— Ну ладно,— сказала Соня.— Давайте притащим сюда одеяла и бушлаты, а то вы простудитесь.

Никогда ещё в Артеке костёр не горел так жарко, как в эту ночь на вершине Аю-Дага.

— Очень уж долго ночь тянется,— говорили ребята, грея у огня руки.

Маленькие скоро уснули, свернувшись клубком под одеялами, а старшие всё ещё глядели в лес, не давая сомкнуться усталым векам. Страшно было подумать, что где-то там, в темноте, блуждает одна-одинёшенька в лесу, дрожа от холода и страха, Гуля Королёва, та самая девочка, которая играла вместе со всеми в волейбол, в теннис, ездила с Хамгоковым и так хорошо работала вёслами, когда ребята выходили на лодках в море.

И вдруг Барасби захлопал в ладоши и закричал:

— Фонарик! Фонарик! Сюда идёт! Наверное, это они!

— Где? Где? — встрепенулись ребята.

— Вон там!

Из темноты плыл, приближаясь, блуждающий огонёк...

— Сонечка, прости меня! — закричала Гуля, бросившись к вожатой.

— Осторожней, сгоришь! — сердито крикнула Соня, отстраняя Гулю подальше от огня.

— Я знаю, что страшно виновата! — продолжала Гуля, опустившись перед Соней на колени.— Но я всё-таки рада,

что не струсила. То есть сначала струсила, а потом со страху расхрабрилась. Знаете,— и она поглядела на ребят, с любопытством смотревших на неё со всех сторон,— как я с держидеревом воевала?

— Ну ладно, ладно,— остановил её Лёва.— Это видно и так. Ребята, сейчас же спать! И ты, Соня, укладывайся.

Соня и ребята поднялись и пошли к белеющим вдали палаткам.

— Сердишься? — спросила Гуля.— Да, Сонечка?

— Сержусь! — сурово сказала Соня.— Очень! Но всё-таки ты смелая... я не такая. Мне и у костра было одной страшновато...

Разбудили Гулю звуки горна. Выбравшись из палатки, она увидела: на самом горизонте, из-за моря, вставал багряно-красный солнечный диск. Над ним и вокруг него по всему небу раскинулись лучи. Такого простора, такого ослепительного моря, такого торжественного, победоносного сияния Гуля не видала ещё ни разу в жизни. Она даже зажмурилась на секунду и всей грудью вдохнула струю чистого воздуха, пахнувшего и лесом и морем. И ей стало опять так хорошо, что она совсем забыла, сколько тревоги и огорчения пережили из-за неё вожатые и ребята.

КИНО В АРТЕКЕ

Отряд вернулся в лагерь под вечер. А на утренней линейке старший вожатый сурово отчитал Гулю перед всем лагерем. Ей пришлось выслушать немало горьких слов. Её поступок, сказал Лёва, надо считать особенно серьёзным потому, что она нарушила дисциплину во время похода. Она заставила всех тревожиться. Из-за неё ребята не спали почти всю ночь... Не первый раз нарушает она законы и обычаи Артека.

И, пока старший вожатый говорил всё это, Гуля хмурила брови и кусала губы, с грустью думая о том, что она

вот опять сбилась с пути, потеряла тропинку, как ночью в лесу.

Она почти не дотронулась в столовой до завтрака и весь день ходила молчаливая и хмурая. Она не сердилась на вожатых. Она сердилась на себя.

«Дрянь девчонка! — повторяла она чуть не плача.— Не может жить спокойно, как другие ребята. Прежде с тихого часа убегала, а теперь взяла да и удрала ночью в лес!»

Руки и ноги у неё были исцарапаны до крови. И, поглядывая на свои ссадины и царапины, Гуля со злостью и досадой думала:

«Так мне и надо! Молодец держидерево! Видно, для того оно и растёт, чтобы держать таких, как я!»

Она даже отказалась от верховой езды, когда Барасби предложил ей проехаться после вечернего чая. Он искоса поглядел на Гулю, не понимая, о чём она думает, сидя на скамейке и крепко обхватив руками колени.

А думала Гуля вот о чём:

«Ну как жить мне на свете дальше? Надо же научиться быть смелой, как моя Василинка в кино. А всё получается не так! И вот теперь вожатые думают, что в Артеке никого нет хуже меня...»

Но вожатые так не думали. Они понимали: то, что случилось, для Гули даром не пройдёт.

На другой день в Артек привезли новую кинокартину — «Дочь партизана». Вожатых это озадачило. Ведь главную роль в этой картине играла Гуля! Как же быть? Она так провинилась, и после этого показывать её на экране? Ещё зазнается небось, ещё больше от рук отобьётся. Но ведь не отказываться же из-за этого от картины, которую специально привезли в Артек! Не лишать же удовольствия весь лагерь.

Узнав, что после ужина будет кино и что в картине участвует пионерка Артека Гуля Королёва, ребята всполошились:

— Это какая же Королёва? — спрашивал один.

— Та, что ночью одна в лес ходила,— отвечал другой.

— Та, что верхом ездит не хуже, чем Барасби. И плавает здорово,— говорил третий.

Вечером ребята стали ходить за Гулей по пятам.

— Расскажи, Королёва, как ты снималась в кино,— просили они.

— Ладно, ладно, расскажу,— отмахивалась Гуля.— После сеанса. А то смотреть неинтересно будет.

И хотя ребята уверяли её, что им всё равно будет очень интересно, Гуля уговорила их потерпеть.

Перед сеансом она долго думала, идти ли ей на картину или не идти. Нечего сказать, хороша дочь партизана, которой объявляют выговор на лагерной линейке! Ей теперь в глаза ребятам смотреть совестно.

И всё же Гуля решила, несмотря ни на что, пойти. Ведь тут тоже нужна смелость! В сопровождении целой ватаги ребят пошла она по аллее парка к открытым дверям клуба.

— Не Королёва, а королева,— сказала ей вслед, улыбаясь, одна из старших девочек.

Гуля обернулась к ней и, не смущаясь, ответила:

— Меня так и в школе иногда называют. В шутку.

Кинозал не мог вместить в этот вечер всех зрителей. Собрались не только ребята и вожатые, но и врачи, повара, няни. Пришлось притащить из столовой и кухни стулья, скамьи, табуреты и расставить их вдоль стен.

Вокруг Гули сразу же началась возня — каждому из её отряда, особенно девочкам, хотелось сесть поближе к ней. Вожатые пошли между рядами, стараясь восстановить порядок и тишину.

Наконец в зале погас свет, и волнение улеглось. Всё притихло. На экране вспыхнула надпись:

ДОЧЬ ПАРТИЗАНА
Производство Одесской кинофабрики.

Промелькнули имена режиссёра, актёров, взрослых и детей (среди детей на первом месте — имя Гули Королёвой),

и на экране появилась крошечная толстенькая девочка. Она стояла на пухлых ножках и смотрела, как её мама сажает деревце.

— Гуля, это ты? Ты? — зашептались вокруг ребята.— Тебя снимали, когда ты была маленькая?

— Тише! — остановила их Гуля.— Это пока не я. То есть это я, но другая девочка. Не могла же я вырасти во время съёмки.

— А когда же будешь настоящая ты?

— Скоро. Вот увидите.

И на самом деле: крошечное деревцо тут же, на глазах у зрителей, превратилось в молоденькую, нежную берёзку, а крошечная девочка тоже подросла, и теперь все узнали в ней Гулю.

— Гуля! Гуля Королёва! — загудел зал.

Да, это была та же Гуля, что сидела в зале, только поменьше,— босоногая, озорная, в коротенькой юбчонке. Теперь её звали Василинкой. Она носилась по деревне, бегала наперегонки с колхозными ребятами, скакала верхом на белом коне, отправляясь в ночное.

Но вот случилась беда: угрюмый бородатый человек тайком загнал колхозного коня Сивко в болото и спутал ему ноги. Василинка увидела это и бросилась на помощь коню. Увязая в болоте, задыхаясь, она распутывает ему ноги и вытаскивает из болота. А потом маленькая героиня Василинка узнаёт и бесстрашно уличает врага, пытавшегося скрыться...

Жмурясь от ярко вспыхнувшего света, Гуля встала и вместе с толпой ребят направилась к выходу.

Было уже совсем темно. В темноте слышно было, как тяжело вздымается, будто поворачиваясь с боку на бок в своей постели, море.

— Ну, рассказывай! — заторопили Гулю со всех сторон, когда шествие двинулось по аллее.

— Что же рассказать? — спросила Гуля, глубоко вдыхая свежий солоноватый воздух.

— Ну, а что дальше было с Василинкой?

— Этого я не знаю...

— Ну, так рассказывай что хочешь! Ты так замечательно играла!

— Нет, совсем не так уж замечательно,— серьёзно сказала Гуля.— Вот в другой картине, «Я люблю», по-моему, я играла гораздо лучше. Я там Варьку играла. Внучку шахтёра.

И Гуля рассказала, что, для того чтобы получше узнать, как работают шахтёры, она вместе с режиссёром спускалась в шахту, да ещё в самый забой.

— Когда мы вылезли из шахты,— продолжала Гуля, медленно шагая с ребятами по аллее,— нам сказали, что эта шахта была раньше самая опасная во всём районе. Тут режиссёр спросил одного старого рабочего, который спускал и поднимал груз на шахте: «Вы часто били двенадцать раз в колокол?» (А двенадцать раз били, когда везли покалеченного шахтёра.) А рабочий и отвечает: «Бывало, в каждую смену бьём. И теперь случается, только редко».

— Ой, как страшно! — тихонько сказал кто-то из ребят.— Ну, а ты не боялась?

— Нет, не очень,— ответила Гуля.— Я же знала, что в этой шахте теперь уже не так опасно. Только было жутко, когда вдруг там, внизу, погас свет. Вы только подумайте: тьма кромешная, а я одна. Режиссёр куда-то ушёл — поговорить с шахтёрами. Стою и не знаю, что делать. Ну, думаю, пропала! Тихо-тихо кругом. Только слышно, вода где-то журчит. Вдруг вижу — огонёк блеснул. Приблизился ко мне огонёк, и я увидела, что это шахтёр идёт со своей лампой шахтёрской, а рядом с ним режиссёр. Тут нас с ним подняли наверх в клети, вроде площадки открытой, и до того мне показалось светло наверху, на земле, что даже глазам стало больно.

— А в шахте тебя тоже снимали для кино? — спросил в темноте чей-то мальчишеский голос.

— Нет, в шахте мы не снимались.

— А как вообще снимают? — спросила, выскочив вперёд, какая-то маленькая девочка.— Так всё подряд — всю картину сразу?

— Ну нет, конечно, не сразу,— сказала Гуля.— Это же очень трудно снимать. И сниматься тоже очень трудно. Знаете, как мы запарились с режиссёром, пока один только эпизод с конём засняли? До этой картины я никогда верхом не ездила. А тут пришлось научиться ездить. Сначала — в седле, а потом и без седла. Василинка же без всякого седла ездила, она же крестьянская девочка, а не наездница. Да ещё надо было научиться по-разному ездить — шагом, рысью, галопом, а вдобавок ещё брать барьеры. Когда в первый раз взяла препятствие, я до того испугалась, что чуть было с лошади не кувыркнулась. А когда Сивко из болота вытаскивала, пиявки мне в ноги впились. Насилу их потом, после съёмки, содрали.

Ребята слушали затаив дыхание. И вдруг самый маленький пионер спросил:

— А кто играл коня?

Гуля обернулась.

— Как это кто? — спросила она удивлённо.— Конь.

— Так хорошо играл? — сказал мальчик с восторгом.

— Ну, с этим актёром,— ответила Гуля,— тоже пришлось как следует поработать. Он долго не хотел меня слушаться.

И, подумав, она добавила:

— Но бывает, что и с нами, ребятами, режиссёрам нелегко. Ведь с нами нельзя репетировать много раз подряд.

— Почему? Почему нельзя? — сразу отозвалось несколько голосов.

— А потому, что если мы зарепетируем, то есть будем повторять одно и то же много раз, уже ничего хорошего у нас не получится,— объяснила Гуля серьёзно.— Вот режиссёры и добиваются, чтобы ребята делали всё сразу, как в игре. Ну, иногда ничего не выходит. Иногда ребята не слушаются или бузить начинают. Ну, тут прикрикнут на

них, они и перестанут. Хороший режиссёр умеет обращаться с нашим братом.

— А как он обращается с вашим братом? — серьёзно спросил опять тот же самый маленький мальчик, которому понравилось, как играет конь.

Все вокруг рассмеялись. А потом опять раздались нетерпеливые голоса:

— Рассказывай дальше! А ты, Игорёк, не перебивай! Рассказывай, Гуля!

— Ну и вот...— начала опять Гуля.— На чём же это я остановилась?

— На том, что хороший режиссёр умеет обращаться с ребятами.

— Да, да! — сказала Гуля.— Хороший режиссёр — это всё равно что хороший учитель. На съёмке он строгий, а после съёмки добрый. Если поймёшь, чего он хочет, то уже нетрудно сделать всё как следует. Но самое главное в работе с нами — это терпение. Если у режиссёра нет терпения, ничего не выйдет. Самое важное — понять, чего от тебя требуют. А вот когда режиссёр расскажет весь эпизод, заинтересует тебя, тогда всё пойдёт как по маслу.

Гуля помолчала.

— Самое главное — это подход.

Слушая Гулю, ребята проникались к ней всё бóльшим и бóльшим уважением: как она всё понимает! Прямо как взрослая. И какие слова говорит: «эпизод», «подход», «кадр»... Такие слова знает, в кино снималась, а совсем не зазнаётся! И всё только о трудностях рассказывает, а о том, что так замечательно играла,— ни слова...

Долго бы ещё рассказывала Гуля о своей работе в кино, если бы не пришло время спать.

Все разбрелись по своим палаткам. Стало совсем тихо.

Гуля улеглась в постель у окна и долго-долго перебирала в памяти все события этого вечера: и картину, которая так много ей напомнила, и этих славных ребят, жадно слушавших всё, что она им рассказывала. И сердце её опять пере-

полнила бесконечная, захватывающая дух радость! Как всё-таки хорошо, как интересно жить на свете!

Под самые звёзды уходил крутой мохнатый горб Аю-Дага, Медведь-горы. То и дело с чёрного неба срывалась звезда и летела вниз, за спину старой медведицы.

И слышно было, как совсем рядом, внизу, море бьёт, гремит и работает — тащит за собой камни...

В МОСКВУ, В МОСКВУ!

Весело и незаметно пробежал целый месяц. Вокруг было столько нового, что Гуля не знала, на что раньше смотреть, за что раньше браться.

Приближалось время отъезда.

Гуле не хватало дня, ей хотелось доделать до отъезда тысячу дел — собрать коллекцию камней Артека для краеведческого музея, научиться у Барасби ещё нескольким особенно трудным приёмам верховой езды и сдать нормы на значок БГТО.

Уже почти всё было сдано — и плавание и гребля,— оставалось самое трудное для Гули: стрельба и метание гранаты.

А стрелки на её часиках, не считаясь ни с чем, бежали теперь как-то особенно быстро...

Жаль было расставаться с Артеком, с новыми друзьями.

А вдобавок у Гули появился четвероногий питомец, которого она очень полюбила,— лисёнок. Звали лисёнка «Рыжик».

Это был хорошенький маленький хищник. Рыжая шёрстка его была до того густой и мягкой, что хотелось без конца гладить её. Кончик длинного пушистого хвоста Рыжика был совсем белый. Белой была и грудь лисёнка, похожая на белую манишку. И кончик хвоста тоже был нарядно белый. А глаза лисёнка — узкие, блестящие — смотрели так лукаво, словно он задумал какую-то проделку, о которой никто

никто не должен был знать,— недаром он так хитро улыбался.

Когда Гуля принесла ему в первый раз на обед куриные косточки, Рыжик завизжал, залаял, затявкал от нетерпения. И не успела Гуля высыпать их перед Рыжиком, как он с остервенением кинулся на еду и принялся быстро-быстро закапывать косточки в землю.

— Думаешь, отниму? — спросила Гуля и засмеялась.— Ишь какой жадный! Ну погоди, я тебя от жадности отучу.

Она стала каждый день бегать к Рыжику, кормить его, не позволяя ему закапывать еду в землю. Рыжик визжал, тявкал, метался по клетке, но мало-помалу начал слушаться. Скоро он даже так привязался к своей воспитательнице, что жалобно тявкал и скулил, когда она уходила. Гуля гладила Рыжика по спине и по белой грудке и говорила ему:

— Не плачь, Рыжик, я ненадолго ухожу, а скоро нам придётся с тобой навсегда распрощаться — я далеко уеду, к маме, домой!

Но вот когда артековцы стали уже готовиться к своему последнему, прощальному костру и к разъезду по домам, до них долетела необычайная весть: весь Нижний лагерь — все двести пионеров вместе со своими вожатыми — приглашается в Москву, в Кремль!

Это счастье выпало на долю всех москвичей, а также тех ребят, которые должны были проезжать через Москву. Гуле же предстояло возвращение в Одессу.

Узнав о телеграмме из Москвы, она не спала всю ночь. Ей так хотелось побывать в Кремле! Да к тому же она столько времени не была в Москве, так соскучилась по своему родному городу и по отцу! Но как поехать? Нужно спросить у родителей разрешения. А вдруг они ответят не сразу и ребята уедут без неё? Уже шестое сентября, а пятнадцатого все уезжают. Что делать? Послать телеграмму? Но в телеграмме всего не расскажешь, не объяснишь подробно, до чего хочется поехать, как это нужно и важно. Придётся послать письма: отцу — в Москву, маме — в Одессу.

«Пошлю без марок,— решила Гуля.— Доплатное, может быть, скорее дойдёт».

Она вскочила чуть свет и сама отнесла на почту два письма, полные мольбы.

После этого начались дни великих волнений. А что, если папа согласится, а мама не позволит? Или наоборот? Или они решат сначала списаться друг с другом? А пока письма будут идти туда и сюда, ребята уедут в Москву!

Гуля бросалась навстречу каждому письмоносцу, бегала по десять раз на день в контору лагеря просматривать толстые пачки писем. И, когда ей уже казалось, что ответа не будет и не может быть, пришли две телеграммы: одна из Москвы, другая из Одессы.

«Жду целую»,— писал отец.

«Поезжай не задерживайся Москве целую»,— писала мать.

Гуля, размахивая обеими телеграммами, побежала в парк, чтобы рассказать всем о своём счастье.

А вечером на костровой площадке запылал прощальный костёр.

Маленький баянист, пионер из Костромы, еле удерживая в руках тяжёлый баян, серьёзно и деловито перебирал лады своими тонкими пальцами. И вдруг он заиграл что-то плясовое, задорное.

У ребят сами собой заходили ноги, задвигались плечи.

И тут два самых смелых мальчика сорвались с места и пустились вприсядку.

Гуля стояла в первом ряду и легонько притопывала ногой. Ей тоже очень хотелось плясать, но ни одна из девочек не решалась пока что выйти из рядов, а начинать первой было как-то неловко.

Но тут совершенно неожиданно кто-то подтолкнул её сзади, и она, не успев удержаться, вылетела на самую середину круга.

Эх, была не была!

Она взмахнула платочком и понеслась по площадке, по-

ворачиваясь то к одному, то к другому плясуну, скользя между ними, то наступая на них, то отступая. Ей казалось, что всё пляшет вместе с ней — и голубые кипарисы, и Аю-Даг, и даже само небо...

Ребята плясали, пели песни, читали по очереди стихи... А когда совсем стемнело, в тёмно-синее вечернее небо одна за другой взлетели ракеты, рассыпаясь разноцветными огнями. Всё небо как будто ожило. При каждой вспышке в вышине вырисовывались очертания облаков, а внизу опять возникали пропавшие было в темноте деревья и кусты.

Гуля смотрела на это великолепное сияние огней и думала:

«За что нам столько счастья? Чем мы его заслужили? Такой месяц в Артеке, да ещё теперь — поездка в Москву, в Кремль! Ах, милый наш Артек, милая, родная наша страна! Всё сделаю для тебя, ничего для тебя не пожалею!»

А день спустя скорый поезд Севастополь—Москва уже мчался по степям и полям Украины. За окном вагона убегали назад тополя, с которых уже осыпáлись сухие, жёлтые листья.

«Скорее, скорее!» — торопила Гуля поезд, и ей хотелось, чтобы белые украинские хаты, крылья ветряных мельниц — всё, что она так любила, на этот раз поскорее уступило место бревенчатым избам и милым красноствольм соснам.

Снаружи на стенке одного из вагонов алело полотнище с надписью:

«Спасибо партии и правительству за солнечный Артек!»

В пионерских вагонах не смолкали песни. Где-то слышались звуки баяна. Это наигрывал что-то маленький пионер из Костромы.

Когда поезд, замедляя ход, подходил к какой-нибудь большой станции, на стене одного из вагонов появлялась пионерская газета. Сверху пёстрыми буквами было выведено название:

АРТЕК—МОСКВА

У газеты быстро собиралась толпа. Люди просматривали весёлые стихи и заметки и узнавали, что двести пионеров из Нижнего лагеря прибавили в весе целую тонну и выросли на целых четыре метра. А когда поезд снова трогался в путь, из толпы слышались возгласы: «Прощайте, артековцы!», «Счастливого пути!», «Привет Москве!» — а ребята, загорелые, весёлые, высунувшись из окон вагонов, махали провожающим платками и своими белыми матросскими бескозырками с золотыми буквами «Артек» до тех пор, пока станция не оставалась далеко позади...

Настала последняя ночь. За окном взошла луна, и было странно, что она не отстаёт от поезда, хотя стоит на месте.

«Ещё девять часов езды — и Москва»,— думает Гуля, лёжа у окна. А с верхней полки её трогает за плечо жёсткая рука Барасби:

— Гуля, спишь? Москва скоро.

Никому из ребят не спится в эту ночь. Все в полудремоте слушают, как стучат колёса. То один, то другой отдёрнет занавеску и поглядит в окно. Там, в темноте, мелькают красные искры и по земле несутся светлые квадраты окон.

И вот наконец Москва. Доски перрона застучали под ногами пассажиров. Толпа на перроне расступилась.

— Пропустите пионеров!

В новеньких синих автобусах Артек поехал по Москве.

Гуля хорошо знала все эти улицы и замечала каждый новый дом, выросший без неё.

Автобусы остановились перед гостиницей.

Ребята заполнили весёлой толпой вестибюль.

Гостиница! Как интересно жить в гостинице, где живут только взрослые, приехавшие в командировку!

Из окна своего номера Гуля увидела опять Кремль. Золотые стрелы на чёрных циферблатах башенных часов приближались к цифре «10».

Как ещё долго ждать до завтра!

Гуля позвонила отцу на работу — в театр:

— Папочка, приходи скорее, а то мы до послезавтра не

увидимся. Сегодня мы едем в Дом пионеров. А завтра мы в Кремле!

Потом позвонила Эрику:

— Эрастик! Правда, это здорово, что я приехала? Послезавтра приду к вам. Завтра мы в Кремле. Ты понимаешь, а? Сегодня едем в Дом пионеров. Ой, Эрик, как я боюсь! Мне поручили говорить приветствие! В Кремле!..

...Золотые стрелы Спасской башни показывают девять часов вечера. Гуля только что вернулась из Дома пионеров. Она смотрит в окно, на залитую светом широкую улицу.

Скорей бы прошла эта ночь!

Яркими рубинами светятся в тёмном осеннем небе кремлёвские звёзды. А вон и тот красный флаг, который она называла «огоньком», когда была ещё совсем маленькая.

И вот наконец настало утро. Новенькие автобусы, битком набитые мальчиками и девочками в парадных матросских бушлатах, въехали в кремлёвские ворота и покатили по аллее, обсаженной ёлочками.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПОДАРОК

Прохаживаясь по аллее Александровского сада, Владимир Данилович Королёв поджидал Гулю. Он условился с дочкой, что они встретятся у Боровицких ворот Кремля.

Заходящее солнце играло, поблёскивало на окошках и башнях древних теремов, на зубцах кремлёвской стены, возвышающейся над низиной сада. Не раз прозвонили часы на Спасской башне, а Гуля всё не показывалась.

Отец стал уже беспокоиться. Может быть, он опоздал и пионеры успели проехать до того, как он пришёл? Но ведь Гуля должна была бы ждать его в саду, как было условлено. А может быть, пионеров пропустили на обратном пути через другие ворота? Через Спасские или Троицкие? Возможно также, что Гуля прямо из Кремля поехала вместе со всеми ребятами в гостиницу.

Как же быть? Ждать ещё или отправиться туда? Или, может быть, лучше позвонить?

И вдруг отец услышал звонкий голос:

— Папка, я здесь!

Он обернулся и увидел Гулю. Она бежала по аллее, счастливая, раскрасневшаяся, размахивая своей белой бескозыркой.

— Ну что, Гулька? — спросил Владимир Данилович, когда она подбежала к нему и отдышалась.— Сказала в Кремле речь?

Гуля кивнула головой.

— Сказала, да только совсем не так, как хотела. Во сто раз хуже. Вот если бы меня опять позвали в Кремль!

— Ну что поделаешь, как могла, так и сказала. Не горюй!

— Я и не горюю, а только жалею. А ты знаешь, папа, что нам подарили? Суук-Су!

— Как это — Суук-Су?

— Так, весь целиком. И белую дачу с башенками, и парк со всеми деревьями и лодками! Для этого нас и позвали в Кремль.

— Ну и подарок! — сказал отец.— Как же это случилось?

— Сейчас всё расскажу. Давай посидим на скамеечке. Мне так хочется тебе всё поскорей рассказать! Прямо не терпится!

И, усевшись на скамейке, где никого не было, Гуля сказала:

— Ах, папа, если бы ты только знал, как было чудесно в Кремле! Как нас принимали!

И она стала рассказывать. Говорила она волнуясь, сбивчиво, но отец ясно представил себе, что происходило сегодня в зале Большого дворца.

На столах стоят вазы с грушами и виноградом, разложены плитки шоколада. Ребята притихли и смущённо поглядывают на высокие, тяжёлые, белые с золотом двери.

И вот в зал входят руководители партии и правительства...

Гуля рассказывала, а отец и слушал её, и думал о своём. Давно ли его маленькую Гулю водили за ручку в детский сад? И вот она уже на приёме в Кремлёвском дворце. Да как хорошо, как торжественно рассказывает об этом: «В зал входят руководители партии и правительства...»

— Папа, да ты не слушаешь! — прервала Гуля мысли отца.

— Нет, слушаю, слушаю, продолжай!

И Гуля продолжала:

— «Артековцам привет!» — услышали мы. Тут мы поднесли всем цветы. А потом нас попросили что-нибудь рассказать. Ребята шепчутся, мигают мне: «Гуля, иди!» И наши вожатые, Лёва и Соня, кивают мне. Ну, я вышла вперёд и сказала приветствие. Только почему-то не своим, а каким-то чужим голосом. Говорю и сама себя не узнаю.

— Это от волнения,— сказал отец.— Что ж, и взрослые иногда волнуются, когда выступают. Ну, а дальше, дальше что было?

— Нас попросили рассказать, как мы провели в Артеке время, как отдыхали. «Кто из вас самый храбрый?» — спрашивают. Ребята сначала молчат, стесняются. А потом говорят: «Барасби самый храбрый, а из девочек — Гуля Королёва. Она и верхом ездила, и одна в лес ночью ходила. Расскажи, Гуля!» Я шепчу ребятам: «Да ведь я только что выступала». Но тут, на моё счастье, Барасби уже согласился рассказывать. Переступил с ноги на ногу и говорит: «В Артеке мы очень хорошо отдыхали. Очень весело отдыхали в Артеке». Я сразу поняла: не знает он, о чём говорить. И ведь правда, трудно придумать сразу, с чего начать. Особенно во дворце. Верно, папа?

— Да, конечно. И что же ещё сказал Барасби?

— Сказал ещё что-то про школу... Ну, что всегда говорят в таких случаях: «Теперь мы с новыми силами возьмёмся за учёбу». И вдруг опять замолчал. Не знает, что говорить. Совсем смутился. А его спрашивают: «А всё-таки,

что же вы делали в Артеке? В море купались?» — «Купались».— «На Аю-Даг ходили?» — «Ходили».— «На яликах и яхтах катались?» — «Катались».— «А когда же отдыхали?» — «Так это ж и есть отдых»,— сказал Барасби и засмеялся. И все тоже засмеялись. «Ах, вот оно что, говорят, это и есть отдых!» А потом нас попросили спеть что-нибудь. Мы спели нашу артековскую песенку, ту самую, что мы часто пели в Артеке. Знаешь? «Мы на солнце загорели и, как негры, почернели»... Спели мы первый куплет, ну и припев, конечно: «Наш Артек, наш Артек, не забыть тебя вовек», а нам и говорят: «Вы, кажется, не до конца спели. Там было что-то про Суук-Су». Ну мы осмелели и грянули: «У Артека на носу приютился Суук-Су». Только мы это пропели, нам и говорят: «Ну, видно, придётся подарить Артеку Суук-Су, чтобы он не торчал у него на носу».— «Спасибо!» — закричали мы все. И тут кто-то из наших сказал: «У Артека на носу больше нету Суук-Су!» И все опять засмеялись.

Гуля замолчала. Ей представилась белая дача, спрятавшаяся в густой зелени парка. Ещё так недавно только издали, с артековского берега или с моря, катаясь на парусных яхтах, поглядывали пионеры на эту узкую и длинную полоску земли, глубоко врезавшуюся в море. И вот теперь этот заманчивый мыс, этот тенистый парк, эта белая дача— всё отдано им, артековцам! Навсегда!

— И на этом кончился приём! — прервал Гулины мысли отец.

— Нет, нет! — спохватилась Гуля.— Тут только и началось веселье. Знаешь, папа, как здорово танцует лезгинку Барасби? Барасби Хамгоков. Раскинул руки и так лихо понёсся по залу, что прямо чудо! Как вскрикнет «Аса!» — так и полетит! А ноги у него лёгкие, ловкие, будто сами по паркету скользили.

Гуля опять на минуту задумалась.

— Ах, папа, до чего было здорово в Кремле! — сказала она и вздохнула.— Даже рассказать невозможно!

ВОЖАТАЯ ОКТЯБРЯТ

Гуля вернулась домой, в Одессу.

— Как всё у нас изменилось! — говорила она матери, оглядываясь по сторонам.— Потолки стали ниже, что ли?

— А может быть, это ты стала выше? — отвечала, смеясь, мать.

Уже наступила осень, но Гуле казалось, что это удивительное праздничное лето с путешествием в Артек и в Москву всё ещё не кончилось.

В первый же день Гулиного приезда к ней прибежали Лёля и Лина, и все три девочки отправились на кинофестиваль.

Кинофестиваль продолжался десять дней. Ребятам показывали по две картины в день, и Гуля приходила домой с опухшими глазами.

— Слушай, Гуля,— сказала ей наконец мама.— Когда кончатся эти бесконечные развлечения? Когда ты возьмёшься за работу? Ты что думаешь — бездельничать целый год и браться за книжки только перед экзаменами?

— Нет, мама,— серьёзно ответила Гуля.— Ты понимаешь, я и сама устала от удовольствий и хочу заниматься. Но ребята без меня не могут ходить в кино. Я объясняю им секреты съёмок.

— Обойдутся как-нибудь без твоих объяснений,— сказала мама.— А если ты сегодня же не сядешь за уроки, у тебя опять будут очень крупные неприятности в школе. Ещё посерьёзней твоей «истории с географией». Так и знай.

Гуля не стала спорить. Она и сама уже сознавала, что давно пора было начать усердно заниматься. И она даже с удовольствием думала о том, что на смену длинной вереница ярких, праздничных дней придут наконец спокойные, трудовые, размеренные будни.

Гуля взялась за работу. Снова на её столе выросла гора учебников. На стене у стола появилось расписание занятий, похожее на расписание поездов. Здесь были точно указаны

часы «прибытия» и «отбытия» — час отбытия со станции «Постель» и прибытия на станцию «Письменный стол». Были точно перечислены названия школьных предметов и разделов, которые нужно было пройти, или, как она говорила, «проехать».

Гуля теперь сама отказывалась, когда её звали в кино или в театр.

— Я должна мчаться на всех парах,— говорила она,— чтобы отработать свою поездку в Москву. Мне иногда кажется, что я превратилась в скорый поезд: вечно мчусь куда-то.

Она с головой ушла в школьные занятия и в пионерскую работу, отказывалась от всех посторонних дел. Она была теперь вожатой октябрят. Её не на шутку заинтересовала трудная задача — воспитывать маленьких ребят, развивать в них характер, силу воли, смелость.

Гуля особенно много думала о том, как провести первый сбор, чтобы ребятам было интересно. И она решила придумать какую-нибудь страшную сказку.

«Малыши любят страшные сказки. Да к тому же это и будет первым испытанием их смелости. Надо только, чтобы сказка хорошо кончалась».

По дороге в школу Гуля на ходу сочиняла эту страшную сказку с хорошим концом.

Вечером в пионерской комнате собралось около двадцати ребят: первый класс «Б». Они уже были настоящими школьниками и сами, без провожатых, пришли на свой октябрятский сбор.

Входя в коридор, Гуля услышала взволнованные голоса.

— А вдруг она не придёт? — сказала девочка с косичками, которую звали Лика.

Мальчики выглянули в коридор.

— Идёт! — закричал брат Лики, Мика.— Чур-чура, я с ней рядом сяду!

— А я, чур, с другой стороны! — крикнула Лика.

— Тише, ребята! — сказала Гуля, закрывая за собой

дверь.— Вы скоро пионерами будете, а шумите, как маленькие.

Дети сразу утихли.

— Ну, что вам рассказать? — спросила Гуля, когда все уселись вокруг неё.— Хотите страшную сказку?

— Хотим! — закричали октябрята.

— А не будете бояться?

— Не будем!

— А если я погашу свет и буду рассказывать в темноте?

— Всё равно не будем.

— Ну, посмотрим, смелые вы ребята или нет.

Гуля встала, повернула на стене выключатель. Стало так темно, что ей пришлось ощупью найти свой стул.

— Ну, слушайте...

Жили-были брат и сестра. Брата звали Иванушка, а сестру Алёнушка. Вот раз Иванушка и говорит:

«Слышал я, что на свете какое-то лихо есть, а никакого лиха я не видал. Пойдём, Алёнушка, поищем лихо».

Взяли они и пошли. Шли, шли и зашли в лес. Густой лес, тёмный-претёмный... Ничего кругом не видно...

— Как у нас тут,— сказал кто-то из октябрят.

— Тише!

Ребята затаили дыхание.

В комнате стало так тихо, что пионервожатая Люба, проходившая в это время по коридору, удивилась.

«Что за странный сбор?» — подумала она и слегка приоткрыла дверь в класс.

Сквозь узенькую щель доносился до неё негромкий, но внятный голос:

— ...Шли Алёнушка с Иванушкой и увидели в лесу избушку. Вошли, а там никого нет. Пусто, темно. В трубе ветер воет: у-у-у... И вдруг слышат — топ-топ. Кто-то шагает в сенях и железной палкой стучит об пол. Вошла в избу старуха — худая, кривая, одноглазая. Юбка на ней чёрная, кофта чёрная, платок чёрный.

Посмотрела старуха на детей одним глазом и говорит:

«А-а, гости пришли? Вот и хорошо! У меня как раз на ужин нет ничего».

«А мы сыты»,— говорят Иванушка и Алёнушка.

«А зато я голодная. Вот зажарю вас и съем...»

Кто-то рядом с Гулей тихонько охнул.

— Что, страшно? — спросила Гуля.

— Ничего, рассказывай,— сказал Мика.

И Гуля продолжала рассказывать свою страшную сказку:

— Взяла старуха в руки лопату и говорит Иванушке: «Садись, я тебя в печь посажу».

Заплакала Алёнушка:

«Ой, лишенько!»

А Иванушка набросил на Алёнушку шубку мехом вверх и говорит ей тихонько:

«Прикинься, Алёнушка, овечкой, бодайся и кричи: «Ме-е-е!»

Алёнушка так и сделала. Мечется по избе и кричит:

«Ме-е-е! Ме-е!»

«Вот глупая овца!» — говорит старуха.

Схватила Алёнушку и выбросила её за дверь. Стоит Алёнушка одна у закрытых дверей, в тёмном лесу и плачет:

«Иванушка, братец мой! Иванушка!..»

Кто-то из ребят громко всхлипнул.

— Зажечь свет? — спросила Гуля.

— Не надо,— послышались в темноте голоса.

И Гуля продолжала:

— Плачет Алёнушка, а Иванушка говорит старухе:

«Поучи меня, как сесть на лопату. А то я в печку не влезу».

«Поучить недолго,— отвечает старуха.— Вот, смотри».

Села она сама на лопату, а Иванушка как сунет эту лопату в печь! Старуха и крикнуть не успела. Закрыл Иванушка печь заслонкой — и прочь из избы.

А там Алёнушка ждёт. Сбросила она с себя овечью шубу и говорит:

«Прощай, лихо! Натерпелись мы от тебя лиха!»

И убежали они оба к себе домой. Прибежали и стали жить лучше прежнего...

Сказка кончилась.

В тёмной комнате было так тихо, что казалось — октябрята уснули. Гуля повернула выключатель, и яркий свет брызнул всем в глаза. Щурясь, ребята подняли головы.

И как раз в это время открылась дверь. Вошла Люба.

— Что тут происходит? — спросила она.

— Мы страшную сказку слушали,— хором ответили октябрята.— В темноте!

— Почему в темноте? — удивилась Люба.— Кажется, сегодня у нас в школе всё время горел свет.

— Мы нарочно погасили,— сказала Гуля.

Люба удивлённо на неё посмотрела. Гуля смутилась.

— А что, разве нельзя?

— У нас с тобой об этом будет особый разговор,— сказала Люба.— А вы, ребята, идите по домам, уже пора.

И когда комната опустела, Люба подумала и начала серьёзно:

— Ты вообще неплохо рассказываешь сказки, в этом нужно отдать тебе справедливость. Я сама заслушалась, стоя у двери. Но объясни мне, пожалуйста, зачем ты пугаешь малышей?

— Я их не пугаю,— ответила Гуля.— Я воспитываю в них характер. Я хочу, чтобы они были смелыми и не боялись страшных сказок.

— А зачем тебе понадобилось гасить свет?

— Чтобы было ещё страшнее. В театре ведь всегда бывает темно во время спектакля.

— Смешная ты, Гуля,— улыбнулась Люба.— В театре только в зрительном зале темно, а на сцене светло.

— Ну, а если на сцене ночь?

— Всё равно есть какое-нибудь освещение. Иначе ведь никто ничего не увидит.

— Да ведь у меня и сцена и зрительный зал — всё в одной комнате,— не унималась Гуля.

— У тебя вообще не театр, а октябрятский сбор. Это же маленькие дети! Ты их напугаешь так, что они ночью спать не будут... Прежде чем такие опыты устраивать, надо с кем-нибудь из старших посоветоваться. Воспитание характера — не такая простая штука.

Гуля обиженно нахмурилась и хотела уже что-то возразить, но тут неожиданно ей вспомнилось, как совсем ещё недавно Килька и Клюква заперли её в клетке с медвежатами, чтобы проверить её храбрость...

— Ладно,— сказала она,— я буду осторожнее. Буду советоваться. Только не отнимайте у меня моих октябрят.

После этого разговора Гуля уже не отваживалась больше на рискованные воспитательные опыты.

Прежде чем затеять какую-нибудь новую игру или выбрать для октябрят книжку, она старалась припомнить, что́ сама любила больше всего, когда была такая, как они, что её пугало в те времена, что было понятно и что нет.

Она стала по-настоящему готовиться к сборам. Перелистав книгу, соображала, не понадобится ли ей что-нибудь объяснить ребятам или досказать.

Гуля любила «досказывать», и ребятам нравилось, когда она начинала сама придумывать продолжение рассказа или сказки.

Она часто отправлялась со своими ребятами в далёкие прогулки — на трамвае и пешком — и сколотила из них настоящую спортивную команду.

Ребята гордились своей вожатой и с нетерпением ждали каждого сбора.

Но недолго пришлось Гуле возиться с малышами. Маму опять перевели на работу в Киев, и вместе с ней должна была уехать Гуля. Перед самым отъездом на прощание она повела октябрят в кино. Там её ожидала совсем непредвиденная встреча. После картины, в конце сеанса, показали последний номер кинохроники.

Перед глазами зрителей поплыли московские улицы, спортивное состязание на одном из столичных стадионов, канал Москва—Волга... И вдруг Гуля увидела такой памятный ей овальный зал в Кремлёвском дворце, высокие двери с бронзовыми украшениями и толпу пионеров в артековской морской форме.

Чуть качнулись и подступили к самым её глазам знакомые лица: Барасби Хамгоков, Мамлякат...

А вот и она сама — Гуля Королёва. Не дочь партизана, не Василинка и не Варька, а школьница, пионерка — почти такая же, как сейчас, только чуточку поменьше ростом.

— Гуля! Гуля! Это ты! — закричали октябрята.

— Тише, что вы кричите! — сказала Гуля.

У неё билось сердце. Ей было радостно и странно опять увидеть своими глазами всё то, что она так берегла в памяти. Пожалуй, на этот раз она увидела даже больше: много разных подробностей, которые не успела тогда заметить от радости и волнения.

И, уж конечно, только на экране могла она увидеть себя самоё, Гулю Королёву, на приёме в Кремле.

Досмотрев хронику, она перевела ребят через дорогу, а сама вернулась в кино, чтобы ещё раз посмотреть на артековцев в Кремлёвском дворце.

Она осталась бы и на третий сеанс и на четвёртый, да у неё не хватило денег.

ХОЛОДНАЯ БАЛКА

К весне Гуля с матерью переехали в Киев.

Казалось, что на этот раз они уже прочно и надолго осядут на новом месте. Гуле так нравилась новая киевская квартира, нравилась улица, на которой они поселились, а больше всего её радовало то, что у неё была отдельная комната.

Первый раз в жизни Гуля устраивалась по-своему, на

свой вкус и лад. Одна стена у неё была «зимняя» — там висели коньки и в углу стояли лыжи, другая стена — «летняя», с теннисной ракеткой и мячами в сетке. С книжной полки на стол и со стола на подоконник весело перелетала пушистая белка, взятая из зоопарка. Гуля её совсем приручила, и зверёк доверчиво усаживался к ней на плечо и заглядывал в её книжку своими чёрными, блестящими, как бусинки, глазками.

Всё у Гули было теперь новое — новая комната, новая школа, новые подруги, и ей думалось, что вся её жизнь теперь пойдёт по-новому.

Но этому помешала старая, запущенная болезнь.

Когда-то давно, во время киносъёмки, Гуля сильно простудилась. С тех пор она часто прихварывала.

— С этим надо разделаться раз и навсегда! — сказал доктор, осмотрев Гулю.— Вот мы отправим её в Одессу, на лиман.

Опять в Одессу! Гуля и обрадовалась и огорчилась. Было приятно побывать в знакомом, милом городе, подышать его морским воздухом, снова встретить старых друзей. А жалко было отказываться от надежд на новую жизнь.

Но так или иначе, а с наступлением лета Гулю отправили на лиман. В Одессе ей пришлось пробыть всего часа полтора, и она даже не успела сбегать на старую квартиру и повидать прежних подруг.

Ей было даже немножко грустно оттого, что здесь, в этом знакомом городе, она чувствовала себя на этот раз случайной гостьей, проезжей пассажиркой.

Как назло, на вокзале и на привокзальных улицах она не заметила ни одного знакомого лица.

Гуля пошла на сборный пункт поглядеть, какие ребята едут вместе с ней в санаторий. Там было несколько мальчиков, гораздо моложе Гули, и одна девочка — должно быть, её ровесница. У девочки были длинные тёмные косы и чёрные, чуть прищуренные глаза. Когда она хотела что-нибудь

разглядеть, она вынимала из кармана очки в роговой оправе и на минутку подносила к глазам.

— Вы тоже на лиман? — спросила её Гуля.

— Да, на лиман.

— Откуда?

— Из Киева.

— И я из Киева!

Гуле сразу стало веселее. Да и девочка, видно, обрадовалась, что встретила попутчицу, землячку и ровесницу.

Они уселись на своих чемоданах, вытащили свои дорожные припасы и, угощая друг друга последними бутербродами и яблоками, принялись болтать.

Выяснилось, что девочку зовут Мирра Гарбель и учится она в консерватории по классу рояля.

Гуле понравились эти слова: «по классу рояля», и она почувствовала к своей новой подруге какое-то невольное уважение.

Дальше обе девочки уже поехали вместе, не разлучаясь ни на минуту. Стояли рядом на самом носу катера и смотрели, как разбегаются по обе стороны две длинные пенные полосы, как из жаркого берегового тумана постепенно выходят смутные очертания приближающегося берега.

Мирра надела свои очки и уже не снимала их до самой пристани. Она в первый раз видела море, дельфинов и такое множество крикливых, жадных чаек.

Село, где был расположен детский санаторий, называлось Холодная Балка. Неизвестно, откуда взялось это название. Здесь не было ничего холодного — даже камни были тут пропитаны солнцем.

На пристани какие-то быстроногие смуглые мальчики в белых костюмах и белых панамах бросились навстречу приезжим ребятам. Один из них хотел было взять у Гули чемодан.

— Спасибо,— сказала Гуля.— А вы из санатория? Давно тут живёте?

— Я испанский,— ответил мальчик улыбаясь.— Русски мало понимает.

— Мирра, ты слышишь? Это испанцы!

Но в это время высокий юноша, должно быть вожатый, что-то скомандовал своему отряду. Мальчик, слегка смутившись и пробормотав несколько слов по-испански, поставил на землю Гулин чемодан и побежал на своё место. Отряд двинулся за вожатым вдоль по берегу, а к приезжим подошла молоденькая девушка в голубом платье.

— Ну вот вы и приехали наконец,— сказала она.— Мы давно вас поджидаем. Идёмте завтракать. Меня зовут Вера.

— А вы тоже здесь лечитесь? — спросила Мирра.

— Что вы! — сказала Вера.— Вы, должно быть, приняли меня за девочку? Я педагог, воспитательница младшей группы.

И она повела приезжих ребят в белый домик, спрятавшийся чуть ли не до крыши в гуще сиреневых кустов.

— Скажите, пожалуйста, Верочка,— спросила Гуля по дороге,— неужели это в самом деле испанцы, из Испании?

— Да, испанцы, из Испании,— ответила Вера.— Чудесные ребята. Мы все их очень полюбили.

— Дети героев? — спросила Мирра.

— А некоторые из них и сами герои,— сказала Вера.— Они строили баррикады, рыли окопы. Кое-кто из самых старших даже воевал.

— Побежим к ним, Мирра! — сказала Гуля, хватая подругу за руку.— Потом позавтракаем!

— Нет уж,— остановила их Вера.— Первые дни вы посидите в карантине. Вот я сейчас передам вас вашей воспитательнице Ольге Павловне, и она вам всё объяснит.

Ольга Павловна, пожилая строгая женщина в парчовой тюбетейке на чёрных с проседью волосах, суховато, без улыбки встретила девочек. Это случилось на пороге их спальни.

Обе девочки уже успели надеть купальные костюмы, а

сверху — пёстрые сарафаны и с полотенцами на плечах собрались бежать вниз на пляж.

— До осмотра врача — никаких купаний! — сказала Ольга Павловна.

— Мне врачи всегда разрешали купаться! — недовольно буркнула Гуля.— В Артеке в прошлом году я и нормы сдавала — плавание и греблю...

— Мало ли что было в Артеке в прошлом году.

С этой первой встречи у Гули с Ольгой Павловной началась война. Ольга Павловна была человек непреклонный. Карантин так карантин: сиди дома или у себя в палисаднике. Пускай весь санаторий веселится: ходит в кино, на прогулки, на купанье, а ты словно под арестом, и тебе не полагается никаких поблажек.

Тихий час так тихий час: лежи и не смей даже словом перекинуться с соседкой.

— Вы сюда приехали лечиться, и мы вас вылечим,— говорила Ольга Павловна,— хотите вы этого или не хотите.

Конечно, Гуле хотелось вылечиться, но, кроме того, ей каждый день хотелось ещё чего-нибудь: кататься на лодке, плавать наперегонки, гулять вечером по берегу и любоваться лунной дорожкой в море, а во время тихого часа заучивать вместе с Миррой испанские слова.

Поэтому чуть ли не каждый день у неё бывали с Ольгой Павловной столкновения и стычки.

Гуля выходила из себя, а Ольга Павловна оставалась по-прежнему спокойной, деловитой и строгой, и это ещё больше бесило Гулю.

— Сухарь,— говорила Гуля,— никаких человеческих чувств!

— Трудный ребёнок,— говорила Ольга Павловна.— Одарённый, но трудный.

Больше всего жалела Гуля, что из-за сурового режима ей не удавалось проводить с испанскими ребятами столько времени, сколько ей хотелось.

Целая неделя ушла на карантин. Потом лечение, лечение, грязевые ванны, электризация и тихий час по полтора часа в день! А день тут короче, чем в любом лагере, потому что после вечерней росы нельзя выходить в сад.

И всё же Гуля успела подружиться с испанскими детьми. Она ухитрялась разговаривать с ними, не зная их языка, жестами, улыбкой, немногими словами — французскими, русскими, испанскими, подхваченными тут же, на лету.

— Подумай,— говорила она Мирре,— какие у них в Испании занятные школы! За один год они проходят всю алгебру, всю геометрию, всю физику. А на другой год — всё то же самое, но подробнее и серьёзнее. А перемен между уроками у них нет. Учатся полдня без отдыха.

— Как же ты всё это узнала? — спрашивала Мирра.

— Они мне рассказали.

— Да как рассказали?

— Ну, как... не знаю как. Только я всё поняла. Я даже выучила вчера одну испанскую песенку. Чудная песенка— про какого-то Пепе, который попал на птичий двор. Там прямо слышно, как гогочут гуси и кудахчут куры. По-испански это замечательно выходит! Ты непременно подбери к этой песенке музыку. А, Мирра, подберёшь?

И Гуля опять убегала к испанцам. Со старшими она по-настоящему подружилась, особенно с девочкой Кончитой Хорабо и мальчиком, которого звали Хавьер Гонсалес. Эти двое ребят лучше других говорили по-русски, и Гуля не уставала расспрашивать их про войну, которую они видели и в которой даже сами участвовали.

— Здесь такое тихое небо,— сказала однажды Кончита, закидывая назад голову и вглядываясь в летнюю густую синеву.

— Тихое? Что ты хочешь сказать? — спросила Гуля, но, прежде чем Кончита успела ответить, она сама догадалась, о чём говорит маленькая испанка.

Как это должно быть страшно, когда такую мирную синеву заполняют гудением моторов вражеские самолёты, когда они стаями кружат над городом, а вокруг рушатся дома и земля дрожит от взрывов!

«Неужели и нам придётся когда-нибудь увидеть и пережить такое?» — думала Гуля.

И она участливо и нежно смотрела на этих смуглых ловких ребят с такими живыми, горячими глазами, с худощавыми, чётко очерченными лицами и ярко-белыми зубами.

Среди испанцев было много малышей, напоминавших Гуле её октябрят. Ребята эти были весёлые, здоровые, но достаточно было видеть, как жадно бросаются они навстречу своим старшим братьям и сёстрам или к землякам, с которыми приехали сюда вместе, чтобы понять, как сильно скучают они по дому, по родным.

Гуля не знала, чем порадовать их. Каждый день она покупала им мандарины, леденцы, открытки с картинками, бумажные веера, бусы из раковин и всякую дребедень.

Малыши прозвали её «Мадресита» — «Маленькая мама». Цветные бумажки от «карамелос», то есть от конфет, они тщательно разглаживали и прятали на память о ней. А мандарины поедали в огромном количестве.

— Ничего удивительного,— говорила Гуля.— В Испании апельсины созревают четыре раза в год. Испанцы без апельсинов жить не могут. Вот как мы с тобой — без картошки.

И она снова звала Мирру на берег покупать в ларьке мандарины и «карамелос» для испанских ребят, а для себя с подругой — двойные порции мороженого и в книжном киоске — последние номера киножурнала.

ТЕЛЕГРАММА

Гуле оставалось прожить в санатории всего одну неделю, когда она внезапно обнаружила, что деньги, которые ей дала мама на обратный билет в Киев и дорожные расходы, разошлись неизвестно на что.

Лёжа в тенистом уголке сада в час отдыха на раскладушке (врач разрешил ей и Мирре тихий час проводить в саду), Гуля шёпотом подсчитывала свои расходы:

— Мороженое в Одессе — один рубль и здесь — двенадцать; подарки испанчатам — восемь коробочек из ракушек по четыре рубля — тридцать два, итого сорок пять. Конфеты и пирожные — тридцать шесть рублей; сорок пять и тридцать шесть — восемьдесят один. Мандарины... не помню сколько... А бусы, новый пояс с серебряной пряжкой, открытки, журналы, веера...

— Что ты там шепчешь? — спросила Мирра, поднимая с подушки голову.— Таблицу умножения решила повторить на старости лет?

— Какую там таблицу! — вздохнула Гуля.— У меня остался всего один рубль.

— А на дорогу ты отложила?

— Нет.

— И ты об этом так спокойно говоришь? — удивилась Мирра.

— А что же мне делать? Плакать?

— Не плакать, но как ты домой поедешь, я хотела бы знать.

— Это и я хотела бы знать,— сказала с усмешкой Гуля.— Поехать я никак не могу, при всём желании. Могу только пойти пешком. Авось язык до Киева доведёт!

— А до Одессы как — вплавь?

— До Одессы вплавь...

Мирра смотрела на Гулю во все глаза.

— И как только ты будешь жить на свете, Гулька? — спросила она.

— Не знаю как...— задумавшись, ответила Гуля.— Как-нибудь. Ну ничего, я пошлю домой телеграмму.

— А на телеграмму где возьмёшь?

— У тебя займу.

Мирра засмеялась.

— А мне на билет где возьмёшь? У меня ведь тоже только последние, на дорогу.

— У кого-нибудь другого займу. А может быть, к тому времени из дому получу.

И Гуля стала вслух сочинять телеграмму, считая слова по пальцам:

— «Деньги разошлись. Точка. Не сердишься? Вопросительный знак. Пожалуйста, вышли дорогу сколько можешь. Целую. Гуля». Всего четырнадцать слов. Да ещё адрес!

— И до чего же ты ещё ребёнок, Гуля! — ужаснулась Мирра.— Зачем спрашивать, не сердится ли, да ещё ставить в телеграмме всякие точки и вопросительные знаки? Ведь всё это лишние слова. Я бы написала просто: «Вышли деньги. Целую». Три слова. Коротко и ясно.

— Что ты, Миррка! — Гуля испуганно на неё посмотрела.— После такой телеграммы совсем нельзя будет показаться маме на глаза.

— По-моему, и так нельзя. Ты же сама говорила, что из-за вашего переезда у мамы туго с деньгами.

— Да-а,— вздохнула Гуля,— непутёвая у неё дочка. Можно сказать — дрянь девчонка...

Гуля совсем пала духом. Мирра присела к ней на кровать, чтобы утешить подругу, но в этот миг раздался треск, и шаткая раскладушка рухнула на землю.

Очутившись на траве, девочки весело расхохотались...

— Знаешь, Мирра,— сказала Гуля,— давай бросим этот тяжёлый разговор, а то видишь, даже кровать не выдержала, и у неё подкосились ножки.

Девочки принялись чинить раскладушку, натягивая парусину, но в это время на дорожке сада показалась Ольга Павловна. Она всегда приходила именно в ту минуту, когда её ждали меньше всего.

— Это вы так отдыхаете? — спросила она.— Я говорила доктору, что этот отдых в саду ничего хорошего не сулит. Ступайте сейчас же на веранду. А твоей маме, Гуля

Королёва, я непременно напишу, что ты не умеешь соблюдать режим.

Гуля ничего не сказала. Взвалив на плечо подушку, словно это была бог весть какая тяжесть, она медленно пошла по направлению к белому павильону, где жили старшие девочки.

«Чего доброго, и в самом деле напишет! — думала она.— Вот будет здорово: сначала моя телеграмма, а потом этакое письмецо... Хоть домой не показывайся!»

Но делать было нечего, и в тот же вечер в окошко телеграфа была подана срочная телеграмма:

«Оказались непредвиденные экстренные расходы вышли пожалуйста на билет целую Гуля».

Возвращаясь в сумерках по берегу моря в санаторий, Гуля и Мирра обдумывали, какие расходы вообще можно считать «экстренными» и «непредвиденными». Текст был составлен по совету Мирры, и теперь Гуля ломала голову над тем, как она объяснит свою телеграмму дома.

— Утро вечера мудренее,— в конце концов сказала Гуля.— Да и до Киева ещё далеко.

Но оказалось, что и до утра ещё далеко.

Лёжа в постели без сна, Гуля думала, как ей выйти из того запутанного положения, в которое она попала. Ей нужны были деньги не только на билет в Киев. Она вспомнила, что она задолжала всем, кому только можно: и Вере, и пионервожатому Алёше, и даже Мирре, у которой взяла деньги на телеграмму.

Она с мучительной ясностью вспомнила, как, провожая её на вокзал, мама просила её быть благоразумной, не потерять деньги по дороге и не покупать на станциях всякую ерунду.

А она так легкомысленно растратила всё, что ей дала мама!

«Что теперь делать? Ах, что же теперь делать?»

Она стала высчитывать, сколько тратила в среднем каждый день. Но от этих подсчётов ей не стало легче. Она при-

шла в ужас. Вышло... по двадцать два рубля! И это при готовом питании! А мама, вспомнила Гуля, говорила ей при прощанье на вокзале, что даже ответственные работники получают во время командировки только двадцать рублей в сутки.

У Гули разболелась голова.

«Надо во что бы то ни стало найти какой-нибудь выход. Нельзя, чтобы из-за меня мама и папа мучились с деньгами. Но что делать? Продать что-нибудь? Что же можно продать? Голубой сарафан? Он уже не новый, выгорел на солнце».

И вдруг мелькнула мысль: часы!

Вот это действительно ценность! Гуля в темноте нащупала на столике у постели свои часики. Она поднесла их к уху. Колёсики постукивали чётко и деловито, словно билось маленькое сердце.

— Милые вы мои часики! — сказала Гуля, гладя полированную крышечку.

Она не могла даже представить себе, как это она сможет отдать их навсегда в чьи-то чужие руки. Но другого выхода не было. Если из дому не пришлют денег, придётся продать здесь. А если пришлют, тогда в Киеве, чтобы отдать маме долг...

На этом Гуля успокоилась и перед самым рассветом наконец уснула.

ГУЛИНО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Последние дни в санатории прошли для Гули невесело. Очень уж беспокойно было у неё на душе. Она сердилась на себя и на всех, даже на Мирру. Но больше всего, по обыкновению, раздражала её Ольга Павловна. Стычки между ними делались всё ожесточённее. Гуля еле сдерживалась, чтобы не грубить, а Ольга Павловна с каждым разом становилась всё суше и спокойнее.

Иногда Гуле казалось, что, если бы эта суровая, педан-

тичная женщина хоть на минуту вышла из себя, разгорячилась или повысила голос, Гуля простила бы ей всё. Но Ольга Павловна оставалась невозмутимой даже в самой горячей перепалке.

«Памятник! Статуя! Мумия!» — придумывала ей прозвища Гуля.

А «статуя» при всей своей холодности и кажущейся неподвижности ухитрялась поспевать всюду, где был непорядок, и Гуля постоянно чувствовала на себе её зоркий, внимательный взгляд.

Последнее их столкновение произошло в самый канун Гулиного отъезда, под вечер.

Ребята играли в волейбол на площадке, ещё не просохшей после короткого, но бурного ливня.

Если бы Ольга Павловна была дома, этот вечерний матч на сырой площадке наверное бы не состоялся.

Но вышло так, что как раз в этот вечер она ушла на пристань — провожать приезжего профессора-консультанта.

На площадке играла мужская команда против женской. Успех клонился на сторону мальчиков, но несколько метких ударов неожиданно повернули всё дело.

— Держись, девчата! Мы им покажем! — кричала Гуля, забыв все беды и неприятности последних дней.

Но как раз в эту самую минуту на горизонте появилась Ольга Павловна в клеёнчатом дождевом плаще с острым капюшоном.

— Это что? — сказала она, застыв на месте.— Сейчас же в помещение!

— Ольга Павловна! Мы сейчас доиграем! Минуточку! — кричали девочки.

— У меня сегодня последний день, Ольга Павловна,— сказала Гуля, стараясь говорить как можно приветливее.

— Что же, ты хочешь заболеть именно в последний день? — спросила Ольга Павловна, как всегда отчеканивая каждое слово.— Сию же минуту ступай в павильон. По-

сле захода солнца тебе нельзя быть на воздухе, да ещё после дождя!

— Но, Ольга Павловна, ведь завтра в дороге мне всё равно придётся выходить после захода солнца...

— Тем более надо поберечься сегодня.

Гуля с размаху бросила мяч об землю и, опустив голову, бегом побежала в свою спальню.

Там она яростно стала приготовлять себе постель на ночь.

— Ты что, уже спать собралась? — спросила Мирра.

— Да!

— А ужинать?

— Не буду! Мне надо беречься! Вот лягу в постель, намажусь с ног до головы йодом и положу на голову компресс.

— Да что с тобой, Гуля?!

Гуля ничего не отвечала и, глотая слёзы, стала ещё ожесточённее теребить простыни.

— Осторожнее, Гуля, разорвёшь!

Благоразумная Мирра нечаянно сказала Гуле под руку опасные слова.

— И разорву! — крикнула Гуля.

Надкусив простыню зубами, она дёрнула за углы в разные стороны.

Простыня с треском разорвалась.

— С ума сошла! — ахнула Мирра.

— Ничуточки! — сказала Гуля, с каким-то удивлением глядя на два длинных белых лоскута, в которые превратилась простыня.— Это ей наука. Отравила мне всё лето!

Мирра, ни слова не говоря, вышла из комнаты.

А Гуле сразу же стало стыдно и тяжело. Она взяла иголку, нитки и принялась торопливо сшивать куски простыни, то и дело поглядывая на дверь.

Раза два её окликали из коридора, звали ужинать, но она, прикрыв свою работу, отвечала, что у неё разболелась голова и есть ей не хочется.

Ей и в самом деле не хотелось есть.

«Скверно! Позорно! — думала она.— Мама права: у меня нет характера, нет выдержки, нет настоящей воли! Лечу, как под откос, и удержаться не могу. Хороша «дочь партизана», которая в советском санатории простыни рвёт! И главное — из-за чего? Из-за волейбола! Нет, уж лучше не дошивать. Пускай все видят, что я натворила!»

Но всё-таки она зашила простыню до конца и улеглась в постель, прежде чем в спальню вернулись Мирра и другие девочки.

Всю ночь чувствовала она под собой этот злополучный шов, напоминавший о её преступлении.

«Ничего,— говорила она себе в полусне.— Хоть я и зашила, а завтра всё равно пойду к Ольге Павловне и сознаюсь. Пусть делает со мной что хочет. Вот у неё-то настоящий характер, не то что у меня. Молодчина! Кремень! Ни разу даже не крикнула на меня, а ведь стоило кричать: дисциплину нарушала, все деньги растратила... Вспомнить совестно!»

На другое утро, едва только Гуля проснулась, ей принесли деньги от мамы. Но это её даже не обрадовало. Она расплатилась со всеми, кому была должна, и собралась уже идти к Ольге Павловне для последнего покаянного разговора, но Ольга Павловна сама вошла к ней в спальню с письмом в руке.

— Вот, отдашь это письмо маме,— сказала она.

— Маме? — переспросила Гуля и каяться уже не стала.

Ольга Павловна внимательно осмотрела, хорошо ли упакован Гулин багаж, посоветовала ей и Мирре застегнуть пальто на все пуговицы, потому что сегодня свежо, и ушла, пообещав проводить их на пристань.

Гуля всё ещё держала в руках письмо. Оно было не запечатано — очевидно, Ольга Павловна не потеряла ещё к ней последнего доверия.

Спрятав письмо в карман, Гуля быстро обежала все павильоны. На душе у неё стало светлее — все так ласково

прощались с ней, говорили ей такие хорошие слова, хвалили её, благодарили за что-то.

«Значит, не такая уж я плохая»,— думала Гуля, вбегая в павильон, где жили маленькие испанцы.

Тут её ждало столько крепких рукопожатий, поцелуев и даже слёз, что у неё закружилась голова. На память ей дали целую кучу фотографий, камешков, ракушек, кто-то подарил ей бусы из косточек маслин, кто-то надел ей на руку костяной браслет...

Она бы, наверное, опоздала на катер, если бы её не поторопила Мирра.

Когда они прибежали на пристань, из тучи выглянуло солнце, ярко позолотив поручни катера и всю остальную медяшку.

Гуля совсем повеселела — как будто всё плохое в её жизни прошло навсегда.

— Скорей, скорей! — кричали вокруг.— Опоздаете!

Девочки взбежали по трапу. Только с палубы катера они увидели Ольгу Павловну. Она стояла на пристани в стороне от всех, в своей неизменной, выгоревшей от солнца тюбетейке, и слегка махала рукой.

Гуле почему-то показалось, что ей грустно.

Сколько смен ребят проводила она с этой пристани — одинокая, озабоченная, усталая!

И, верно, никто даже не поблагодарил её как следует...

«Только зачем она моей маме письмо написала? — с горечью подумала Гуля.— Маме будет больно, а меня «записками к родителям» не исправить...»

И, когда берег совсем исчез в тумане, Гуля с какой-то неожиданной для себя самой решимостью достала из открытого конверта листок.

«Надо знать, что́ она пишет обо мне,— подумала Гуля.— Должно быть, здорово ругает».

Но какой-то внутренний голос как будто остановил её: «А разве можно читать чужие письма?»

Гуля сунула листок в конверт.

«Да, но ведь конверт не запечатан,— мысленно возразила она себе самой.— Наверное, Ольга Павловна это сделала нарочно, чтобы я прочла письмо».

И, вынув листок снова, она стала читать ровные, очень разборчивые строчки.

Это было совсем не такое письмо, какого она ожидала.

«...Ваша дочь — даровитая и хорошая девочка...— писала Ольга Павловна.— Все у нас её очень полюбили — и воспитатели и дети. Но доктора находят (Вы, наверное, это уже сами знаете), что частые простуды несколько отразились на её сердце. Ей нужен строгий режим, что трудно осуществить при живости её характера. Я бы советовала Вам...» Дальше на двух страницах следовали длинной вереницей всякого рода советы, наставления, предостережения. И ни одной жалобы на дерзость и непокорность!

К письму была приложена бумажка с печатью:

«Характеристика находившейся на излечении от 20 июня по 20 августа ученицы киевской школы Гули Королёвой.

Режим выполняла, вела себя отлично. Саннавыки привиты, опрятна. Очень любит коллектив и пользуется любовью товарищей».

Гуля, озадаченная, села на влажную от морской пены скамью.

«Ничего-то я не вижу вокруг, ничего не понимаю! — говорила она себе, глядя в ту сторону, где скрылась маленькая пристань.— Вот, если бы сейчас вернуться на тот берег, я бы знала, что сказать Ольге Павловне...»

Но катер отходил от того берега всё дальше и дальше.

В поезде Гуля написала карандашом такое письмецо:

«Милая, дорогая Ольга Павловна! Спасибо Вам за все ваши заботы, и, пожалуйста, простите меня за то, что я была такой недисциплинированной девчонкой. Вы ещё, наверное, не знаете всех моих преступлений. Если Вам покажут сшитую из двух кусков простыню, то знайте: это моя работа. Я и разорвала, я и сшила. Но я даю Вам слово, что больше со мной этого не случится. Я всегда буду вспоминать, как Вы умеете держать себя в руках.

Ещё раз прошу Вас простить меня. Большой, большой привет всем. Гуля».

Чем ближе подъезжала Гуля к дому, тем тревожнее было у неё на душе. Ещё в вагоне ей пришла в голову мысль, что мама из-за неё отказалась от отпуска и что надо во что бы то ни стало вернуть ей растраченные деньги.

Поэтому она в первый же день по приезде снесла часовщику свои часики и попросила их продать.

— Такие часики продать нетрудно,— сказал часовщик.— Хорошие часики!

Гуля вздохнула и вышла на улицу.

За вечерним чаем мама спросила, что за «экстренные» расходы были у неё в санатории.

— Да всякие,— сказала Гуля.— Одним словом, личные.

Мама удивлённо пожала плечами и стала расспрашивать Гулю о санатории, о тамошних порядках.

— Вот в это время мы уже собирались спать,— сказала Гуля и, по старой привычке, посмотрела на руку.

— А где же твои часы, Гуля? — спросила мама.— Почему ты их не носишь?

— Замочек на браслете испортился.

— Покажи-ка. Может быть, сами поправим.

— Да нет! Часы тоже испортились, и я отдала их часовщику.

— Когда же они будут готовы?

Гуля нерешительно тряхнула головой.

— Мама, я отдала их не чинить, а продать.

— Этого ещё не хватало! Зачем?

— Чтобы отдать тебе то, что я растратила в санатории. Ведь это, по совести говоря, были не «экстренные» расходы, а просто дурацкие — на мороженое, на конфеты, на поясок,

на всякую ерунду. Только тех денег не жалко, что я на испанских ребят потратила. А все остальные можно было и не тратить. Пускай теперь продадут часы. Я сама за себя отвечаю.

Мама ничего не ответила, только искоса посмотрела на Гулю.

— Ты думаешь? — спросила она наконец негромко и даже как-то грустно.— Нет, Гуля! Ты слишком легко сбиваешься с дороги и слишком легко раскаиваешься. Этак не будет толку!

— Ты думаешь, мне легко было расстаться с моими часиками? — сказала Гуля.— Я люблю их так, как будто они живые... Но я хочу отдать тебе деньги.

— Дело вовсе не в деньгах. Завтра же с самого утра ступай к часовщику и возьми назад свои часы. Я не позволяю их продавать, а с деньгами как-нибудь обойдёмся. Я нынче получила отпускные, а поехать куда-нибудь мне всё равно не удастся: работы много.

Гуле неловко было сознаться себе самой, но она была рада тому, что трудный разговор, которого она так боялась, наконец уже позади.

И как хорошо, что часики опять вернутся к ней и снова будут легонько и нежно постукивать у неё на руке. Только бы часовщик не продал их за сегодняшний вечер! Ведь он сам говорил, что такие продать легко — всякий купит. Ну, да авось не продаст, не успеет.

Гуля наклонилась к матери и сказала ей на ухо:

— Вот ты увидишь, какая теперь пойдёт у меня жизнь. Ты даже удивишься, мамочка!

ПРАВО НА РАДОСТЬ

Но удивляться маме не пришлось.

Жизнь пошла так, как она чаще всего шла у Гули до сих пор — то вверх, то вниз, то победа, то поражение.

Вчера её перед всем классом хвалили за сочинение, даже читали его вслух, а сегодня «плохо» по физике, и Гулю отчитывают опять-таки перед всем классом.

— Способная ученица, а никакой системы, никакой дисциплины.

Ах, если бы знали они все, как мечтает Гуля выработать в себе именно эти свойства характера — систематичность, дисциплинированность! Только где их взять, если к ним с детства нет привычки!

Это ведь не то что научиться делать самые трудные фигуры на коньках или взять рекорд в беге на короткую дистанцию. И потом — на свете слишком много интересного!

Вот уж Гуля исправила отметку по физике — два «отлично» после одного «плохо», штурмом взяла геометрию и вызубрила всю хронологию по русской истории.

И вдруг — новая радость, от которой трещат по швам кое-как налаженные «система и дисциплина».

Гуля возвращалась с катка румяная, весёлая, с коньками под мышкой. Она с удовольствием думала о том, что ей осталось всего только раскрасить уже нарисованную географическую карту. А это очень приятное занятие! Гуля любила рисовать, и карты у неё выходили лучше, чем у всех в классе.

В глазах у неё ещё сверкали огни, отражённые в ледяном зеркале катка. В ушах ещё звучал весёлый марш, прорезывавший морозный воздух.

Тихонько напевая, взбежала Гуля на лестницу и увидела за решёткой почтового ящика конверт.

— От кого бы это?

Гуля вытащила письмо и узнала почерк Эрика.

Тут же, на площадке лестницы, прочитала она письмо от строки до строки. Оно было короткое. Эрик звал Гулю в Москву на каникулы.

Он писал, что зима в Москве в этом году чудная, снежная, что в Сокольниках будет замечательный лыжный кросс и «мировое» состязание на беговых коньках.

А в конце письма говорилось, что Гулин отец тоже ждёт её и обещал достать билеты во все театры.

В Москву!.. У Гули захватило дыхание при одной только мысли о поездке. Подумать только — побывать во всех театрах, во всех музеях, от Третьяковки до Зоологического и Этнографического! Побродить с Эриком по старым местам, которые они обошли и обегали в детстве. А вечером посидеть с папой за чаем, рассказать ему про всё, что было без него, и поздно-поздно, часов в двенадцать, вдруг пойти гулять с ним под лёгким снежком по московским улицам и слушать играющий звон часов на Красной площади... Только где взять денег на дорогу? Можно потратить совсем мало, взять билет без плацкарты, чтобы было подешевле. Ведь это совсем не обязательно — спать в вагоне. Выспаться можно и потом. В Москве тоже много денег не нужно — разве только на метро. А пропущенное в школе Гуля нагонит после каникул — будет заниматься круглые сутки. Ей не впервой догонять.

Гуля влетела в комнату и, не раздеваясь, всё разом выложила матери.

Мама в это время писала что-то за столом. Она молча выслушала Гулю. Потом посмотрела на неё пристально и сказала:

— Никуда ты не поедешь. Право на радость нужно сначала заработать.

Больше мама ничего не сказала. Но этих слов было достаточно. Гуле показалось, что не мама, а она сама сказала такие верные и суровые слова. Право на радость надо заработать, а пока что оно не заработано.

Ах, как хочется ехать в Москву — прямо до смерти хочется! Но, может быть, ещё лучше остаться наперекор себе дома и отодвинуть праздник до тех дней, когда можно будет с полным правом дать себе отпуск? А зима пройдёт? Ну и пусть проходит — будет другая зима!

Больше она с Москве с матерью не говорила ни разу.

Мать поглядывала на неё даже с какой-то тревогой. Она

знала, как сильно Гуля умеет хотеть чего-нибудь и как трудно ей отказываться от своих планов.

Но Гуля была спокойна, приветлива и даже как будто чему-то рада.

Чему же это?

А у Гули уже возник новый план.

ГУЛИНА ТАЙНА

Ещё весь дом спал, когда Гуля проснулась.

«Что за последнее время случилось хорошего? — подумала она. Такая уж у неё была привычка: просыпаясь утром, оглядываться на вчерашний день.— Письмо от Эрика? Нет, письмо принесло только огорчение. Катание на коньках? Нет, не то... Ах да! Мой план! Моя тайна...»

И Гуля начала быстро одеваться.

«С сегодняшнего дня всё пойдёт по-другому».

Она вскочила, открыла форточку. В комнату ворвался поток свежего воздуха.

Гуля тихонько запела:

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река...
Кудрявая, что ж ты не рада
Весёлому пенью гудка?

Это была песенка из нового кинофильма.

Сделав зарядку, Гуля принялась стелить кровать. Покрывая подушку вышитой накидкой, она постаралась придать своей белой кроватке самый аккуратный и строгий вид.

Она и на столе своём прибрала так, что он стал неузнаваем.

Раньше книжки лежали на нём вперемешку с тетрадями, тут же валялись обломанные карандаши, чернильница стояла боком, угрожая залить чернилами библиотечные книги. Теперь же всё стало на свои места: книги перешли на свою постоянную квартиру — на полку, а тетради акку-

ратной стопочкой скромно разместились в сторонке. Чернильница, накрытая металлической крышечкой, взобралась на верхнюю площадку своей мраморной лестницы. Наконец очередь дошла и до карандашей. Гуля их все отточила, и теперь из высокого деревянного бокала весело выглядывали их заострённые кончики. На самом почётном месте, на мраморной площадке, рядом с гордой чернильницей, приютились и Гулины часики.

Испуганная всей этой вознёй, белка взобралась на самую верхнюю полку и, спрятавшись за толстый словарь, недоверчиво поглядывала вниз на непривычный порядок.

Гуля погрозила ей пальцем и уселась за чистый, спокойный, уютный стол.

В квартире царила та благодатная утренняя тишина, при которой так приятно думается, так просто и легко всё запоминается.

Незаметно прошло утро. Впереди ещё предстоял целый день, а Гуля уже успела решить с десяток задач по алгебре и прочесть всё, что было пройдено по истории за целую неделю.

«Если так пойдёт,— думала она по дороге в школу,— ещё, чего доброго, выйду наконец в отличницы. Тогда уж наверно добьюсь своего».

Прошло несколько дней. Мать смотрела на Гулю и удивлялась. Что с ней такое? То еле-еле удавалось выпроводить её вовремя в школу, а тут она вскакивает ни свет ни заря. Прежде, бывало, убежит и оставит постель неубранной, на столе творилось такое, что и подойти к нему нельзя, а теперь после её ухода и убирать не нужно. Приходит из школы — занимается, да и по хозяйству успевает помочь домашней работнице Фросе.

«Старается заработать поездку в Москву»,— думала мама.

А Гуля о поездке совсем и забыла. У неё была теперь совсем другая забота.

Во Дворце пионеров она записалась в группу прыгунов в воду.

«Займусь водным спортом,— думала Гуля,— как следует потренируюсь, тогда уж обязательно примут. Только надо лохмы свои подстричь».

Она сунула в портфель свой купальный костюм и по дороге во Дворец пионеров забежала в парикмахерскую.

— Подстригите меня «под мальчика»,— попросила она парикмахера, усаживаясь в кресло.

Парикмахер взял в руки гребёнку и ножницы и сказал, качая головой:

— А жалеть не будете, гражданочка? Лучше бы к лету подстриглись...

— Ничего,— ответила Гуля,— к лету второй раз подстригусь.

И под острыми ножницами рассыпались по простыне, накинутой Гуле на плечи, светлые крупные пряди волос.

«Не так уж плохо,— подумала она, увидя в зеркале задорную мальчишечью голову,— только шее прохладно».

И Гуля помчалась во Дворец пионеров.

Она представляла себе, что, как только она войдёт в зал бассейна, её сразу же поведут на вышку.

Но оказалось, что до прыжков ещё далеко. Прежде чем попасть в зал, где находился бассейн, новички обычно проходили несколько этапов: их осматривал врач, потом они принимали душ и делали гимнастику. Гуля узнала, что множество очень сложных гимнастических упражнений, которые ей пришлось преодолеть, служат для развития мышц.

Свежая, бодрая, в купальном костюме с белой чайкой на груди, Гуля вошла наконец в залитый светом зал бассейна. За окнами падали хлопья снега, а здесь было лето — настоящее лето с мягким теплом и плеском воды.

— Начнём с высоты одного метра,— сказала черноволосая девушка в синем купальном костюме.

Это была Олеся, тренер женской группы.

Гуля поднялась вместе с ней на несколько ступенек по

крутой металлической лестнице. Почти у самых ног тихо плескалась вода.

Первые прыжки дались Гуле легко и просто: ведь она не раз уже прыгала в воду со скал в Артеке.

— А теперь,— сказала Олеся, когда Гуля немного отдохнула,— будешь прыгать с трёх метров.

И она повела Гулю ещё на несколько ступенек выше. Гуля посмотрела с площадки вниз.

«Ничего, не так уж страшно»,— подумала она, вспоминая, что скалы на артекском берегу были ненамного ниже.

— Ну вот,— сказала Олеся.

И она объяснила Гуле, что первые прыжки, с которых начинается тренировка, называются не прыжки, а «спады» и что они служат подготовкой для прыжков в воду.

Олеся стала лицом к воде.

— Нужно вот так выпрямиться,— сказала она,— и, не сгибаясь, упасть вперёд. Тогда ты обязательно войдёшь головой в воду.

— Я так не смогу,— проговорила Гуля.— Это очень страшно — падать вниз головой.

— Научишься — и не будет страшно,— сказала Олеся.

И, не сгибаясь, словно ей это ничего не стоило, она легко, всем корпусом, наклонилась вперёд и полетела... Миг — и она вошла головой в воду.

— Ой! — вскрикнула Гуля и даже зажмурилась.

Но Олеся уже выходила из воды как ни в чём не бывало. Теперь прыгать нужно было Гуле. «Сверну шею, убьюсь!» — подумала она, но сдержалась и ничего не сказала.

Выпрямившись, она замерла в ожидании команды.

— Прыгай! — крикнула Олеся.

У Гули задрожали колени. С шумом и илеском врезалась она в воду.

— Ничего, неплохо,— сказала Олеся, когда Гуля, отряхиваясь на ходу, поднималась наверх из бассейна.—Только не надо отталкиваться ногами, когда падаешь. Ну-ка давай ещё разок.

И тренировка началась. Когда Гуля научилась входить в воду не сгибаясь и без толчков, Олеся сказала:

— А теперь будешь прыгать солдатиком.

— Как — солдатиком? — удивилась Гуля и подумала: «Вот хорошо! Это, наверно, как раз от меня и потребуется».

Олеся снова стала лицом к воде, приложила руки к бокам так, как если бы руки у неё были припаяны к туловищу, и прыгнула в воду ногами вниз.

Гуля опять на мгновение закрыла глаза. Но Олеся, живая и невредимая, уже выходила из воды.

Гуля молча подошла к краю площадки. Выпрямившись, она застыла, словно вылитая из металла, и, как только раздалась команда «прыгай», она оторвалась от площадки и полетела вниз...

— Добре,— сказала Олеся, встречая Гулю на ступеньке бассейна.— Научишься — будешь прыгать ластивкой.

— Ласточкой! — обрадовалась Гуля.— А скоро это будет?

— Что, не терпится? Всему своё время. И птицы тоже не разом научаются летать.

— А мне бы нужно разом,— сказала Гуля.

Но «разом» ничего не делается. Дни проходили один за другим в спортивных упражнениях и в подготовке к экзамену. И всё это надо было делать незаметно, между прочим, чтобы никто не догадался о Гулиной тайне.

И вот наконец наступил долгожданный день. Выйдя из дому, Гуля сама почувствовала, что держится теперь как-то по-другому, чем прежде. За последний месяц она выпрямилась и подтянулась.

На углу её ждала Мирра Гарбель. Мирра была единственным человеком, которого Гуля посвятила в свою тайну.

— Ну почему им меня не принять? — рассуждала Гуля, шагая рядом с Миррой и по-мужски поддерживая её под руку.— Как ты думаешь, Мирра, ведь примут? Здоровье — слава тебе господи. Мама говорит, что, когда мне исполнился всего один год, я уже получила премию за здоровье.

— А ты же потом болела,— напомнила Мирра.

— Ну когда это было! — сказала Гуля.— Было, да прошло. В санатории меня всё-таки славно подлечили, спасибо Ольге Павловне. А выносливость у меня сама знаешь какая. Трусостью тоже как будто не отличаюсь. Да и с учёбой теперь стало хорошо, почти отлично.

— Ну конечно, примут,— успокоила её Мирра, но почему-то вздохнула.

Гуля пристально посмотрела на неё.

— Ты, видно, против?.. Не одобряешь?

— Я не хочу тебе мешать. Раз ты так решила, поступай. Но я бы на твоём месте пошла лучше в театральную школу. У тебя, наверно, талант...

— Вот ещё! Какой там талант!

Гуля тряхнула головой и взялась за ручку большой, тяжёлой двери. Мирра крикнула ей вдогонку:

— Ни пуха ни пера!

Поджидая Гулю, Мирра долго ходила по тротуару. Был яркий, солнечный день. Началась оттепель, и дворники лопатами сгребали с панелей потемневший, мокрый снег.

Мирре было чуточку грустно.

«Вот так люди на свете и расходятся,— думала она.— Теперь у Гульки начнётся совсем другая жизнь. Пожалуй, и видеться не будем, не то что дружить. И почему её так тянет к самому трудному?»

И Мирре вспомнились строчки из лермонтовского «Паруса»:

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой...

Прошло больше часу. У Мирры озябли ноги. Солнце перешло на другую сторону, и повеяло вечером.

Наконец тяжёлая дверь опять открылась. Со ступенек, стуча каблуками и весело переговариваясь, сбежало несколько юношей. Они зашагали по улице, чётко отбивая шаг.

«Вот этих наверно приняли,— подумала Мирра.—

А девочек что-то не видно. Неужели одна Гуля поступает в военную школу?»

И вот наконец дубовая дверь снова скрипнула, и на пороге показалась Гуля.

— Ну что? — спросила Мирра одними губами.

Гуля махнула рукой.

— Нашли в глазах что-то,— сердито буркнула она.— Всю жизнь видела замечательно, даже в театр бинокля не брала, а тут заставили чуть ли не за целую версту какую-то бессмысленную чепуху читать — набор букв: «а»... «щ»... «ы»... Даже «ять» и «фита», кажется... Знала бы, что эти таблицы там вывешены, вызубрила бы их заранее наизусть... И всё тут.

— А где бы ты их взяла? — засмеялась Мирра.

— Ну, где-нибудь раздобыла бы. У любого глазника — у Остроухова или у Финкельштейна.

— Да ведь у каждого глазника может быть своя таблица,— сказала Мирра.— Я-то это хорошо знаю.

— А ты, кажется, радуешься, что меня не приняли? Вон, даже повеселела. Хороша подруга!

— Не сердись, Гуля,— сказала Мирра.— Я не то чтобы рада, но, по-моему, совсем не обязательно девочке учиться в военной школе. Ну подумай сама, почему тебе непременно нужна военная карьера?

— Да нет, совсем не в этом дело,— сказала Гуля.— Но ты понимаешь, мне иногда так трудно бывает жить. Я надеялась, что эта школа мне поможет... Приучит меня к настоящей дисциплине.

В это самое время мимо девочек быстро прошёл военный в больших роговых очках.

— Видишь, видишь? — сказала Гуля так громко, что прохожий обернулся.— Военный — и в очках. Почему ему можно, а мне нельзя? Я говорила: «Если так, выпишите мне очки и примите в школу». А врач упёрся — и ни за что.

Придя домой, Гуля легла в постель. Фрося звала её обедать, но Гуля сказала только:

— Потом, Фросенька,— и повернулась лицом к стене.

К вечеру она уснула и сквозь сон чувствовала, как мамина рука осторожно щупает ей лоб. Гуле на минутку показалось, что она опять стала совсем маленькой и мама сейчас возьмёт её на руки.

— Ничего не болит, мамочка,— ответила Гуля, не дожидаясь вопроса,— не беспокойся. Полежу — и пройдёт.

А что именно «пройдёт», она и сама не знала.

«Как мне дальше жить? — думала Гуля, плотнее закрывая глаза и натягивая на плечи старый вязаный платок.— Мне уже пятнадцать лет, а я ещё ничего, ничего не сделала хорошего, полезного. Сил хоть отбавляй, а куда их девать? Неужели опять на коньках, как проклятая, гонять все вечера? Уж лучше бы сниматься в кино. Всё-таки настоящая работа. И потом, так трудно держать себя в руках, не срываться... Что бы такое придумать?

Если маме сказать, что мне хочется настоящего дела, она сразу же посоветует помогать Фросе по хозяйству. А Фрося ворчит: «Да ты ж и так скильки чашек побила! У тебя руки не таки». Вот и получается, что садишься за стол, как барышня. Всё тебе подают. Даже совестно».

Гуля уснула одетая. А на другой день случилось такое событие, которое сразу сняло как рукой все её огорчения и тревоги.

ТРЕТЬЯ ВЫСОТА

В школьном зале, как всегда на переменах, стоял разноголосый гул. Школьницы медленно двигались, обнявшись, а мальчики сновали взад и вперёд, и девочки ворчали, что они «путаются под ногами».

Гулю сегодня раздражал этот беспорядочный, весёлый школьный шум. Она вошла в пустой ещё класс, села на свою парту, в третьем ряду у окна, и открыла наугад какую-то книжку.

Но в эту минуту дверь приоткрылась, и в класс заглянула Муся Лебедева, комсорг школы.

— А, Гуля Королёва! — сказала она.— Я тебя ищу. Мне как раз нужно с тобой поговорить.

— Со мной? — удивилась Гуля и подвинулась.

Муся села рядом.

— Дело вот в чём,— начала она как будто сухо и деловито,— мы заметили, что ты за последнее время сильно изменилась, Королёва.

— Как это изменилась? — переспросила Гуля насторожившись.

«Неужели и здесь заметили?» — подумала она.

— Изменилась к лучшему,— объяснила Муся улыбаясь.— Видно, выросла, что ли. Стала по-настоящему работать над собой, сознательнее к себе относиться... Ну, в общем, мы считаем тебя вполне достойной быть в комсомоле.

Гуля растерялась и обрадовалась.

«Это как раз то, что мне нужно, именно то, что мне нужно!» — подумала она и порывисто вскочила с места.

— Ты начала так,— сказала она,— что я могла подумать, будто я сделала что-то ужасное. Мусенька, да ведь это для меня счастье! Ты даже не знаешь, как трудно мне бывает одной. Я постараюсь быть настоящей комсомолкой!

Муся с улыбкой смотрела на Гулю и думала: «Интересный характер — порывистый, горячий, деятельный. Надо, надо ей как следует помочь. Из неё выйдет толк».

В коридоре весело и звонко залился колокольчик.

— Ну вот, пока всё,— сказала Муся, вставая.— Сначала сами всё проведём, а затем тебя проверят в райкоме.

— Это что, экзамен? — спросила Гуля.

— Да, пожалуй, ещё поважнее экзамена,— ответила Муся.

Она ушла. Класс мигом заполнился тем шумом, который только что бушевал в коридоре.

«Ну что ж,— думала Гуля,— в военную школу не при-

няли, зато принимают в комсомол. Лишь бы выдержать этот экзамен!»

Спустя две недели Гуля возвращалась домой из райкома. Дул порывистый февральский ветер. Подняв воротники и кутаясь в вязаные шарфы, по тротуару сновали занесённые снегом люди. А Гуле казалось, что им всем так же хорошо и радостно, как и ей...

Влетев к себе домой, Гуля чуть не сбила Фросю с ног.

— Фросенька, где мама?

— Нема дома.

— Фросенька, поздравь меня,— сказала Гуля,— я комсомолка. Самая настоящая!

И она бросилась к телефону:

— Мамочка, у меня новость... Не беспокойся — хорошая! Райком утвердил! Да, да, утвердил! Нас всего пять человек приняли. Было совсем не официально, а как-то очень по-дружески. Меня спросили: могла ли бы я проявить силу воли, сделать что-нибудь особенное, ну, например, поехать куда-нибудь далеко, если пошлют. Или другое что-нибудь. В общем, проявить смелость. Я сказала, что постараюсь. А сейчас я иду в бассейн... Не могу сидеть одна дома... Хорошо, хорошо, не простужусь и не утоплюсь...

Гуля повесила трубку.

— Ой, Фросенька, как я рада, прямо-таки счастлива! Понимаешь, приняли в комсомол. Мне будут поручать всякие дела, очень ответственные. И, если я не справлюсь, будет ужасно стыдно.

Фрося слушала молча, кивая головой, а потом вытерла глаза кончиком фартука.

— Фросенька, ты чего это? — испугалась Гуля.

— Це я з радощив,— сказала Фрося.— Така молода, а вже в комсомоли.

Гуля засмеялась:

— На то же это и комсомол, чтобы молодых принимать. Знаешь, Фросенька, я сегодня буду прыгать ласточкой!

— Ой, та як же ж це? — испугалась Фрося.

— А так! — Гуля раскинула руки.— Не бойся, ничего со мной не будет!

И, расцеловав Фросю, она убежала.

«Какие все сегодня чудесные, милые,— думала Гуля, спускаясь с лестницы и прыгая через три ступеньки сразу.— Ещё недавно был такой грустный вечер, а сегодня-то как хорошо! Хоть бы сегодня, по случаю такого дня, мне удалось прыгнуть ласточкой!»

В прошлый раз Олеся сказала Гуле, что у неё получается не «ластивка», а «горобчик» — воробышек. Шагая теперь по белой, пушистой от снега улице, Гуля старалась ясно представить себе каждое движение, которое нужно было ей сделать, готовясь к прыжку.

Бело-голубой кафель бассейна сверкал, залитый электрическим светом. Гуля быстро разделась в кабинке и, как обычно, в купальном костюме поднялась на высоту трёх метров.

— Сегодня будем прыгать с пяти метров! — крикнула ей снизу Олеся.

— С пяти? — спросила Гуля.— Ну хорошо.

И она поднялась по лестнице ещё на два метра выше, чем раньше. Оказавшись на площадке, она машинально хотела было ухватиться за перила, но перил не было. И от этого Гуле показалось, что площадка по крайней мере вдвое выше, чем была на самом деле.

У Гули слегка задрожали ноги.

Но снизу уже послышалась команда:

— Прыгай!

И, сделав над собой усилие, Гуля стремительно разбежалась, подпрыгнула, распростёрла руки, как крылья, и полетела вниз... Она летела, вся вытянувшись, словно ласточка. Мгновение — и она врезалась головой в воду. Целый фонтан брызг поднялся там, где до этого спокойно блестела водяная гладь.

— Добре, добре! — весело закричала Олеся.— Только ты не рассчитала высоты, и оттого получились брызги. Тол-

чок сделала такой же, как с трёх метров. Вот потренируешься, тогда и этот недостаток устраним.

Гуля снова поднялась на вышку и прыгнула так, как её учила Олеся.

— Отлично, видминно,— сказала инструкторша.

— Теперь можно идти? — спросила Гуля.

— Можно. Иди наверх.

— Наверх? Зачем наверх?

— Прыгать!

— С трёх метров,— спросила Гуля,— или ещё раз с пяти?

— Нет. С восьми.

— С восьми?!

— А что, боязно?

— Боязно,— призналась Гуля.

Олеся улыбнулась:

— Научишься — будешь прыгать и с десяти.

— Никогда не научусь,— шёпотом сказала Гуля и вздохнула.— Ну что же, попробую с восьми.

Она пошла вверх по лестнице. Вот площадка высотой в три метра, с которой Гуля ещё так недавно училась прыгать, вот следующая — пятиметровая. Значит, ещё выше.

«Ух, как высоко! — подумала Гуля.— Убьюсь!»

Сердце у неё замерло, когда она взглянула с восьмиметровой вышки вниз.

Ей казалось, что она стоит на крыше трёхэтажного дома.

«Восемь метров,— соображала Гуля,— да ещё глубина бассейна четыре, всего — двенадцать метров!»

Сквозь прозрачную толщу воды светилось дно бассейна.

«Нет, не могу,— подумала Гуля,— страшно...»

Но снизу уже послышалась команда Олеси:

— Прыгай!

— Олеся! — крикнула Гуля не своим, дрогнувшим голосом.— Я не могу!

Снизу раздалось ещё повелительней:

— Прыгай!

Гуля стиснула зубы.

«Я сказала им в райкоме, что постараюсь совершить смелый поступок,— мелькнуло у неё в голове,— а теперь «не могу»... Нет, стыдно. Не боюсь!»

И, зажмурив глаза, она опять разбежалась по площадке, подпрыгнула и снова полетела, как птица, с распростёртыми, будто крылья, руками.

Она летела всего несколько секунд, но эти секунды показались ей бесконечно длинными.

— Ой, как долго я летела! — сказала Гуля, высовываясь из воды и отфыркиваясь.

Олеся махала ей со ступеньки рукой.

— Если так у тебя пойдут дела,— сказала она,— то к Восьмому марта пойдёшь на разрядные соревнования.

Гуля закинула голову и взглянула наверх — на восьмиметровую вышку.

— А можно мне прыгнуть ещё разок? — спросила она.

— Хоть сто раз! — весело ответила Олеся.— Нынче разок, завтра — два, а потом и ещё девяносто восемь.

Гуля снова поднялась на восьмиметровую площадку и уже без всякого страха, словно у неё и на самом деле крылья выросли, легко оторвалась от дощатого помоста и прыгнула вниз, в прозрачную воду.

ФИЗИКА И КОНЦЕРТ ЛЕМЕШЕВА

Подошли экзамены.

Гуля отвезла в зазеленевший лес свою белку, проводила на вокзал маму, уехавшую в Сочи, и вернулась в опустевшую квартиру. С ней осталась Фрося.

— Ну, Фросенька,— сказала Гуля,— не сойду с этого места, пока не пройду всю физику.

И Гуля села за свой стол. Подперев голову руками, она углубилась в учебник. Комната была залита солнцем. Перед окном распустилась акация.

«Как сейчас хорошо на Днепре! — с тоской думала Гуля.— Взять бы байдарку и поплыть вниз по течению. А потом лечь на белый песок и смотреть в небо!»

Но это потом, после экзамена. А сейчас надо забыть обо всём на свете, кроме физики.

«Теплота»... Как назло, приходится повторять эту несчастную «теплоту», когда и так некуда деваться от жары.

Из кухни доносилась в это время протяжная украинская песня «Чому ж я не козаченько, що тебе я так люблю».

«И когда только Фрося успевает со всем управиться? — думала Гуля.— Не успеешь оглянуться — всё у неё готово, и она уже опять сидит себе и поёт своего «козаченька». Вот бы мне у кого поучиться!»

И в самом деле: уже к девяти часам всё в квартире бывало прибрано, на вычищенной до блеска керосинке потихоньку варился обед, а Фрося с шитьём в руках сидела у окна и пела.

Пела она обычно так: начнёт песню и остановится на полуслове — то ей нужно нитку перекусить, то Гуле сказать что-нибудь, то подкрутить керосинку. А потом продолжает как ни в чём не бывало с того самого места, на котором остановилась. Гулю сердили эти остановки, и нередко из-за них выходили у неё с Фросей маленькие стычки. Так и сегодня. Фрося затянула свою излюбленную песню:

Чо-ому ж я не козаченько, що тебе я так...

И остановилась. Гуля, прислушиваясь, ждала продолжения. Фрося молчала.

— Фросенька! — взмолилась Гуля.— Чего же ты замолчала?

— Гуленька,— донёсся из кухни притворно сердитый голос Фроси,— без репликив!

И Фрося опять запела:

...що тебе я так...

Снова молчание.

— Фрося, спивай!

Но в эту самую минуту кто-то стукнул в дверь.

— Гулька! — крикнула Фрося.— Чуешь ты чи ни? Стукають в двери! А у мене керосинка гасне.

— Нехай стукають,— отозвалась из своей комнаты Гуля.— Мени учитись треба.

Они обе столкнулись у дверей и вдвоём отворили. В переднюю вошла Гулина одноклассница Надя, одна из самых нарядных и хорошеньких девочек в классе.

— Гулька,— сказала Надя, едва переводя дух,— бросай всё! Лемешев в Киеве! Мировой концерт. Есть два билета!

— Ты что, в уме? — спросила Гуля.— А физика?

— Физика подождёт. Неужели ты пожертвуешь Лемешевым ради несчастной физики?!

Гуля молчала.

— Я буду ночью учить «теплоту»,— сказала Надя, вертясь перед зеркалом и поправляя локоны и складки платья.

Гуля смотрела на неё улыбаясь и чуть-чуть прищурившись.

— Сказать тебе,— спросила она,— какую эпиграмму сочинили на тебя в школе?

— На меня? Кто сочинил? Какую телеграмму?

— Не телеграмму, а эпиграмму. Вот слушай:

Надя-Надежда
Надежду лелеет,
Что чуб и одежда
Сердца одолеют.

— Ты сама сочинила эту диаграмму! — сказала Надя и слегка покраснела.

— Да ты не обижайся, Надежда!

Но Надя и не думала обижаться — над ней в классе часто подтрунивали, и она к этому давно привыкла.

— Знаешь, Гулька,— сказала она,— я поменялась с одной нашей девчонкой: я дала ей Лемешева с папиросой, а она мне Лемешева в шляпе.

— Иди ты к аллаху со своей папиросой и шляпой! Человек, можно сказать, наконец образумился...

— Это ты-то человек, который образумился? — засмеялась Надя.

— Я не шучу, Надька,— серьёзно сказала Гуля.— Ты же знаешь, мне недолго сорваться, особенно если такой концерт. Приходится держать себя во как! Думаешь, мне приятно париться? Но ведь осталось ещё добрых пятьдесят страниц. Видишь?

— Да ведь ты ж в году их учила.

— Мало ли что! И ты ведь учила, а, наверно, ничего не помнишь.

— Ни черта не помню! — сказала Надя, искоса поглядывая в зеркало.

— Что ж хорошего? Провалишься на экзамене.

Надя только пожала плечами.

— Ты, Гулька, вечно чего-то невозможного требуешь и от себя и от других. Ну, насильно в рай не тянут. Сиди зубри!

И, чмокнув Гулю в щёку, Надя убежала.

Не успела закрыться за ней дверь, как раздался телефонный звонок.

Застенчивый мальчишеский голос звал Гулю на Днепр — кататься на лодке.

— Не могу же! Занята я! Отстаньте от меня все! — крикнула со слезами в голосе Гуля и, положив трубку, накрыла телефон диванной подушкой.— Не подойду больше, хоть тресни! — сказала она и пошла к своему столу, заваленному книгами.

До вечера просидела она над физикой, не вставая.

А после ужина сказала Фросе:

— Эх, Фросенька, кабы ты знала, какой я концерт пропустила... Спой хоть ты мне вместо Лемешева!

И Фрося затянула своего «козаченька», на этот раз без перерывов.

ДЯДЯ ОПАНАС И НАДЯ

Светало. Небо было прозрачное и чистое, и на нём ясно вырисовывались ветви акаций.

Сколько таких ранних рассветов успела встретить Гуля за время своей подготовки к экзаменам!

Обливаясь холодной водой в ванной комнате, Гуля думала:

«Теперь было бы уж совсем позорно сдать не на «отлично», когда я комсомолка. Как я им всем в глаза посмотрю?.. Ух, страшно!»

От холодной воды и волнения Гулю стало трясти как в лихорадке. Она принялась быстро вытираться мохнатым полотенцем.

«А дрожать как осиновый лист тоже, конечно, глупо. С восьмиметровой вышки прыгнула — и ничего, уцелела. Ну, а на экзамене, что бы там ни вышло, голова, во всяком случае, останется на плечах. Хоть и пустая, какая ни на есть, а голова...»

Гуля быстро сделала несколько гимнастических упражнений, оделась, поела на кухне и вышла из дому.

Фрося проводила её до порога и долго ещё стояла на площадке лестницы, глядя через перила вниз.

На тихих, прохладных улицах ещё не было ни души. Одни только дворники в белых фартуках мели тротуары.

«И виду никому не покажу, что сдрейфила немножко,— думала Гуля, бодро шагая по улице.— Вот сделаю такое лицо, и никто не догадается, что на экзамен иду. А всё-таки счастливые дворники, что им не надо сдавать физику!..»

И она взялась за ручку школьной двери.

В конце длинного коридора у маленького столика сидел, подперев ладонями сизые старческие щёки, школьный сторож дядя Опанас. Старик дремал.

Услышав шаги, он вскинул голову.

— А, пташка ранняя! — улыбнулся он Гуле.

— Здравствуйте, голубчик, дядя Опанас,— сказала Гуля и присела на подоконник.— Какие дни чудесные стоят! А из-за этих экзаменов сидишь и паришься в душной комнате. Тут бы на Днепр поехать...

Старик кивнул головой.

— Ничего. Ще богато буде ясных днив. Днипро никуды не динеться.

Гуля дружила с дядей Опанасом. Она носила ему из дому табачок, писала под его диктовку письма внукам в Полтаву. Но не за это любил и уважал её старик, а за то, что она была «розумна дивчина». Уж если возьмётся за какое дело, так нипочём не бросит.

Дядя Опанас уже сорок лет работал при школе, и школьная жизнь со всеми радостями и неурядицами заменила ему семью и дом. Он берёг школьные карты, хранил ключи от всех кабинетов и особенно любил присутствовать в физическом кабинете, когда преподаватель ставил опыты. Нередко случалось, что у преподавателя что-то не ладилось во время опыта. И тогда на помощь приходил дядя Опанас. Он уверенно брал своими старческими, дрожащими руками прибор, вертел его перед глазами и почти всегда в конце концов находил причину неудачи.

— Ось тут подкрутимо, щоб в притирочку, всё и буде справне, Микола Петрович. Ось, бачите?

И всё шло на лад: горело, кипело, искрилось и клокотало как полагается.

— Дядя Опанас,— сказала Гуля, положив руку ему на плечо,— я давно хотела у вас спросить. Как это так? Вы ведь физику не проходили, а опыты ставите лучше иной раз, чем сам Николай Петрович.

— А як же? — спокойно ответил дядя Опанас, скручивая из бумажки цигарку.— Вин же теорехтетик, а я ж прахтетик. Зрозумила?

— Эге,— сказала Гуля, пряча улыбку.— А скажите, дядя Опанас, Николай Петрович очень строго экзаменует? Я ему ни разу ещё не сдавала.

— От побачишь,— загадочно сказал дядя Опанас и лукаво поглядел на Гулю.

Гуля тревожно вздохнула и соскочила с подоконника.

«Скорей бы уж!» — думала она, прохаживаясь по коридору.

Хлопнула входная дверь. Навстречу Гуле торопливо шла Надя. Она была по-прежнему нарядна, но волосы её были причёсаны кое-как и кружевной воротничок завернулся внутрь.

— Я погибла...— прошептала Надя, как умирающая.— Завалюсь, вот увидишь — завалюсь!

И она быстро принялась перелистывать растрёпанный и разрисованный вдоль и поперёк учебник физики.

— Понимаешь, не везёт всё время... приметы ужасные... Кошка перебежала дорогу... Ни одного горбатого не встретила... Как нарочно! Моё счастливое голубое платье в стирке! А тут ещё бабушка!.. Я так просила её окунуть палец в чернила, а она — ни за что!

— Бабушку? В чернила? А зачем это?

— Как — зачем?! Ты не знаешь? — удивилась Надя.— Это замечательная примета. Если кто-нибудь у тебя дома держит палец в чернилах, пока ты держишь экзамен, ты непременно выдержишь на «отлично». Ну, в крайнем случае на «хорошо».

Гуля расхохоталась, и от этого ей сразу стало легко и спокойно.

— Бедная твоя бабушка! — сказала она.— Ты бы ещё попросила её выкупаться в чернилах.

— Тебе всё смех! Вот провалишься сама, так не будешь смеяться! — обиженно сказала Надя и отошла к другому окошку, у которого уже собралась целая компания школьников.

Едва только Надя подошла к ним, вся компания затараторила, загудела, зашевелилась.

Дядя Опанас, хмуро, исподлобья взглянул на ребят. Потом взял в руки колокольчик. И, не говоря ни слова, так

яростно встряхнул им, что все невольно вздрогнули и оглянулись.

— Гулька! — закричала Надя.— Будешь подсказывать? Умоляю!

Дядя Опанас бросил на Надю взгляд, полный презрения, и снова затрезвонил.

Ребята разбежались по классам. Из учительской вышли вереницей учителя — свои и незнакомые. Негромко переговариваясь, они прошли по опустевшему коридору. Двери классов одна за другой закрылись. Начались экзамены.

Стрелки круглых стенных часов в коридоре уже приближались к двенадцати. А в притихших классах всё ещё решалась судьба школьников: кто перейдёт, кто останется. За стеклянными матовыми дверями царила та напряжённая, торжественная тишина, которая всегда бывает в дни экзаменов.

По коридору ходил только дядя Опанас.

Но вот дверь из девятого класса «Б» неожиданно распахнулась, и в коридор высыпала толпа учеников и учениц. Взволнованные, ещё не остывшие от тревожного возбуждения, они наперебой рассказывали дяде Опанасу и друг другу, кто на чём «выехал» или «срезался».

В пустом классе на последней парте сидели Надя и Гуля. Надя вытирала надушенным и мокрым от слёз платочком глаза и нос. А Гуля говорила ей:

— Ну ладно, перестань. Вот возьмёшься как следует и к осени всё пересдашь. За лето много успеть можно.

— За лето? — всхлипнула Надя.— Это летом-то физикой заниматься?

И она зарыдала ещё громче.

— Да я тебе помогу! — сказала Гуля.

— Поможешь! — вздохнула Надя.— Зачем тебе-то этой скукой заниматься, когда у тебя «отлично»!

В класс вошёл дядя Опанас с тряпкой в руке. Он вытер доску, на которой ещё оставались следы каких-то формул, открыл окна в классе, поставил на место учительский стул.

Потом он посмотрел на плачущую Надю и сказал не то сочувственно, не то укоризненно:

— От до чого хвизика дивчину довела!

ВНИЗ ПО ТЕЧЕНИЮ

Самый трудный экзамен остался позади, и Гуля разрешила себе один вечер не заниматься и отдохнуть.

После обеда она поехала к Днепру.

Получив на водной станции байдарку, Гуля оттолкнулась от берега, уселась поудобнее и взялась за весло.

«Поеду вниз по течению,— решила она,— будет легче грести».

И, слегка опираясь на весло, Гуля отчалила. От лодки побежал кудрявый след. Острые верхушки тополей закачались в воде. Лодка легко поплыла.

Но Зелёные берега быстро уходили назад. Песчаный пляж заречного берега казался теперь узенькой жёлтой полоской. Дышать стало легко и привольно.

«Всю жизнь смотреть бы на Днепр,— думала Гуля,— ничего нет на свете лучше!»

Она оглянулась назад. Город исчезал в предвечернем тумане.

«Ого, как далеко я уже отплыла! Километра на два, а то и больше. Не пора ли домой?»

Гуля налегла на весло, чтобы повернуть, но течение противилось. Оно снова поставило лодку кормой к городу и понесло её дальше, вниз по Днепру.

Гуля напрягла все силы. Лодка не поддавалась. Её несло всё дальше и дальше, туда, куда хотела река.

Оттого, что Гуля давно не гребла, и от сильного напряжения у неё заныли плечи, руки, спина.

«Дура! Вот дура! — ругала сама себя Гуля.— Куда же это я заехала на ночь глядя! Чего доброго, этак меня до самого гирла дотащит, если только не перевернёт».

Днепр разыгрался. Ветерок к вечеру становился всё сильнее и упрямее. Поблизости не видно было ни хаты на берегу, ни лодки на воде. Помощи ждать было неоткуда. А темнота всё густела.

Закусив губу, Гуля изо всех сил боролась с Днепром. То она одолевала, то он брал верх.

«Нет,— подумала Гуля,— из этого толку не выйдет — у меня уже и руки не держат весло. Отдохнуть надо!»

И она, перестав бороться с рекой, положила весло. Днепру как будто этого только и надо было. Легонько покачивая, понёс он лодку с Гулей, куда нёс всё, что попадало в его воды,— вниз и вниз.

«Ничего, ничего, далеко не унесёшь! — говорила Гуля.— Вот отдохну немного, а тогда опять поборемся!»

И, вспомнив знакомую и любимую с детства песню, она запела:

Будет буря — мы поспорим
И помужествуем с ней!

От этих красивых и смелых слов, а может быть, и от звука своего голоса, такого молодого и звонкого, ей стало спокойнее.

Через несколько минут она почувствовала, что руки у неё отдохнули и плечи расправились. Она снова взялась за весло и неторопливо, ровно, как учили её в Артеке, заработала попеременно обеими лопастями весла.

— Левая, греби, правая, табань! — командовала она себе.— Левая, греби!

И лодка наконец послушалась: она тяжело повернулась кормой к гирлу, носом к городу и, ныряя на каждой волне, стала медленно приближаться — метр за метром — к киевской пристани.

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна! —

пела Гуля.

Когда она подъехала к водной станции, уже совсем

стемнело. Принимая у неё байдарку, старик лодочник долго её журил:

— Последняя пришла! Что же, мне тут ночевать из-за вас, что ли?

— Простите, дедушка,— ответила Гуля.— Я и сама не хотела далеко заплывать, да меня течением унесло.

Еле живая от усталости, добралась Гуля до дому. Кажется, никогда ещё она не чувствовала себя такой разбитой. Фрося пожалела её и принесла ей ужин в постель.

— Понимаешь, Фросенька,— говорила Гуля, уплетая за обе щеки вареники с вишнями, из которых так и брызгал сок,— понимаешь, полезла я сегодня к чёрту на рога без всякой тренировки...

— Ай-ай-ай, без тренировки!..— сочувственно качала головой Фрося.

— В том-то и штука! Чуть не унесло меня, понимаешь. Но мне этот урок пригодится, увидишь сама. Вот кончу экзамены и буду каждый день грести, чтобы наловчиться. Весь Днепр пройду сверху вниз и снизу вверх.

— Ой, лишенько! — только вздохнула Фрося.

— Да, да, весь Днепр! Только теперь я буду умнее. Пока сил много, вверх по течению плыви, а когда устанешь, можно и вниз!..

На другое утро Гуля пошла к Наде, чтобы взять у неё задачник. Предстоял новый экзамен — геометрия. Нади не оказалось дома. Бабушка её, худенькая, чистенькая (та самая, которая отказалась держать палец в чернилах), уговорила Гулю подождать Надиного прихода.

На обеденном столе лежало, раскинув рукава, голубое летнее платье (должно быть, то самое — «счастливое»). Бабушка разглаживала на нём оборочки.

— Не знаю, что мне с ней и делать,— говорила она, пробуя пальцем горячий утюг.— Совсем от рук отбилась моя Надюшка! Не постирает себе, не погладит. Вот нарядиться, погулять — это её забота. Коза, да и только.

Духовой утюг с сердитым шипением задвигался взад и вперёд по влажному голубому полотну.

— А вчера совсем меня расстроила,— продолжала бабушка.— «Я, говорит, геометрию сдавать не буду. И вообще больше ничего сдавать не буду».— «Как это так— не будешь?!» — говорю. «А я, говорит, на осень попрошу перенести. Осенью заодно с физикой сдам. Всё равно, говорит, лето пропало!»

Бабушка налегла на утюг, и голубое полотно побледнело от прикосновения горячего металла. Утюг, разгораясь, свирепел всё больше и больше, словно он, так же как и бабушка, был зол на Надю.

— Все экзамены на осень? — удивилась Гуля.— Да она же ни за что не сдаст!

— Я и то говорю, не сдаст,— вздохнула бабушка.— До слёз меня вчера довела.— Старуха помахала в воздухе утюгом, чтобы немного охладить его.— В могилу меня эта вертушка загонит!

И, смахнув слезу, бабушка в последний раз провела утюгом по голубой ткани и положила сияющее чистотой платье на кружевное покрывало постели.

Из передней послышалось звяканье ключа.

— Вот и она, бессовестная,— сказала бабушка.— И жалко мне её: всё же сиротка, растёт без матери, отец всегда в командировках, вот и делает что хочет...

Надя, кудрявая, лёгонькая, тонконогая, и в самом деле похожая на козу, вбежала в комнату и, поцеловав на бегу бабушку, а потом и Гулю, сразу устремилась к кровати.

— Вот спасибо, бабусенька! Я достала как раз билет на концерт Орловой, и мне необходимо свежее платье. Ах, у меня не бабушка, а чистое золото!

И, подумав, прибавила:

— Конечно, когда не ворчит.

Бабушка только вздохнула и пошла на кухню.

— Ты что это придумала, Надька? — начала Гуля.— Школу бросать, что ли?

— Тебе бабушка уже успела нажаловаться? — спросила Надя.— Я и не думаю бросать школу. А только хочу отложить эти чертовские экзамены на осень. Всё равно осенью надо сдавать физику, заодно сдам уж все предметы.

— Сядешь ты, Надька, на мель со своим «заодно». Давно ли ревела на физике?

— Почему сяду? Подумай сама...

И Надя принялась доказывать Гуле, почему ей нужно перенести экзамены на осень. Во-первых, она так устала за год, что ей ничего не лезет в голову, а за лето она отдохнёт и наберётся сил... Во-вторых, летом в дождливую погоду очень приятно заниматься. («Всё равно, понимаешь, некуда идти!») В-третьих, учителя за лето тоже отдохнут и станут гораздо добрее.

— В-четвёртых,— продолжала Надя,— мне в последнее время вообще не везёт, определённо не везёт! Лучше сейчас и не рисковать.

Гуля слушала её, покачивая головой.

— Знаешь,— сказала она,— плыть вниз по течению очень легко, одно удовольствие. Лодка как будто сама идёт. А попробуй — поверни обратно. Тебя захлестнёт так, что не выберешься!

Надя с недоумением смотрела на Гулю.

— Не понимаю, к чему ты это говоришь!.. То лодка, а это экзамен. Совсем разные вещи!

— И вовсе не разные! — с жаром сказала Гуля.— Ты пойми — это ко всему подходит, решительно ко всему. Только дай себе волю, начни жить как легче, и тебя понесёт так, что не выплывешь. Это надо помнить всю жизнь. Это самое, самое главное!

Гуля до того разошлась, что и не заметила, как в комнату вернулась бабушка. Держа в руке кофейник, она стояла на пороге и слушала Гулю.

— Что правда, то правда,— сказала она наконец.— Я седьмой десяток доживаю, а то же самое слово в слово скажу. Опасно вниз по течению плыть...

— Да ты же никогда и на лодке не каталась! — перебила её Надя.

— Было время — каталась, и побольше тебя,— усмехнулась бабушка.

Из передней донёсся телефонный звонок.

Надя опрометью бросилась из комнаты.

— Гуля, это тебя! — послышался её разочарованный голос.

— Меня? — удивилась Гуля.

В телефонной трубке что-то отчаянно трещало и клокотало. Гуля сразу же догадалась, что это звонит Фрося. Фрося всегда кричала в трубку так, будто находилась за несколько тысяч километров от Киева.

— Фросенька,— сказала Гуля,— говори потише, я ничего не разберу...

Фрося стала говорить немножко спокойнее, и Гуля наконец услышала:

— Та бежи ж швыдче до дому, бо тебе батько выкликае з Москвы! Швыдче!

— Папа! — обрадовалась Гуля.— Бегу!

И она чуть не выронила телефонную трубку.

Когда она добежала до дому, сердце у неё билось так, что она не знала, сможет ли сказать отцу хотя бы одно слово. Но междугородная станция позвонила не сразу, и Гуля успела отдышаться.

Она не всё услышала, что говорил ей отец, но разобрала самое главное: он позвонил ей только для того, чтобы поддержать её в трудное время экзаменов.

Милый, знакомый отцовский голос, слабо доносящийся из такой дали, звучал ещё ласковее и мягче, чем всегда.

И Гуля с особенной радостью кричала, нежно поглаживая рукой чёрную трубку:

— Да, да, держусь, папочка! По физике «отлично». И по литературе «отлично»! Миленький, дорогой мой, спасибо, что позвонил!..

ЕЩЕ ОДНО ИСПЫТАНИЕ

Со ступеньки на ступеньку проходила Гуля всю трудную и крутую лестницу экзаменов. Одна ступенька была пониже, другая — повыше, перед одной приходилось дольше готовиться к подъёму, перед другой — поменьше.

А когда все ступеньки были наконец пройдены, лестница показалась Гуле вовсе не такой уж высокой.

Экзамены были сданы отлично, но отдохнуть Гуле не пришлось.

Впереди были новые испытания —на этот раз физкультурные: общегородское соревнование по плаванию и прыжкам.

После сидения за книжками Гуле особенно приятно было бегать на водную станцию.

Лето было уже в разгаре, и занятия из бассейна перенесли на водную станцию, на Днепр.

У Гули обгорел нос, и вся она стала шоколадная, только волосы ещё больше посветлели.

Подготовка шла прекрасно — хоть завтра прыгай с вышки на глазах у всего Киева. Не хватало одного: резиновой шапочки. Но, как назло, шапочки не было в то лето ни в одном магазине.

— Знаешь что? — сказала ей как-то Мирра Гарбель, которая принимала самое близкое участие во всех Гулиных делах.— Выпишем шапочку из Ленинграда, прямо с «Треугольника».

— С ума сошла! — сказала Гуля.

— Да нет, ты же всё-таки артистка. Может быть, они тебя знают.

— Много таких артисток! — сказала Гуля.

Но Мирра решительно взяла чернильницу, лист бумаги и села сочинять письмо.

Через несколько минут перед Гулей лежал черновик письма, написанного тонким, красивым Мирриным почерком:

«В комитет комсомола фабрики «Красный треугольник»

Дорогие товарищи!

Простите, что обращаюсь к вам. Не знаю, помните ли вы меня. Я снималась во многих кинофильмах: «Дочь партизана» и пр. Сейчас мне предстоит участвовать в общегородских соревнованиях по плаванию и прыжкам. Я должна буду прыгать с десятиметровой вышки, а у меня нет резиновой шапочки. Не можете ли вы помочь мне...»

Гуля пробежала глазами черновик письма и взялась за перо.

— «Десятиметровой» не надо. Не всё ли им равно, с какой вышки я буду прыгать... «И пр.» не надо. Не так уж много я снималась в кино...

— Да ты так всё выбросишь! — сказала Мирра и закрыла рукой черновик.

— И надо бы всё выбросить,— проворчала Гуля.— Совестно посылать. Только и дел у фабрики, чтобы заниматься такими пустяками, как моя шапочка.

— Да ведь шапочка тебе не для красоты нужна, а для общегородского состязания.

— Ладно уж, пошлём! — сказала Гуля.— Посмотрим, что из этого нахальства выйдет.

И, нахмурив брови, она переписала письмо.

Но вспоминать о нём ей было неловко и неприятно. Она по-прежнему бегала по магазинам в поисках шапочки.

И вдруг за два дня до соревнования, рано утром, Фрося испуганно разбудила её:

— Листоноша до нас прийшов. Расписатись треба: тутоньки и тамочки!

Гуля спросонья схватила перо и расписалась «тутоньки» и «тамочки».

А потом развязала шнурок, которым был перевязан небольшой аккуратный пакет с ленинградским штемпелем и треугольником «Красного треугольника».

В пакете были две чудные резиновые шапочки — голубая с жёлтыми полосками и красная с белыми.

И это ещё не всё.

В той же посылочке оказались две пары резиновых туфель, лёгких, как пёрышко. Самое удивительное было то, что они пришлись Гуле как раз по ноге.

— И как это на фабрике угадали номер моей лапы? — удивлялась Гуля, примеряя тапочки.

Фрося даже прослезилась.

— Не наче — казка,— говорила она.

— Голубые я себе возьму,— сказала Гуля,— а красные туфельки и шапочку подарю Мирре. Она чёрненькая, ей красное пойдёт.

Гуля завернула подарок в газету и только после этого обнаружила в обёртке пакета письмецо.

«Дорогая Василинка! — писали ей комсомольцы «Красного треугольника».— Держи высоко наше комсомольское знамя, а мы пришлём тебе столько шапочек, сколько понадобится для всех состязаний.

С пламенным комсомольским приветом

комсомольцы «Красного треугольника».

Гуля перечитала это письмо десять раз подряд и побежала к Мирре.

Спускаясь по лестнице, она думала о Ленинграде, о незнакомых друзьях, которые прислали ей такое хорошее письмо, о том, что она непременно поедет в Ленинград, увидит его дворцы, парки, его гранитные набережные, его старые знаменитые заводы.

«Фрося верно сказала,— подумала Гуля,— как в сказке!..»

А Фрося, закрыв за Гулей дверь, вышла на балкон и, облокотившись о решётку, долго следила глазами за своей любимицей.

— Ой яка дивчина! Гарна дивчина!

И вот наступил день физкультурного праздника. Гуля в

своём купальном костюме и в резиновой шапочке поднималась по шаткой лестнице десятиметровой вышки. Внизу виден был как на ладони берег Днепра. Он был усеян яркими пятнами — это горели на солнце всеми цветами радуги платья, шляпы бесчисленных зрителей, заполнивших весь амфитеатр.

Духовой оркестр играл на берегу какой-то весёлый марш. И чем выше поднималась Гуля, тем тревожнее и вместе с тем радостнее становилось у неё на душе.

Соревнования по прыжкам уже подходили к концу. Гуля должна была прыгать последней.

Ещё не утихли аплодисменты, вызванные прыжком предпоследнего прыгуна, когда Гуля поднялась уже на самый верх и остановилась посередине дощатой платформы. Далеко внизу осталась восьмиметровая площадка.

Гуле вспомнилось, как страшно ей было прыгать с такой высоты в первый раз — в день, когда её приняли в комсомол.

Постояв несколько секунд, Гуля уже приготовилась к разбегу, но в эту минуту где-то совсем рядом протяжно и гулко загудел теплоход. Вся вышка вздрогнула и закачалась, как верхушка высокого дерева на ветру. Гуля еле-еле удержалась на ногах. Вышка ходила ходуном. Но вот теплоход прошёл дальше, и волнение на реке стало успокаиваться. Вышка снова водворилась на место.

Гуля посмотрела вниз. Она уже привыкла за дни тренировки к такой высоте, но тогда внизу зеленел берег и не было этих тысяч устремлённых на неё глаз. Сердце у неё забилось так, что захватило дыхание. Ей предстоял сложный прыжок — полтора сальто вперёд.

«Боюсь? — подумала Гуля.— Нет, не боюсь!»

Она оттолкнулась, уже в воздухе сжалась вся в комочек и, обхватив колени руками, полетела.

На лету, в воздухе, она сделала оборот, выпрямилась, как пружина, и совершенно беззвучно, без брызг вошла в воду.

Гуле казалось в эти мгновения, что она летит целую вечность.

А когда она снова вынырнула из воды и поплыла к трапу, её оглушил плеск многих тысяч ладоней. Людей она не видела. Ей казалось, что рукоплещет весь берег, весь Днепр.

Она оглянулась в сторону судей и увидела несколько высоко поднятых щитов. На каждом щите горела ярко-красная цифра «9». Это была высшая оценка, которая давалась прыгунам на сегодняшнем соревновании.

Домой она возвращалась со стадиона поздно вечером. Она шла, как всегда, со своим верным другом — Миррой.

— Везёт тебе, Гуля,— сказала Мирра, пожимая ей руку,— всё на свете тебе удаётся.

— Нет, не то что везёт,— подумав, ответила Гуля,— а просто я стараюсь всего добиваться. Каждый, по-моему, везёт себя сам. И я тоже сама себя везу.

— Я очень верю в тебя,— серьёзно сказала Мирра.

А наутро она прибежала к Гуле радостная и взволнованная.

— Гулька, твой портрет в «Советской Украине»!

И она протянула Гуле свежий номер газеты.

Гуля была снята во весь рост, в купальном костюме.

Под снимком была подпись:

«Лучший прыгун водной станции «Вымпел»
Гуля Королёва».

— Как тебе нравится этот «лучший прыгун»? — спросила Мирра.

Гуля посмотрела на снимок.

— Скажите пожалуйста! Сняли! Да ещё во весь рост! Только я тут не в фокусе.

— А ты не привередничай! — сказала Мирра.— Очень даже в фокусе. Повесь портрет на стенку.

— Вот ещё! Я его лучше папе отправлю. Я знаю, ему приятно будет. А пока пошлю родителям по телеграмме. Ведь всё-таки их единственная дочь перешла в десятый

класс и общегородские соревнования выдержала! Это не каждый день бывает.

И девочки отправились на почтамт. Присев у стола, Гуля написала две телеграммы одинакового содержания — в Сочи и в Москву:

«Экзамены сдала соревнование также голова цела не простудилась не утопилась целую».

И подписалась: «Десятиклассница».

Отправив телеграммы, Гуля почувствовала, что у неё с этой минуты начался отдых.

НАДЯ СНОВА МЕНЯЕТ РЕШЕНИЕ

— Гулька, знова до тебя листоноша! Держи лист,— сказала Фрося, когда Гуля вернулась домой.

И она протянула Гуле маленький, туго набитый конверт. На нём кривым, совсем детским почерком было написано: «Гуле лично».

Письмо было от Нади.

«Дорогая Гуля,— писала она,— не подумай, что я сошла с ума или у меня температура 40. Я решила экзаменов не держать и остаться на второй год».

Гуля усмехнулась:

«Решила»... Ну и Надька! Можно подумать, что все только и ждут её решения!»

И Гуля стала читать дальше:

«Впрочем, ещё не совсем решила. Я раньше хочу посоветоваться с тобой. Ведь ты моя единственная подруга, и, кроме тебя, у меня никого, никого нет. С бабушкой я об этом говорить не могу. Да и вообще я с ней четвёртый день не разговариваю. Она, конечно, подумает, что я просто лентяйка и не хочу заниматься летом. У нас с ней и так было слишком много разговоров из-за моих несчастных экзаменов. А уж сказать ей, что я сама, по своей воле решила остаться, об этом и думать нечего. Воображаю, какой ералаш поднимется у нас в доме!!! Лучше сказать об этом осенью, когда уже будет поздно...

Я здесь всё время скучаю. На даче тут очень плохо. Местность ужасная. Не знаю, что дачники находят хорошего в здешнем лесу и в речке. Ничего в них особенного нет. Погода, правда, чудная, но жара невыносимая. Только по вечерам ещё ничего, когда на небе звёзды и кругом мёртвая тишина. Знаешь, Гуля, от скуки я даже начала писать стихи— рифма у меня получается. Прочти и напиши своё мнение.

Посвящается Гуле К.

Я помню чудное мгновенье,

(эту строчку я взяла из Лермонтова, но дальше всё своё)

С тобой ходили мы гулять.
Вокруг звенело птичек пенье,
И звезды начали сиять.
И месяц в голубом просторе
Глядел, сияя, с высоты,
У наших ног шумело море...
Сидели молча я и ты.
Теперь сижу я одиноко
С раскрытой книгой у окна.
Мой милый друг теперь далёко,
А я одна, одна, одна...

Это правда, Гуля. Я здесь действительно совсем одна (если не считать, конечно, бабушки). Тоска ужасная. Знакомых ни души. Вокруг какие-то дачники с маленькими ребятишками. Даже новое платье надеть некуда. Папа приезжает только по выходным дням. А бабушка беспокоится только об одном: о питании. Как будто на свете нет никаких умственных интересов. Делать здесь, на даче, решительно нечего.

Если бы не кофточка, которую я тут начала себе вязать, я умерла бы со скуки. (Это будет совершенно заграничный

джемпер! Треугольник красный, треугольник синий, а рукава красные, с синими обшлагами. Очень здорово получается! Когда мне надоедает вязать, я подсовываю джемпер бабке. Она немного ворчит, но вяжет.)

Знаешь, Гуля, я думаю, что остаться на второй год в девятом классе вообще имеет смысл, так как экзаменов мне всё равно не выдержать. Кроме того, мне будет легче учиться и останется время для чтения. Прочту всех классиков и что-нибудь научное. Напиши мне про свою жизнь. Счастливая, я слышала, ты с вышек прыгаешь, рекорды берёшь,— не то что я, несчастная, должна киснуть на этой даче.

У нас тут очень много цветов. Они чудно пахнут по вечерам, если бы только не комары...

Жду ответа, как соловей лета... Целую тебя крепко.

Любящая тебя подруга Надя».

Прочитав письмо, Гуля расхохоталась.

«Ну и Надька! — подумала она.— «Остаться на второй год вообще имеет смысл». И пусть остаётся на здоровье. Надо Мирре показать письмо — вот уж будет смеху!»

Гуля позвонила Мирре по телефону:

— Приходи, пожалуйста. Срочное дело.

И не прошло получаса, как Мирра явилась.

Усадив её на диван, Гуля дала ей Надино письмо.

Мирра поднесла листок к самым глазам. Сначала она читала молча, серьёзно, слегка нахмурив брови, и вдруг повалилась на диван, захлёбываясь от смеха.

— Знаешь что? — сказала она, вытирая слёзы.— По-моему, умнее твоей Нади никого и на свете нет! Конечно, ей прямой смысл остаться на второй год в девятом, если не может перейти в десятый. Ну, что ты ей ответишь? Ведь она ждёт ответа, как соловей лета.

— Так и отвечу: «Не томи свою душеньку — опущайся на дно! Если не можешь перейти, так оставайся».

— А про стихи что напишешь?

— Посоветую читать классиков и знать, у кого воруешь

стихи. А то стащила строку у Пушкина, а говорит — у Лермонтова!..

Гуля увидела Надю только осенью, когда уже начались занятия. Они встретились в школьном коридоре на большой перемене. Надя благоразумно осталась на второй год, и учились они теперь в разных классах.

— Королёва,— сухо сказала она Гуле,— мне надо с тобой поговорить... Наедине!

— Ну, давай пройдём к окошку,— предложила Гуля.— Вот и будет наедине.

Они сели на подоконник. Надя молчала.

— Ну? — спросила Гуля.

— Неужели ты сама не понимаешь?..— сказала Надя.

— Пока что нет.

— В таком случае, нам больше не о чем говорить! — произнесла Надя раздельно и отвернулась в сторону.

— Да перестань ты, Надька, комедию разыгрывать! Хочешь что-нибудь сказать, так и говори.

Надя резко повернулась к Гуле.

— Без комедий? Ладно! Ты не умеешь быть настоящим другом. Я никогда, никогда не думала, что наша дружба может так окончиться. Скажите пожалуйста! Она — в десятом, а я — в девятом... Какие же у нас могут быть общие интересы?.. Ты целые перемены ходишь то с Холодовой, то с Аганян, то с Шуркой Жуковым, а на меня — нуль внимания... Как будто я умерла! Да и покойникам друзья на могилу цветы приносят...

У Нади на глаза навернулись слёзы.

— Я всегда считала, что дружба — это дружба! Ты на Северном полюсе, а я на Южном, и всё-таки мы дружим. А что нас с тобой разделяет? Одна стенка!

— Нет,— сказала Гуля серьёзно и тихо.— Не одна стенка.

— Две, что ли?

— Больше. Понимаешь, Надежда, вот мы с тобой сидим на подоконнике целых десять минут, и говорить нам не о

чем. Ни до чего не договорились... Холодова, Аганян, Северный полюс, Южный — что за пустяки! Просто мы с тобой уже не маленькие, чтобы вместе в песочек играть. А почти взрослым людям из пустого в порожнее переливать незачем. Нет, я умею дружить, это ты неправду сказала!..

— С этой твоей Мирркой черномазой, что ли?

— Да, с Миррой. Я её и люблю и считаюсь с ней.

— Только потому, что она тебя обожает. «Гулька, ты талант!», «Гулька, ты гений!» А тебе того и надо. Не любишь правду слушать. А я уж такая: что думаю, то и говорю в глаза!.. Может быть, это грубо, что я тебе сейчас сказала...

— Не грубо, а глупо, если уж на то пошло! — сказала Гуля, слезая с подоконника.— Больше я с тобой объясняться не желаю.

— Передай привет и поцелуй своей Гарбель-Фарбель!— крикнула Надя ей вслед.

Гуля посмотрела на неё через плечо и только улыбнулась.

— Вот ты так гений, Надежда,— сказала она.— Настоящий гений!

Через два дня Гуля получила по городской почте письмо.

«Гуля! — писала Надя.— За эти две ночи я очень много передумала. Нам необходимо ещё раз поговорить наедине. Завтра на большой перемене я выйду на лестницу и буду ждать. Ты не знаешь, как я переживаю. Верная тебе и любящая тебя Надежда».

Внизу была приписка: «Только, пожалуйста, не показывай это письмо Мирре Г. Она тебя не пустит... И вообще не доверяй ей! Если бы ты всё про неё знала...»

Письмо было глупое и неприятное, но Гуля всё-таки решила выйти на лестницу. Как-то неловко было отказываться от разговора с бывшей подругой.

Чуть прозвенел звонок, она вышла на площадку лестницы и огляделась. Никого не было. Гуля спустилась ниже и

увидела Надю, окружённую несколькими девочками из её класса.

Надя сидела на ступеньке без туфель, в одних чулках и показывала девочкам свои новые туфли, лакированные, с какими-то особенными кисточками.

— Видите, видите! — с азартом говорила Надя.— Этот лак нипочём не треснет, хоть по воде ходи. И каблук стаканчиком!

Девочки рассматривали туфли, а Надя продолжала:

— Правда, прелесть? Это мне папа из командировки привёз. Ну, давайте туфли. Меня наверху ждут.

Но никто не ждал её наверху. Гуля давно уже вернулась в коридор, чтобы не мешать Наде показывать свои новые туфли и переживать свои старые огорчения.

ЖИТЬ ХОРОШО!

Это был последний школьный год.

Уже кончался октябрь, но солнце ещё грело по-летнему. Казалось, лето нарочно замедлило свой уход, чтобы люди успели вдосталь наглядеться на синее тихое небо, на бронзово-коричневые, будто вырезанные из тиснёной кожи листья дубов.

В трамваях люди везли из окрестностей города целые букеты осенних пёстрых веток. Тротуары были усыпаны, точно золотыми монетами, опавшей листвой. В книгах и тетрадках школьниц лежали между страницами багряно-красные лапы кленовых листьев.

Комсомольцы готовились в это время к своему торжественному вечеру в Оперном театре.

В городском комитете комсомола сказали Гуле:

— Ты у нас артистка. Будешь читать стихи. Выбери сама, что тебе нравится.

— Да ведь я не драматическая,— смутилась Гуля.— Я только в кино снималась, и то давно уже. А читать сти-

хи, да ещё на большой сцене в Оперном, я ни за что не решусь.

— Ладно, ладно, наберись храбрости!

И Гуле снова пришлось набраться храбрости.

Она долго перелистывала страницы любимых поэтов и всё не могла выбрать стихи. То ей хотелось читать «Кинжал» Лермонтова, то отрывок из «Русских женщин» Некрасова, то «На поле Куликовом» Блока. В конце концов она выбрала ни то, ни другое, ни третье, а поэму Маяковского «Хорошо».

Я
земной шар
чуть не весь
обошёл,—
и жизнь
хороша,
и жить
хорошо! —

повторяла она полным голосом, расхаживая по комнате, и внезапно останавливалась с гордо поднятой головой.

А в нашей буче,
боевой, кипучей,
и того лучше!

Гуля поднимала руку, а из кухни выглядывало испуганное лицо Фроси.

— Ничего, ничего, Фросенька,— говорила Гуля,— это я стихи учу.

Фрося удовлетворённо кивала головой и скрывалась за дверью.

Вечером Гуля бежала к Мирре узнать, как идут дела у неё,— Мирра тоже должна была выступать на концерте в Оперном театре.

— Ничего не получается! — с отчаянием говорила Мирра.— Руки не идут, просто не идут. Провалюсь я на этом концерте. И концерт провалю.

— Нет, за тебя я не боюсь,— говорила Гуля.— А вот знаешь, кто провалится? Я!

— Нет, с тобой этого не бывает.

— Да ты сама подумай, Мирра! В последний раз я читала стихи со сцены, когда мне было двенадцать лет,— на пионерском слёте. Тоже Маяковского — «Кем быть?». А с тех пор мне не случалось...

— Всё равно не провалишься,— говорила Мирра.— Я тебя знаю!

Такой разговор повторялся чуть ли не каждый день до самого концерта. А когда Гуля с Миррой пришли в Оперный театр за полчаса до начала торжественного заседания и глянули из-за кулис в огромный пустой зал, на душе у них стало ещё тревожнее.

— Ух! Как в холодную воду лезть! — прошептала Мирра.

— А мне жарко,— сказала Гуля.

— Ну, так согрей мне руки. Они у меня совсем окоченели. И как это я играть буду!

Гуля принялась растирать холодные пальцы Мирры.

А между тем огромный зал постепенно наполнился людьми. Вразнобой заговорили скрипки, флейты и контрабас в оркестре. Распорядители оправили красную скатерть на столе. А потом вдруг всё стихло. Занавес задрожал, раздвинулся, и началась торжественная часть вечера.

Гуля и Мирра стояли за кулисами. Слова со сцены доносились сюда как-то по-иному: хоть и ближе, а глуше. Аплодисменты поднимались снизу, как морской шум.

Уверенные, твёрдые голоса ораторов успокоили Гулю. Она крепко сжала Миррину руку и шепнула ей:

— Всё будет хорошо. Увидишь!

Она уже волновалась теперь больше за Мирру, такую маленькую в этом огромном зале, чем за себя.

В перерыве Гуля мимоходом на минуту подбежала к зеркалу. Из глубины стекла на неё смотрела почти взрослая белокурая девушка в чёрном шёлковом платье с белым кружевным воротничком. Лицо чуть широковатое, с круглым и твёрдым подбородком, с губами спокойными

и нежными, с повелительными, пристально глядящими глазами.

«Нет, я и в самом деле не провалюсь!» — подумала она.

А на сцену уже выкатили рояль, подняли блестящую крышку, и в ней, будто в чёрном зеркале, заиграли огоньки люстры.

Мирра побледнела и посмотрела на Гулю, как утопающая.

— Мендельсон! — торжественно воскликнул на эстраде комсомолец Миша, словно вызывая сюда самого Мендельсона.— «Рондо каприччиозо»!

Вместо Мендельсона на эстраду робко вышла худенькая девочка с чёрными косами, уложенными вокруг головы, в синем бархатном платье.

— Ученица Киевской консерватории Мирра Гарбель! — представил её публике Миша и ушёл за кулисы с таким видом, как будто самое важное дело уже сделано.

Мирра сидела перед роялем и смотрела на клавиши.

«Почему она не начинает? — подумала Гуля со страхом. — Неужели всё забыла от волнения?»

Но в эту самую минуту Мирра качнулась на своём стуле, решительно подняла руки и опустила их на клавиши.

В зале раздались первые робкие и тихие звуки.

«Кажется, вначале и нужно так тихо»,— подумала Гуля, успокаиваясь, и сердито посмотрела на какого-то толстого человека в первых рядах, который так некстати закашлялся.

Мирра играла всё увереннее. В каждом звуке чувствовалось, что она овладела собой, инструментом, слушателями.

Рядом с Гулей за кулисами стояли двое: мужчина с актёрской внешностью и красивая немолодая женщина.

— Поздравляю вас,— сказал мужчина шёпотом,— она настоящая, почти законченная артистка.

Гуля догадалась, что пышноволосая седеющая женщина — Миррин профессор.

«Ну-ка, ну-ка, что они ещё скажут?»

Гуля придвинулась к ним поближе.

— Чудесное дарование,— шёпотом говорила своему соседу женщина-профессор,— свежее, тонкое. И так умеет работать!..

Гуля с особенным умилением смотрела теперь на свою подругу, которая так мало рассказывала ей о своих удачах и так высоко ценила каждую удачу Гули.

«Милая моя девочка! — думала она.— Как хорошо, как просто держится она на эстраде! Можно подумать, что она уже сто раз выступала здесь, в Оперном театре... А как волновалась! Настоящий талант всегда скромен».

Гуля не успела сказать всё это Мирре. Чуть только отшумели аплодисменты и счастливо возбуждённая Мирра показалась за кулисами, с эстрады прозвенел весёлый голос Миши:

— Владимир Маяковский, «Хорошо», прочтёт Гуля Королёва.

— А если плохо прочтёт? — шепнула ему на бегу Гуля и, не чуя под собой ног, выбежала на эстраду.

— Ишь ты! Ещё острит! — сказал ей вслед Миша.

А на высокой, просторной сцене уже звучали те самые слова, которые каждый день слышала за последнюю неделю Фрося:

Я
земной шар
чуть не весь
обошёл,—
и жизнь
хороша,
и жить
хорошо!

Слушатели как-то сразу поверили и Маяковскому и Гуле. Такими убедительными казались в устах этой сильной, стройной девушки простые, звонкие слова:

и жизнь
хороша,

и жить
хорошо!

Гуля чувствовала, что все понимают её, согласны с ней, невольно повторяют про себя те строчки стихов, которые она бросает со сцены. И голос её от этого становился всё шире, сильней, богаче:

Лет до ста
расти
нам
без старости.
Год от года
расти
нашей бодрости.
Славьте,
молот
и стих,
землю молодости!

Гуля кончила.

— Вот это аплодисменты! — сказала ей Мирра, встречая её за кулисами.— Ты только послушай, как тебе хлопают.

— Это не мне, это Маяковскому,— сказала Гуля.— А вот когда хлопали тебе, так уж это было тебе!

— А может быть, Мендельсону?

— Ну, и Мендельсону отчасти! — засмеялась Гуля.

И обе они с лёгкой душой побежали в зал смотреть, как другие участники концерта будут переживать тревоги, которые только что пережили они сами.

КЕМ БЫТЬ?

Снова лето, щедрое, гостеприимное, ласковое. Гуля уже сдала последние экзамены, и выпускники в складчину отпраздновали окончание школы.

Теперь для всех вчерашних школьников всерьёз, вплотную встал вопрос: кем быть?

Гуля привыкла во всём советоваться с Миррой. И, не до-

жидаясь возвращения её с дачи, Гуля сама поехала к ней, чтобы подумать вместе и потолковать.

В сосновом лесу пахло нагретой за день смолистой хвоей. Гуля приехала с шестичасовым поездом. Уже низкое солнце широкими полосами ложилось на устланную иглами землю и красноватые стволы сосен.

Мирра увидела Гулю из окна кухни, где шли приготовления к ужину. С радостным криком: «Гулька приехала!» — она высунулась из окна, размахивая кухонным ножом.

— Ты, кажется, хочешь меня зарезать? — сказала Гуля смеясь.

Она вбежала в кухню и сразу приняла участие в стряпне.

— Дай мне передник, Миррка,— сказала она.

И, засучив рукава, надев передник, Гуля взялась за работу — начистила целую миску картошки, а потом принялась крошить на доске свёклу и морковку.

Миррина мать ласково поглядывала на Гулю, любуясь весёлой домовитостью, с которой та хозяйничала у них на кухне.

— Твоя Гуля — прелесть,— сказала она дочери, когда Гуля, схватив ведро, побежала за водой.

— А что я тебе говорила? — с гордостью ответила Мирра.

— Куда же мы положим нашу гостью? — спросила мать Мирры, когда Гуля вернулась.

— Обо мне не беспокойтесь,— сказала она.— Я уже выбрала себе место: у вас тут есть замечательный чердачок.

— Но там же не на чем спать.

— Мы с Миррой сена притащим. Встанем чуть свет — и купаться. Да, Миррочка? Что человеку ещё нужно?

Мирра согласилась с Гулей, что больше человеку ничего не нужно.

Ночью на чердаке, на охапках свежего сена, от которого пахло полынью и мятой, девушки вели большой и серьёзный разговор.

— Знаешь, что мне пришло в голову? — говорила Гуля.— Я хочу поступить в Гидромелиоративный институт. Кончу его — и куда-нибудь в пустыню: прокладывать каналы, бороться с песками...

— В пустыню?! Вот ещё нашлась пустынница! Да ведь ты без людей жить не можешь. Нет, это тебе совсем не подходит.

— Подходит! — упрямо сказала Гуля.— О пустынях неправильно думают, Мирра. Мне рассказывал хлопец один, который недавно вернулся из экспедиции, что там идёт удивительная работа. Он очень уговаривает меня идти в этот институт.

— Ну и пусть уговаривает! Не слушай его. Пустыня — это такая мертвечина. И потом, ты так любишь воду, плаванье, греблю, а в пустыне только и воды, что в какой-нибудь походной бутылке или манерке!

— В том-то и дело, что пустыне надо дать воду,— перебила её Гуля.— И тогда она вся зазеленеет, превратится в сад. И это может сделаться на твоих глазах, под твоими руками. Нет, я хочу в пустыню!

— А театр, кино? Я всегда думала, что ты поступишь в театральную школу. А тут вдруг — нате, какой-то гидро... мидро... даже выговорить невозможно.

— Я и сама сначала хотела идти в театральную школу. Но знаешь, если бы я была настоящая, прирождённая артистка, я бы и думать не могла ни о чём другом, кроме сцены. А у меня тысяча желаний. И больше всего мне хочется участвовать в каком-то трудном, серьёзном деле, хочется бороться, встречаться с разными людьми, ездить и ходить по нашей стране.

— Ты, Гуля, ужасно любишь жизнь. Вот в чём дело!

— Да, правда, люблю. Мне бы, кажется, три жизни дали — и всё бы мало было: четвёртую подавай. А уж если всего одна в запасе, так неизвестно, с чего и начинать... И того хочу и другого — и всего по полной тарелке!

— Жадина,— сказала Мирра.

— Ага!

Гуля негромко засмеялась в темноте.

— Верно, Миррочка, верно, голубушка, я жадная. Но ты не думай, я и щедрая. Мне много нужно — и ничего не жалко. Мне кажется, ради какого-нибудь большого дела я бы и жизнь отдала. И даже не призадумалась бы. Ты мне веришь? Я не хвастаюсь.

— Верю,— вполголоса сказала Мирра.— Я это в тебе и люблю. Только мне всегда за тебя как-то страшно.

— Ну, что там!

Гуля нашла в темноте руку Мирры с тонкими, хрупкими и в то же время сильными пальцами и погладила её.

— Не бойся, Миррушка. Всё будет чудно. У нас впереди замечательная жизнь. Недаром мы родились в такое время и в такой стране.

В маленькое чердачное окошко заглянула луна и точно снегом покрыла рыхлые и пушистые охапки сена.

Девушки невольно подняли головы.

— Как хорошо! — сказали они разом.

Обе засмеялись этому совпадению мыслей и слов.

— Пойдём побродим,— сказала Гуля.

— А я только что хотела тебе это предложить!

Они ощупью разыскали в сене свои туфли и, надев их на босу ногу, осторожно спустились с чердака в сад.

Тёмное небо было битком набито звёздами, а луна как будто сидела на верхушке чёрного тополя.

Мирра долго смотрела вверх, приставив к глазам очки и закинув назад голову.

— Видишь,— сказала она,— это Кассиопея, такое созвездие... Если бы не музыка, я бы непременно стала астрономом. Но мне выбирать не приходится, у меня одна дорога.

— Это тоже счастье! — сказала Гуля.

Мирра кивнула головой.

Невольно притихшие, вслушиваясь в звон каких-то ноч-

ных насекомых, они пошли по дорожке, перерезанной лунными полосами и чёрными тенями деревьев.

— Мирра! — вдруг негромко сказала Гуля.— Ты слышишь меня?

Мирра вздрогнула и повернула к ней побледневшее от луны лицо.

— Что, Гуленька?

— Не знаю, как и сказать тебе...— начала Гуля нахмурившись.— Это очень, очень серьёзно.

Она перевела дыхание и сломала ветку, которую держала в руках.

— Понимаешь, мне кажется, я люблю одного человека... Да нет, не кажется! Я так люблю его, что мне и страшно, и весело, и даже больно как-то... Я знаю, это уж не пройдёт. Это навсегда.

Мирра нежным движением своих лёгких пальцев погладила её руку.

— Кто же он, Гуленька? — спросила она шёпотом.

Гуля помолчала минутку.

— Пока не скажу. Ты не сердись на меня. Мне почему-то трудно назвать его сейчас по имени. Понимаешь? Ведь до сих пор об этом знали только я да он. И мне ещё немножко жалко совсем расставаться со своей тайной... Лучше когда-нибудь я приведу его к тебе. Ты, наверно, сразу узнаешь, что это он. Только, пожалуйста, сделай вид, что не узнала. И сейчас не спрашивай меня ни о чём. Хорошо?

— Как хочешь,— сказала Мирра.— Я так рада за тебя, так рада...

Они долго ещё ходили по лунным дорожкам, по сверкающей от росы траве, счастливые и благодарные друг другу.

Мирра чувствовала себя гордой оттого, что именно ей первой доверена такая милая, такая драгоценная тайна.

А Гуля думала, поглядывая сбоку на Мирру, что на всём свете нет человека с более умным и чутким сердцем.

НА РАССВЕТЕ

День за днём, месяц за месяцем — пробежал ещё один год. Настал июнь сорок первого года.

По ночам шли тёплые проливные дожди. Днём ярко синело небо. Пахло свежей листвой каштанов и розами. Розы продавались на каждом углу — красные, белые. Цветочные корзины стояли прямо на тротуарах.

По всему Киеву были расклеены огромные афиши:

В воскресенье 22 июня

СОСТОИТСЯ ОТКРЫТИЕ СТАДИОНА.

Гуля перешла на второй курс Гидромелиоративного института. Она была уже замужем за тем самым хлопцем, который так замечательно рассказывал ей о пустынях. Это его — Сергея, Серёженьку, Серьгу — не хотела она назвать в ту памятную лунную ночь, когда они вдвоём с Миррой бродили по дорожкам сада.

Сергей был такой же заядлый спортсмен, как и она сама. Открытие нового стадиона было для них обоих событием и настоящим праздником.

Но, как назло, с вечера небо покрылось тучами. Выглянув в окно, Гуля сказала Сергею:

— Хоть бы за ночь прояснилась погода! А то весь праздник пропал!

Ночь была тихая, тёмная, влажная. Акация за окном стояла, не шелестя ни одной веткой. В комнате было душно. Проснувшись среди ночи, Гуля подумала: «Наверно, собирается гроза. Скорей бы уж! Дышать нечем».

И в самом деле, сквозь сон до неё донеслись какие-то гулкие, отдалённые удары, похожие на раскаты грома.

Рано утром Гулю разбудили мама и Сергей. Оба они были уже совсем одеты.

— Который час? — спросила Гуля.— Разве нам пора?

— Пора, Гулюшка,— сказала мама.— Пора. Одевайся скорее.

Гуля посмотрела на них обоих внимательно и по их озабоченным, необычно суровым лицам поняла: что-то случилось.

— Что случилось? — спросила она.

Торопливо, скупыми и беглыми словами ей рассказали всё. Едва только стало рассветать, немецкие бомбардировщики сбросили на киевские пригороды свой страшный груз. Горит аэродром на Соломинке, горит пост Волынский.

— Значит, это была не гроза,— сказала Гуля.— Значит, это война!

И только тут, произнеся это слово, Гуля со всей ясностью поняла, что с прежней счастливой и мирной жизнью надолго покончено, что в страну ворвался жестокий враг и он уже здесь — над самым городом.

— Ну, я пошёл,— сказал Сергей и взял свою кепку, будто собираясь в институт, на лекцию.

— В военкомат? — спросила Гуля.

Сергей кивнул головой и, поцеловав её, вышел.

— Надо, наверно, собрать ему вещи,— сказала растерянно мама.— А что берут с собой в армию?

— Самое простое,— ответила Гуля.— Смену белья, полотенце... Кажется, ложку.

— Ой, лишенько! — запричитала Фрося, услышав об этих сборах, но Гуля на неё посмотрела строго и укоризненно.

— Что ты, Фрося! — сказала она.— Разве у нас есть время плакать?

И Фрося послушно утёрла слёзы.

В полдень все три женщины прильнули к чёрному диску репродуктора, и Гуля услышала правительственное сообщение, в каждом слове которого звучали гнев и решимость.

Гуля слушала, боясь пропустить хоть одно слово, а когда голос в репродукторе произнёс торжественные и простые слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами», ей показалось, что только этих слов она и ждала.

Теперь уж ничто не страшно. Трудиться сверх сил, воевать, терпеть все невзгоды, которые пошлёт война.

Дело наше правое. Мы победим.

Гуля посмотрела на мать и на Фросю. Их лица были торжественны и спокойны.

ЁЖИК

Поздней ночью, пробираясь во мраке по пустынным улицам, Гуля с матерью уходила из родного города. Киев, оглушённый, насторожившийся, словно к чему-то прислушивался. Только что отзвучал отбой воздушной тревоги. Нужно было торопиться, чтобы до новой тревоги успеть на поезд. Через час далеко на восток уходил эшелон Украинской Академии наук. С этим эшелоном уезжала и Гуля.

В руке она несла небольшой чемодан. Там лежали крошечные кофточки, распашонки, маленькие простынки для её будущего ребёнка. Как бережно готовила Гуля вместе с матерью и Фросей всё это детское приданое! Пользуясь каждой свободной минутой между занятиями, она кроила, вязала, вышивала. Как уверена была она, что у её ребёнка будет всё, что так нужно в первые годы жизни,— светлая комната, удобная кроватка, ванночка, коляска. Но вышло совсем по-другому. Все его вещи уместились в одном лёгоньком чемодане.

Что будет с этим маленьким, ещё не рождённым человеком? Гуля шла во мраке, не узнавая знакомых с детства улиц. Ей казалось, что притихшие дома с каким-то мрачным укором провожают её.

Но разве уехала бы она отсюда далеко в тыл, если бы не ребёнок? Она взяла бы в руки винтовку — стрелять она умеет — и вместе с Сергеем пошла бы на фронт.

А сейчас её всё равно не возьмут. И она во что бы то ни стало должна сохранить своего сына (она была почему-то

уверена, что у неё непременно родится сын). Сохранить вопреки той смерти, которая надвигается, точно грозовая туча, на всё живое.

Гулин ребёнок впервые открыл глаза в далёком от фронта городе — в столице Башкирии, Уфе. Там он и провёл свою первую зиму.

Холодный степной ветер завывает в трубе. За окнами — окраинная улица, срывающаяся в овраг.

В одной из комнат трёхэтажного белого дома сидит на кровати Гуля. Рядом на подушке лежит её маленький сын. Она теребит его светлый хохолок, за который он, её маленький Саша, получил прозвище «Ёжик». Ёжик потягивается, высунув из-под одеяла пухлые ручки, и показывает матери два маленьких розовых кулачка. Гуля уже хорошо знает все его милые повадки: и это потягивание после сна, и гортанные звуки, похожие на воркование, и быстрые движения ножек, попеременно то одной, то другой.

— Мама, смотри! — смеялась Гуля.— Ёжик как будто на велосипеде катается!

Ребёнок казался Гуле таким родным и давнишним, словно он был у неё всю жизнь.

Любуясь этим беленьким, весёлым мальчиком, она наклонялась к нему низко-низко и невольно своими волосами щекотала его, а он смеялся таким грудным заливчатым смехом, показывая два зуба на нижней десне, и от радости колотил её по голове ножонками, обутыми в первые свои вязаные башмачки.

Ёжик был теперь для Гули самой большой радостью. Без него — когда он спал или гулял с бабушкой — ей было непереносимо тяжело...

В Уфе ещё мало чувствовалась война. По вечерам в домах, как в мирное время, светились окна, горели на улицах фонари, и было странно, что все спокойно к этому относятся, что никто не требует, чтобы завесили окна и выключили свет на улицах. В сущности, уфимцы даже не знали,

что такое затемнение. Война была отсюда так далеко! Однако всё чаще и чаще проходили по улицам с песней ряды солдат. Это была новая военная песня, с припевом, полным суровой и грозной решимости:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идёт война народная,
Священная война.

А радио и газеты приносили каждый день такие вести, от которых становилось темно в глазах. Когда из репродукторов раздавались тонкие, падающие, как звонкие капельки воды, звуки позывных, у Гули замирало сердце. Она чувствовала, что сейчас скажут: «После долгих кровопролитных боёв наши войска оставили...»

— Мама,— сказала Гуля в один из таких тревожных и печальных дней,— подумай только: двадцатичетырёхлетняя лётчица-фашистка расстреляла на берегу моря в Анапе маленьких ребят! Тут даже имя её напечатано: Хелене Рейч...

Гуля отбросила в сторону газету и прикрыла глаза рукой. Нет, об этом и читать трудно, а уж представить себе — просто невозможно!

И всё-таки против её воли перед ней сама собой вставала ясная до предела, до самых отчётливых подробностей, картина того, что произошло.

Белый, мягкий, золотистый песок морского пляжа. Тёплые волны легко набегают на прибрежный песок и тихонько откатываются назад. Маленькие загорелые голыши, деловито нагнувшись, лепят что-то из влажного песка. По всему пляжу видны их белые панамки. Самые храбрые из ребят подбегают к морю и с визгом бегут обратно, когда за ними с шумом гонится седая от пены волна.

Детей приводят сюда каждое утро из всех детских санаториев, какие только есть в Анапе.

И вдруг в ярко-синем небе показывается самолёт. Он спускается всё ниже, ниже и неожиданно на бреющем

полёте открывает огонь. Огонь по этим беззащитным голенькким крошкам!

Песок залит детской кровью. А самолёт, сделав своё дело, спокойно взмывает, как ястреб, и скрывается за облаками.

Гуля старалась не думать больше о том, что произошло на солнечном морском берегу, и не могла не думать. Какова она — эта Хелене Рейч? Наверное, белокурая, с голубыми глазами, может быть, даже красивая...

Но как же стало известно её имя? Значит, самолёт удалось сбить? Хорошо бы, если бы это было так. Но ведь сколько ещё таких же, как она, носится над советской землёй, готовя смерть нашим детям!

А осенью, в один из тёмных, дождливых дней, радио из Москвы донесло страшные слова:

«После многодневных ожесточённых боёв наши войска оставили Киев».

Гуля пролежала в постели целый день.

С тех пор стоило ей только закрыть глаза, как она видела перед собой Киев, своё детство, свою юность.

Это всё ещё было так близко, что Гуле минутами казалось: если сильно захотеть, всё может вернуться, как случалось в детстве, когда снился плохой сон. Бывало, подумаешь во сне: пусть всё будет опять хорошо! Повернёшься на другой бок, и вместе с тем повернётся по-другому и сон.

Гуля старалась не думать о Киеве. И не могла не думать о нём. Сердце холодело у неё, когда хоть на минуту она представляла себе, что у них в квартире, в её комнате, хозяйничают фашисты, что весной снова зацветёт перед окном акация и будет цвести при фашистах, что всё так же величаво и широко разольётся Днепр и всё так же будут отражаться в Днепре тополя у водной станции... У той самой водной станции, которую они с Сергеем так любили и называли «наш речной дом».

И Гуле вспомнился солнечный и ветреный день на

Днепре. Они вдвоём плыли на лодке, тренируясь перед летними соревнованиями. Вдали шёл, вздымая тяжёлые волны, большой белый теплоход.

Кивком головы Гуля показала в ту сторону, откуда бежала к ним волнистая рябь. Сергей понял её без слов. Улыбаясь, он налёг на вёсла, и лодка быстро побежала к высокому, как дом, борту теплохода. Крутая, упругая волна подняла их на своём хребте, и целый дождь мелких брызг обрушился на их головы и плечи.

Так, покачав их, словно на качелях, огромный теплоход ушёл своей дорогой, а они с Сергеем опять повернули к водной станции, мокрые с головы до ног и счастливые, как дети.

В тот же вечер они вдвоём долго бродили по тихим окраинным улицам, залитым неподвижно-голубым светом луны, и Сергей читал Гуле стихи о любви.

— А теперь почитай о чём-нибудь другом,— попросила Гуля.

— О другом не могу,— сказал Сергей.

И она была рада, что он не может читать ни о чём другом.

Как недавно всё это было! Как давно это было!

Гуля никак не могла примириться с мыслью о том, что эти благоухающие улицы, эта синяя гладь Днепра, милый город её юности, её счастливой любви,— всё это отнято у неё, запретно для неё, недоступно.

Кровь стыла у неё при мысли, что всё это теперь доступно врагам, что они могут теперь смотреть на Киев с высокой горы и видеть, как широко и вольно раскинулся он над рекой. Для них ли строились эти дворцы и парки, для них ли готовился милый новый стадион?

Но, может быть, от Киева остались только развалины? Цела ли школа?

И Гуле представилась холмистая улица, вся обсаженная вековыми каштанами. Как любила Гуля эту улицу — улицу Ленина! Особенно хорошо здесь бывало весной, когда

каштаны цвели. И ещё в первые весенние дни, после дождя, когда сверху вниз бурно неслись ручьи. Ребятишки пускали в этих ручьях кораблики, и плыли эти кораблики далеко вниз — до самого Крещатика! А наверху, за аркой, каменные ступени вели к четырёхэтажному белому зданию. Это и была школа, где училась Гуля...

Где-то сейчас бедный старый дядя Опанас? Может быть, замучили его фашистские палачи? Он старик гордый, кланяться им не станет. А что стало с Фросенькой? Она не поехала с Гулей, не хотела уезжать далеко от стариков родителей, оставшихся в деревне. Кто знает, что с ней сделали немцы. Верно, угнали в Германию, в немецкое рабство, как множество других украинских женщин. А Мирра? Мысль о ней терзала Гулю день и ночь. Ведь Мирра еврейка, а гитлеровцы убивают всех евреев, даже таких маленьких детей, как Ёжик. Что, если Мирра не успела уехать из Киева? «Где сейчас испанские ребята? — думала Гуля.— У них ведь свои счёты с фашистами. А где смелый, весёлый Барасби? Где самый лучший друг детства Эрик? Конечно, все они на фронте, все воюют... Ах, милые мальчики, милые товарищи! Какая широкая жизнь открывалась перед вами, будто море, увиденное в Артеке с горы, без берегов, без края, поблёскивающее на солнце!»

И вот всё оборвалось. Раненая, изрытая фугасами, истощённая тяжёлой поступью танков, родная Украина вставала у Гули перед глазами, и с каждым днём всё острее становилась тревога за Москву, за всё самое дорогое на свете.

Гуле трудно было представить себе Москву тёмной, суровой, ощетинившейся. Ей казалось, что она всё такая же, какой была до войны,— светлая, шумная, праздничная, бурлящая жизнью, что всё так же сияют по ночам рубиновые звёзды Кремля.

С тоской и трепетом прислушивалась Гуля к сводкам по радио. Всё ближе и ближе подходит враг к Москве... Тяжкая ненависть, непримиримая обида растёт у Гули в сердце... А какой-то внутренний голос говорит: «Не поддаваться унынию, не терять мужества! Мстить!»

«Смогу ли? — думает Гуля.— Хватит ли силы, упорства? И как уйти? Ведь вот она тут, вся моя жизнь!»

Гуля склонилась над Ёжиком, а он жадно схватил её за прядку волос и так потянул к себе, что Гуля от боли даже вскрикнула.

«Сильный какой! — подумала она.— Держит, словно удержать хочет. Нет, не уйти от Ёжика... надо жить для него. А может, лучше, правильнее умереть за него? Ведь если грудью не прикрыть таких, как он, у наших детей и жизни не будет. Ведь расстреляла же фашистская лётчица маленьких детей на морском берегу в Анапе. И Ёжика так же спокойно убила бы, если бы он в это время был там. А Ёжик только начинает жить... Значит, надо прикрыть грудью... сердцем!»

В ГОСПИТАЛЕ

В меховом жакете, поседевшая от сорокаградусного мороза, Гуля бежала по улице.

Дома, деревья, камни — всё вокруг, как в сказочном ледяном царстве, было покрыто сверкающим на солнце инеем. У Гули обледенели даже ресницы. Пряча руки в меховые рукава, она бежала всё быстрее и быстрее. Ровно через три часа ей нужно было вернуться домой — кормить Ёжика.

Впервые за эти долгие месяцы на душе у неё было легко и радостно. Сегодня утром радио донесло счастливую весть. Наши части одержали победу под Москвой. Немцы откатываются, оставляя исковерканные и сожжённые танки, тысячи убитых и раненых.

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нём отозвалось! —

твердила Гуля на ходу пушкинские строки. Она чувствовала сегодня небывалый прилив сил.

Легко, одним духом, взбежала она по ступенькам лестницы военного госпиталя. Она работала здесь уже второй месяц.

Как хорошо, что комсомол послал её сюда! Когда Гуля в первый раз пришла в этот госпиталь, она сказала военкому, что готова выполнять любую работу, хоть полы мыть. Ей хотелось работы потяжелее, чтобы пережить хоть крошечную долю того, что пережили все эти люди, лежащие теперь на койках. Но ей поручили пока что только читать раненым газеты и журналы да писать за них письма.

«Ну конечно,— думала, улыбаясь, Гуля,— больше я ни на что не способна, как только читать газеты и письма писать...»

Вчера вечером она читала вслух в палате статью Алексея Толстого «Родина».

«Ничего, мы сдюжим». Эти слова особенно понравились Гуле.

— «Наша родина,— читала громко Гуля,— ширилась и крепла, и ничто не могло пошатнуть её. Так же без следа поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет».

«Ничего, мы сдюжим».

Опустив газету на колени, Гуля оглянулась по сторонам. Со всех сторон на неё смотрели улыбающиеся, чуть прищуренные, с хитринкой глаза.

— Сдюжим! — сказал кто-то.

— Ясное дело, сдюжим! — откликнулись из другого угла.

Это говорили люди, столько выстрадавшие и на фронте, и в этих белых стенах госпиталя.

Гуля молча смотрела на них и думала:

«Уж если они это говорят, значит, и в самом деле сдюжим!»

Это было вчера вечером — ещё до известия о победе под Москвой.

Знают ли они уже, эти вчерашние её слушатели, радостную весть?

В палате есть тяжелобольные — там не всегда включают радио.

В госпитале было тепло и уютно. Раненые бойцы, опираясь на костыли, встретили Гулю на площадке лестницы. Они уже давно ждали её прихода. И когда Гуля, вся в белом, свежая с мороза, вошла в палату, окружённая «ходячими» ранеными, люди, лежавшие на койках, приподнялись, чтобы лучше увидеть её, лучше услышать её бодрый весёлый голос.

Не успев сесть, Гуля прочитала от слова до слова последнюю сводку, наскоро записанную карандашом.

Несколько мгновений в палате было совсем тихо. Потом все зашумели, заговорили. Гулю заставили прочитать сводку ещё и ещё раз.

И тут начался разговор — мужской, военный — о стратегическом положении и о том, чего можно ждать в ближайшие дни. Гуля послушала немного, а потом подошла к окну, где на крайней койке лежал самый молодой во всей палате офицер — младший лейтенант Саша Климов. Это был юноша лет двадцати, сероглазый, с большим выпуклым лбом. Увидев Гулю, он просиял, улыбнулся, и Гуля поняла, что он давно уже ждал минуты, когда она подойдёт к его койке.

— Ну что, Саша? — спросила Гуля.— Дело идёт на поправку?

Она старалась не смотреть на одеяло, под которым вырисовывались обрубки Сашиных ног. У него были ампутированы и ноги и пальцы рук.

— Да, кажется, выкарабкаюсь,— ответил Саша.— А тут ещё такие новости... Без ног запляшешь.

— Да, Саша, полный разгром! — радостно сказала Гуля.— Всыпали, всыпали немцам!

— Началось! — негромко проговорил Саша.— Теперь уж, я думаю, так и пойдёт! Главное тут — повернуть... Эх, дожить бы мне до конца, до самой победы!

— Доживём,— сказала Гуля.— Конечно, доживём!

Саша вздохнул.

— Я ещё могу кое-что сделать в жизни. Ну, нет ног — зато есть голова. Вот я лежу тут, а в памяти всё мелькают математические формулы. И странное дело — хорошо помню, будто страница перед глазами открыта.

И Саша рассказал Гуле, что у него сохранилась записная книжечка-дневничок, куда он, находясь в партизанском отряде, записывал решения задач и разные мысли — о жизни, о доблести, о настоящей дружбе.

— Она мне здорово помогала, эта книжечка,— сказал Саша.— И это прямо чудо, что книжечка сохранилась. Ведь подумать только, в каких переплётах она со мной побывала! Со мной вот что сделали, а она цела осталась.

Саша помолчал.

— Вот она, книжечка, у меня под подушкой,— прибавил он.— Достань-ка, почитай.

— Можно? — обрадовалась Гуля.

Она осторожно приподняла уголок подушки и вытащила записную книжечку в чёрном клеёнчатом переплёте. Вся книжечка была густо исписана мельчайшими, словно бисер, строчками и цифрами.

— Какой удивительный почерк! — сказала Гуля.— Прямо ювелирная работа.

— Это я для того так мелко писал,— объяснил Саша,— чтобы больше уместилось. Бумаги ведь у нас лишней не было там, в лесах.

На первой страничке Гуля прочла стихи Пушкина:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.

Саша смотрел на Гулю влажными, взволнованными глазами. Видно было, что чтение книжечки доставляет ему какую-то горькую радость.

— Читай дальше,— сказал он.

И Гуля прочла:

Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.

Некрасов.

«Да, — подумала Гуля, — есть люди, недалеко искать...»

Она с нежностью посмотрела на Сашу и осторожно провела ладонью по его остриженной, как у мальчика, голове.

— А волосы уже подросли,— сказала она.— Скоро можно будет зачёсывать на пробор, как на той карточке, что ты мне показывал.

— Ну, и без волос жить можно,— засмеялся Саша и опять вздохнул.— Поправиться бы скорей — и домой. Давай-ка, Гуля, напишем письмецо моим старикам.

— Напишем,— сказала Гуля и открыла свой портфельчик.

Через минуту на тумбочке возле Сашиной постели уже стояла чернильница, и Гуля, положив перед собой листок бумаги, писала под Сашину диктовку. Саша, откинувшись на подушку и закрыв глаза, медленно говорил:

— «Здравствуйте, дорогие мои папа, мама и сестрёнка Верочка! Я поправляюсь, скоро выпишусь из госпиталя. Операция, говорят, прошла хорошо. Конечно, я не такой, как прежде, но всё-таки жив, и мы ещё увидимся. Пришлите мне поскорее письмо...»

Саша устал.

— Дальше напиши сама, что знаешь обо мне. Да пусть посылок не посылают. У меня всё есть...

Гуля укрыла его потеплее и потихоньку вышла из палаты, унося с собой неоконченное письмо.

В тот же день она его дописала и отправила.

Нелёгкое это было письмо. Надо было написать без утайки всю правду о том, какую операцию перенёс Саша, и в то же время ободрить стариков. Гуля много слышала

о них от Саши. Ей казалось, что она сама не раз бывала у них в маленьком домике, недалеко от станции — Сашин отец был железнодорожником,— слушала, как играет на гитаре Сашина сестрёнка Верочка, смотрела, как вощит леску Сашин отец, старый волжанин-рыболов. Гуля писала, что вся семья может гордиться таким сыном и таким братом, что Саша замечательно вёл себя и на фронте и в госпитале и что самое трудное уже позади. Скоро он будет здоров, ему сделают протезы, и он сможет вернуться домой.

Но вернуться домой Саше не пришлось.

САША И СЕРГЕЙ

Саша лежал в жару.

Гуля дежурила у его постели, стараясь угадать каждое его желание. Он лежал с закрытыми глазами и прерывисто, тяжело дышал. Кто-то тихонько вошёл в палату. Гуля оглянулась. Это была няня. Она делала Гуле знаки рукой, чтобы Гуля вышла в коридор.

— Профессор зовёт, он у себя.

Старый профессор сидел в кресле, постукивая пальцами по столу. Он ждал Гулю.

— Вот что, дорогая...— сказал он медленно.

Гуля с тревогой и страхом посмотрела на него, боясь услышать то, что он ей скажет.

— Нужно вынести Сашу в крайнюю палату.

Так и есть! У Гули словно что-то оборвалось в сердце. Она поняла, что́ это значит — вынести больного. Обычно в крайнюю палату выносили умирающего, чтобы соседи его не видели смерти и не знали о ней.

— Нет,— сказала Гуля решительно.— Если его туда вынести, он догадается. Нельзя ли перенести его в дежурку?

— Хорошо,— сказал профессор.— Пускай в дежурку.

Еле сдерживая слёзы, Гуля пошла в дежурную комнату

сестёр. Там не было никого. Гуля позвала няню. Вдвоём они принялись за работу: няня мыла пол, а Гуля переставляла мебель, чтобы удобнее было поместить больного, вешала на окна чистые марлевые занавески.

Яркое солнце по-весеннему било прямо в окно. Сашу внесли. Он открыл глаза и сразу зажмурился. Гуля вынула из шкафа большую папку и поставила на тумбочку возле Сашиной кровати, чтобы защитить его глаза от яркого света.

У Саши не было уже сил говорить, но он бровями сделал знак Гуле, что не нужно загораживать его от солнца. Гуля убрала папку, и Саша слегка кивнул головой. Значит, она его поняла.

Наклонившись над Сашей, Гуля старалась угадать, что ему ещё нужно.

Он чуть пошевелился.

— Жарко,— сказал он одними губами.— Сними с меня одеяло.

Гуля оставила на Саше только простыню. Он опять чуть-чуть кивнул головой:

— Так хорошо.

Гуля держала обрубочек Сашиной руки в своей, считая пульс.

— Доктора, сестру,— сказала она тихонько няне.

Саша вздрогнул и открыл глаза.

— Ничего, ничего, Сашенька,— успокоила его Гуля.— Лекарство пора принимать.

Дверь приоткрылась, и в дежурку вошли профессор, доктор, старшая сестра.

Но Саша даже не поглядел на них. Он с трудом, прерывисто дышал, и казалось, у него уже не хватало сил ни на что другое. Гуля поняла, что ему уже никто не поможет — ни доктор, ни профессор.

Она не заметила, сколько времени простояла у Сашиной постели, позабыв обо всём, даже о Ёжике...

После смерти лицо у Саши стало светлое, строгое, ясное.

— Ну что ж,— сказал ей профессор, как говорят самым близким людям,— тут ничего нельзя было поделать. Ступайте домой, милая, отдохните.

Вернувшись домой, Гуля ещё с порога заметила, что мать чем-то огорчена и взволнована.

— Что такое? Ёжик нездоров? — тихо спросила она, оглядываясь на его кроватку.

— Нет, он здоров,— ответила мать и быстро спрятала что-то в ящик стола.

— Сергей? — ещё тише спросила Гуля.

— Да, Гуленька,— просто сказала мама.— Товарищ его пишет... Но ведь это ещё надо проверить. Может быть, ошибка...

Гуля на секунду закрыла глаза.

— Покажи,— сказала она матери и опустилась на кровать.

Мать протянула ей сложенное треугольником письмо. Медленно, точно онемевшими пальцами, Гуля развернула клетчатый листок. На колени к ней упала фотографическая карточка. Да кто же это? С карточки смотрела на неё смеющаяся девушка с развевающимися на ветру волосами.

Гуля не сразу узнала себя на этом недавнем снимке, который был подарен Сергею в одну из самых счастливых минут, а теперь вернулся как вестник несчастья.

«...Ваш муж,— написано было в письме,— убит осколком вражеского снаряда в висок. В его комсомольском билете мы нашли вашу фотокарточку...»

— Приляг, Гулюшка,— сказала ей мама, укрывая её стареньким шерстяным платком.— Ты вся дрожишь, как в лихорадке.

Гуля легла и долго лежала, не двигаясь, глядя широко открытыми глазами в темнеющее за окном небо. Она не могла плакать. Мысли её путались. Она думала сразу и о Сергее и о Саше, о том, что они уже не увидят победы.

Проснулся Ёжик. Он закричал громко, обиженно, словно все были виноваты в том, что он проспал свой ужин.

Гуля взяла его, и ей стало как будто легче оттого, что в руках у неё шевелится это маленькое, тёплое, требовательное существо.

— Ёженька, Серёженька,— сказала она, неожиданно для себя самой назвав мальчика именем его отца, которого ему уже не суждено было увидеть.

Покормив ребёнка, она снова уложила его в кроватку и, постояв над ним несколько минут, села писать письмо Сашиным родным в приволжский город.

Она писала, обдумывая каждую букву, выбирая из всех слов на свете самые нежные и утешающие.

А в конце письма она написала:

«Мы не простим врагам эту смерть. Мы не забудем гибели наших мужей, сыновей и братьев, которые так же, как Саша, любили жизнь, солнце, так же хотели жить. Клянусь вам, что мы отомстим за вашего милого мальчика».

Уже была поздняя ночь, когда Гуля кончила письмо.

В эту минуту она поняла, что решила идти на фронт.

Вместе с письмом Гуля послала Сашиным родным его чёрную записную книжечку, полную цифр и чистых юношеских мыслей.

ДОМА

Шли дни. Зима уже была на исходе. Гуля работала не покладая рук. Её можно было видеть всюду — и в библиотеке за стойкой, и в перевязочной, где, наклонившись над раненым, она осторожно накладывала повязку, и на ярко освещённой эстраде госпитального клуба, когда, сняв халат, она в своём коричневом бархатном платье читала стихи людям с забинтованными головами, с руками на привязи, с ногами в лубках.

Вспомнив, что она опаздывает кормить Ёжика, Гуля наскоро одевалась и бежала домой.

А в это время Ёжик надрывался от крика... Гулина мама пыталась напоить его сладкой водичкой, но Ёжик от-

брасывал от себя ложечку и кричал требовательно и сердито.

Тогда бедная бабушка принималась ходить с ним по комнате, пела ему песни, рассказывала сказки, но ничего не помогало. Ёжик не нуждался ни в сказках, ни в песнях — он хотел молока.

И когда Гуля влетала в комнату, она сбрасывала с себя на ходу жакет и, усаживаясь на кровать с Ёжиком, по-детски оправдывалась:

— Прости, мамочка, я не знала, который час.

— Проси прощения у своего сына, а не у меня! — говорила молодая бабушка.— Ты просто уморишь его голодом.

А Ёжик, уже успокоенный, громко чмокал губами и сонно водил по Гулиной щеке пухлой ручонкой, как бы перетянутой ниточкой. Она ловила губами и целовала эту ручонку и, поглаживая крутой, вспотевший лобик, смотрела на сына сквозь слёзы. «Как я расстанусь с тобой, счастье моё?» — думала Гуля.

Конечно, она сама хорошо понимала, как трудно маме справиться с Ёжиком, когда её нет дома. Ёжик научился уже сам становиться на ножки в своей шаткой плетёной кроватке, и его нельзя было ни на минуту оставить одного. Таскать его целый день на руках было очень тяжело. Ёжик в семь месяцев уже был крупнее и тяжелее годовалого. Гуля также вполне представляла себе, как трудно каждый день выносить Ёжика гулять, выволакивая его на санках, укутанного в ватное одеяло, с третьего этажа во двор.

Всё это Гуля хорошо знала, и ей было горько видеть, как измучилась и похудела мать. Но Гуля знала уже и другое, о чём пока ещё не говорила дома,— что иного пути для неё нет.

С каждым днём у неё крепла уверенность в том, что её место там, где идут самые жаркие бои,— на передовой линии фронта.

ПРОЩАНИЕ

Пришла весна, бурная, солнечная башкирская весна. На улицах стоял шум от бегущих вниз потоков. Был день Первого мая. Первый военный май... Гуля прибежала домой. Она была одета по-военному, в длинной шинели, подпоясанной ремнём. Она давно уже работала в штабе дивизии, и мать не удивилась, когда увидела её в военной форме.

— Что так рано? — спросила она.

— Мама,— сказала Гуля чуть дрогнувшим голосом,— я пришла попрощаться. Я еду на фронт.

— Неужели тебя мобилизовали? Ведь у тебя ребёнок...

— Я еду добровольно, мама. Я не могу иначе. О Ёжике ты позаботишься лучше меня. Прости, что я оставляю тебе эту заботу.

Мать молча смотрела на Гулю, словно не понимая её слов. Потом спросила тихо, даже не пытаясь спорить:

— Когда же ты едешь?

— Эшелон отправляется через полтора часа. Но в штабе нужно быть ещё раньше.

И, стараясь говорить как можно веселее, она прибавила:

— Испеки мне, мамочка, на дорогу оладушек!

Потом она подошла к плетёной кроватке.

Ёжик уже не спал, а стоял во весь рост, держась за спинку кровати, и топтал одной ногой подушку.

— Мама! — сказал он баском и весь потянулся к Гуле.

Всего только третий или четвёртый раз в своей жизни произнёс он это слово «мама».

Гуля почувствовала, что ещё немного, и слёзы потекут у неё из глаз. Молча взяла она Ёжика на руки и села с ним к окну.

Пока мать собирала её в дорогу, она держала Ёжика на коленях и долго смотрела на него. Ёжик хмурил белые брови, трогал звёздочку на маминой пилотке и что-то говорил

на своём собственном, непонятном языке. А Гуля старалась получше запомнить его ручки с крохотными ноготками, круглый выпуклый лобик, затылочек со светлыми нежными волосиками.

Вот они, последние минуты дома.

Снова и снова вставало перед глазами то утро, когда она подошла к дверям белокаменного двухэтажного здания. Там помещался штаб только что сформированной 214-й стрелковой дивизии.

Совсем ещё недавно в этом самом доме была школа. В классах шли уроки, на переменах в широких коридорах стоял весёлый разноголосый гул...

Неожиданно Гуля увидела того, кого поджидала: командира дивизии генерала Бирюкова. Он выходил из машины. Это был красивый, плотный человек лет сорока. Гуля уже несколько раз видела его на концертах агитбригады. Ей запомнилось, с каким вниманием он слушал её, когда она, выступая в воинских частях, читала стихи или пела и как долго он потом ей аплодировал.

— Товарищ генерал,— сказала Гуля, подойдя к нему у самых дверей штаба,— разрешите обратиться к вам с просьбой.

И, собравшись с духом, добавила:

— Я хотела бы записаться добровольцем на фронт.

Генерал пристально на неё посмотрел.

— На фронт? — спросил он с удивлением.— Зачем? Здесь, в тылу, тоже нужны люди.

— Я знаю,— сказала Гуля твёрдо,— но я так решила.

Генерал пытливо посмотрел на неё.

— Что же мы стоим у дверей? — сказал он.— Зайдёмте в штаб и там поговорим.

Они оба поднялись по лестнице на второй этаж и пошли по школьному коридору. На дверях ещё сохранились дощечки с надписью:

«5-й класс «А», «Б», «В»...»

Генерал открыл дверь с надписью «Учительская».

Комната была уже почти пуста. Должно быть, её только что освободили от школьной мебели и не успели обставить. Канцелярский стол, несколько стульев, телефон на столе — вот и всё, что здесь было. Гуле представлялось, что она здесь увидит карты военных действий, но над столом висела только одна карта — Башкирии.

А с простенка между двумя широкими окнами смотрел на Гулю — как будто испытующе и пристально — Ленин...

Генерал пододвинул ей стул и спросил спокойно и участливо:

— Ну, зачем же вам, голубушка, обязательно на фронт?

— Я хочу отомстить,— сказала Гуля, стараясь говорить как можно твёрже и короче.— За Киев, за погибшего мужа, за детей, которых расстреляли в Анапе, за всё...

Генерал слушал её с приветливым и дружелюбным вниманием. И Гуле на минуту представилось, какой он был в мирное время, ещё совсем недавно. Неторопливый, очень спокойный, с тихим голосом, он, наверно, мог часами просиживать где-нибудь на берегу с удочкой...

«Такой простой, доступный человек — и командир дивизии,— мелькнуло у неё в голове.— И по всему видно — сердечный. Нет, не возьмёт на фронт. Пожалеет...»

Командир молчал. Он колебался.

— Вы поймите,— сказал он наконец,— мы не можем брать людей со стороны. Не имеем права. Нам их дают военкоматы. По нарядам.

И, помолчав, он добавил:

— И ведь для службы в армии нужна специальность.

— У меня есть специальность! — подхватила Гуля.— Я медсестра. В госпитале работала... Товарищ генерал, я понимаю, что всё это не так просто, понимаю, на что я иду. Но я не могу иначе! Поверьте мне — не могу!

И генерал поверил. Поверил, что это не легкомыслие юности, не минутный порыв, а продуманное и прочувствованное решение.

— Ну что с вами поделаешь! — чуть вздохнув, сказал он.— Идите в районный военкомат. Заявление подайте. Документы. А когда оформитесь, приходите ко мне ещё раз...

...И вот всё уже позади. Гулю зачислили в медико-санитарный батальон и к тому же приняли в агитбригаду политотдела дивизии как артистку. Она едет на фронт вместе с агитбригадой.

— Ну, дорогая, — сказала она, вставая, — мне пора. До нашей встречи в Киеве!

И, передав Ёжика матери, обняв её, она взяла в руки небольшой свёрток, который мама наспех собрала ей в дорогу, и пошла. У двери она ещё раз обернулась, зажмурилась и, круто повернувшись, почти побежала бегом.

Когда за ней захлопнулась дверь, матери показалось, что комната сразу опустела. Всё осталось так же, как при Гуле,— на подоконнике лежала её кожаная старенькая сумочка, в углу стояли её лыжи, на столе осталась забытая Гулей тетрадь со стихами, переписанными из газет и журналов. И странно было подумать, что девочка, которая ещё недавно переписывала в тетрадку стихи, пела весёлые украинские песни, умываясь под краном, ушла на фронт, навстречу всем трудам, лишениям и опасностям войны.

В ПУТИ

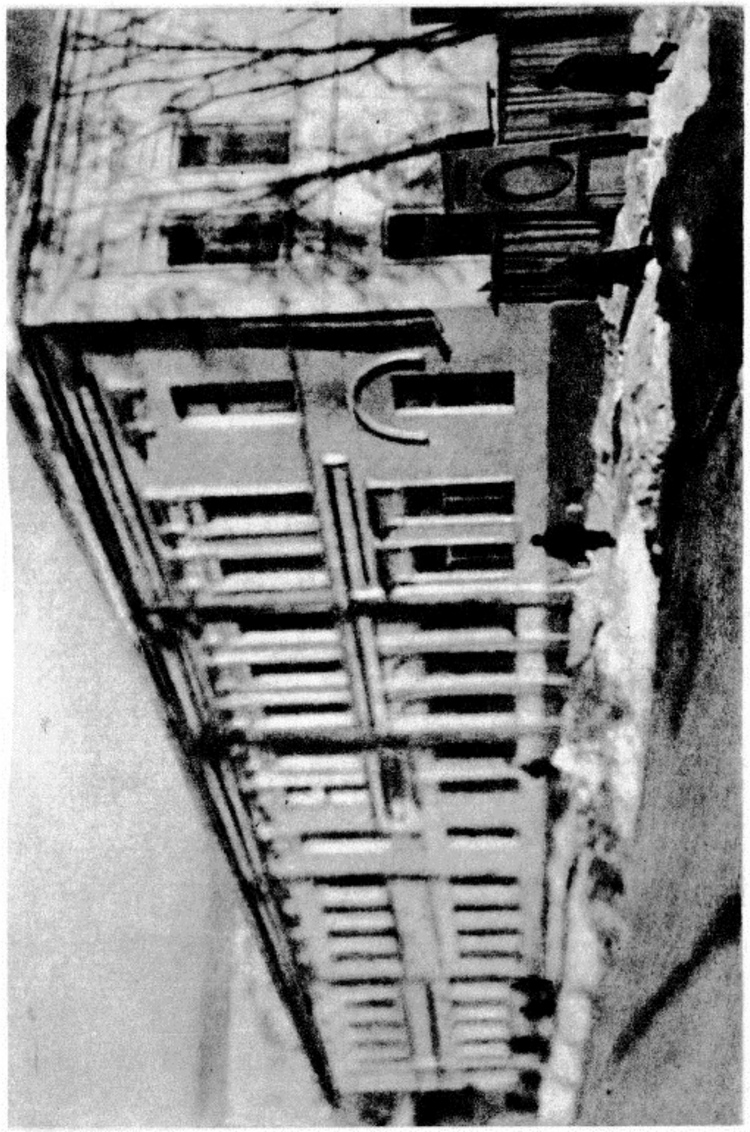
Стуча колёсами, поезда шли с востока на запад: вагон за вагоном, бесконечные составы длиною чуть ли не на километр — теплушки, санитарные вагоны, громыхающие платформы с военным грузом, накрытым брезентом.

Навстречу бежали позеленевшие холмы, рощи и, поравнявшись с поездом, уходили назад.

Гуля сидела рядом со своими новыми подругами, медсёстрами Людой и Асей, у окна санитарного вагона и думала. Думала о том, что Ёжик скоро научится ходить, а она даже не увидит, как он в первый раз затопает по полу.

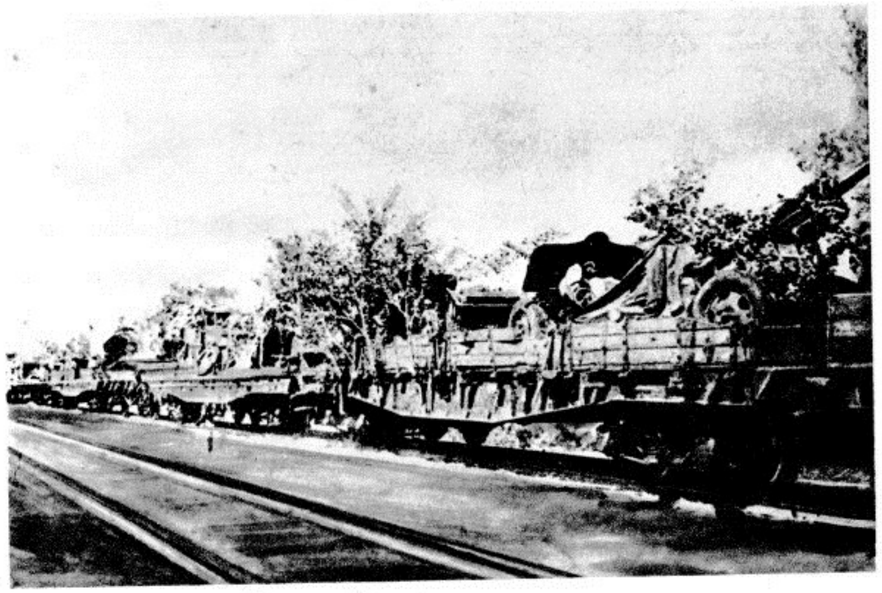
Комсомольский билет Гули Королёвой.

Гуля Королёва перед уходом на фронт.



Школа № 38 в Уфе. Здесь помещался штаб дивизии.

Боевая учёба в полку, где находилась Гуля.



«Движущаяся роща» — замаскированный эшелон по пути на фронт.

Гуля со своими фронтовыми товарищами (снимок сделан 7 Ноября 1942 года).

Накануне наступления
(снимок сделан для партийного билета).

Сержант Каролёва.

Саша (Ёжик) в детстве.

Думала Гуля и о своём недавнем, недолгом и уже невозвратимом счастье.

Ей неожиданно вспоминались самые простые, но почему-то теперь особенно дорогие мелочи.

Вот они с Сергеем возвращаются из театра, с «Пиковой дамы», и оба по очереди поют на улице мужские и женские арии.

И кто-то сказал им вслед:

— Счастливые! Хотел бы я быть на их месте!

А как-то раз Гуля разбила мамину любимую лампу, и Сергей трогательно, по-мальчишески, взял всю вину на себя. Мама и до сих пор, кажется, думает, что лампу погубил бедный, ни в чём не повинный Серёжа.

Но почему-то больше всего трогали и мучили её воспоминания об их поездке в Москву — к отцу. Это было уже незадолго до войны. Гуля всегда любила дорогу. Но никогда ей не было в поезде так уютно, беспечно, легко. Кажется, никогда на станциях не продавали столько цветов, никогда соседи по вагону не были так приветливы. Никогда не было таких вечеров, как в поезде Киев — Москва.

Тогда её тревожило только одно: понравится ли Сергей отцу и отец — Сергею. Ей так хотелось, чтобы понравились...

В те времена все её желания исполнялись. И это тоже исполнилось.

Они втроём, по-товарищески, дружно и неутомимо странствовали по Москве, по её музеям, театрам и стадионам, и Гуля любовалась своими милыми спутниками, такими заботливыми и весёлыми, но больше всего она гордилась Москвой, которую она показывала Серёже, как свой родной дом...

— О чём ты? — спросила её похожая на школьницу тихая темноглазая девушка из Белоруссии, Ася.

Гуля не сразу ответила, занятая своими мыслями, и Ася робко потянула её за рукав.

Гуля встряхнула волосами, словно хотела отогнать от себя грустные мысли.

— Ничего,— улыбнулась она.— Всякое приходит в голову, когда стучат колёса... Давай-ка, Асенька, споём что-нибудь!

Гуля знала — если она захандрит, так Ася и Люда загрустят вдвое. Нельзя выбивать перед самым фронтом оружие из рук товарищей.

— Ну, Ася, Люда! Начинаем.

И в вагоне, под перестук колёс, раздалась знакомая с детства песня:

Запрягайте, хлопцы, ко́ней!..

В купе вагона вошёл политрук Оленик, а за ним молодой боец из Башкирии Кадыр Хабибулин.

Девушки встали, приветствуя их по-военному. Оленик улыбнулся, сел. Рядом сел и Кадыр.

— Ну, как жизнь, девушки?

— Всё в порядке! — весело ответила Гуля.— Только хочется поскорее доехать до места.

— И мне тоже,— подхватила Люда.

— Ну, поторопим машиниста,— сказал Оленик.— Так и скажем: наши девушки скорее в бой хотят.

— Хорошие девушки,— отозвался Кадыр Хабибулин.

— Знаешь что, Кадыр? — сказал Оленик.— Чтобы время поскорее шло, сыграй-ка нам что-нибудь на своём курае. Далеко он у тебя?

— Зачем далеко? Со мной едет,— ответил Кадыр. Он лукаво улыбнулся и вышел из купе.

— Славно он играет,— сказал про него Оленик.— Вот сами послушайте. Он ведь был колхозником-пчеловодом, специальность тихая, мирная. Сиди себе на пасеке, слушай, как пчёлы жужжат, да поигрывай им в ла́д на своём курае. А боец выйдет из него хороший — сразу видать. Я уж знаю.

— Когда я была маленькая, я всегда говорила, что выйду замуж только за пчеловода,— неожиданно сказала Ася.

— Ну что ж, посватаем,— сказал Оленик.— Кадыр у нас, кажется, холостой.

— Просто она мёду хочет,— засмеялась Гуля.— Сейчас я тебя угощу, Асенька. Мне мама целую банку дала с собой.

В эту минуту из тамбура послышался нежный, чуть хрипловатый звук тростниковой дудочки.

— Кадыр идёт,— сказал Оленик.

Девушки притихли.

Гуля молча поставила на откидной столик у окна баночку с мёдом.

Хабибулин вошёл в купе и сразу заметил мёд.

— У меня тоже мёд есть,— сказал он.— Ещё лучше пахнет. Сейчас принесу.

Его удержали:

— Раньше поиграй.

Кадыр сел, поднёс курай к губам, тщательно продул дырочки и заиграл. В вагоне снова раздались глуховатые, грустные звуки. Повеяло воздухом Башкирии, вольным простором её степей, степным ветром. Хабибулин играл задумчиво, неторопливо. Гуле вспомнились холмы, подернутые фиолетовой дымкой, широкая река Белая, которую башкиры называют Идэль или ласково — Агидэлькай, и город, стоящий на берегу Идэли,— город, где остались Ёжик и мама.

Кадыр опустил дудочку.

— О чём эта песня? — спросил Оленик.— Со словами её поют?

— Поют. Кто что хочет, то и поёт. Каждый про своё.

— А ты про что играл? — спросила Гуля.

Кадыр задумался. Потом, нахмурив брови, стал объяснять.

— Я так играл,— сказал он медленно и чуть-чуть застенчиво.— Есть река Ашкадар. Знаешь? Там гора Торатау. На склоне горы тростник растёт, курай. Вот как раз такой. Видишь? — Кадыр показал свою дудочку.— Срезал я

тростник и курай себе сделал. Про это самое я играл: про реку Ашкадар, про гору Торатау, про курай, про то, как соловьи на нём поют, как ветер в курае свистит.

— Вот-вот, так я и думала,— сказала Гуля.— Ты очень понятно играешь!

У Кадыра блеснули зубы.

— А теперь что я играть буду? Слушай.

И он заиграл какую-то пронзительную, унылую и грозную песню.

— Это про войну,— сказала Гуля.

Кадыр кивнул головой.

— Верно,— сказал он.— Такую песню наши батыры пели, когда воевать ходили.

Гуля тихонько запела, стараясь повторить эту странную, незнакомую степную мелодию.

— Хорошо,— сказал Кадыр,— совсем башкирская девушка.

Кадыр и Оленик ещё долго сидели в санитарном вагоне, ели хлеб с мёдом и говорили о покинутых родных местах и о войне.

Гуля рассказала, как она уходила из Киева, Ася — про свой уход из Минска. Кадыр молча слушал, а потом сказал:

— Пока глаза землю видят, драться будем!

НАКАНУНЕ БИТВЫ

К 9 мая 214-я стрелковая дивизия, войдя в состав Первой резервной армии, сосредоточилась в районе Тулы.

Недавно освобождённые от врага города и населённые пункты — Бобрик-Донской, Узловая — ещё носили следы недавних боёв. Много домов было разбито, разрушено, сожжено. На пустынных полях валялось брошенное немецкое оружие — бронемашины, танки, миномёты, пушки. Там и тут виднелись ещё совсем свежие могилы.

На измождённых лицах женщин, стариков, даже детей отражался только что пережитый ужас войны.

Устроившись за длинным столом воинского клуба, Гуля писала письмо отцу.

Она подняла голову, взглянула на Пушкина, смотревшего с портрета. И ей вспомнились пламенные слова Лермонтова, обращённые к убийцам великого русского поэта:

И вам не смыть всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!

Гуля глубоко вздохнула и снова взялась за перо:

«Не искупить фашистам своей чёрной кровью тех зверств, которые наделали они на нашей земле!»

Гуля опять задумалась. Столько уже накопилось такого, о чём хотелось бы рассказать! Но всего, конечно, в письме не напишешь. И она написала вкратце:

«Зачислена я в медсанбат, а прикомандирована к политотделу дивизии, так как при дивизии есть бригада самодеятельности и я состою в этой бригаде».

Дописав письмо, Гуля принялась разбирать на полках книжки рассказов, стихов, сборники песен с нотами. Нужно было подбирать программу выступлений для актёров, находить песни, которые можно было бы разучивать с бойцами. Дел, как всегда, было много, тем более что приближался торжественный день, к которому надо было подготовить большой концерт.

Приближался день вручения оружия.

До сих пор, находясь в Башкирии, будущие воины всю зиму обучались на макетах: винтовки, пулемёты, миномёты, орудия, радиостанция — всё это было сделано из дерева или фанеры, руками самих бойцов. Учились упорно, в морозы и пургу, но оружия ещё у бойцов не было. И вот теперь дивизии предстояло получить оружие, сделанное руками рабочих и работниц тульских заводов.

Весь день шла разгрузка ящиков с оружием, а к вечеру тысячи людей — местных жителей — заполнили полукругом огромное поле.

И вот с высоких подмостков, построенных для концерта, Гуля смотрит, как проходит торжественный митинг.

Перед ней стоят два мальчугана. Одному десять лет, а другому — девять.

Ещё совсем недавно, когда дивизия только что прибыла в город, начальник разведывательного отряда штаба Шафик Фасахов привёл их в штаб и сказал:

— Сиротами остались. Что с ними делать будем?

Мальчики не стали дожидаться, пока в штабе решат, что с ними делать. Они жалобно протянули:

— Дяденьки, возьмите нас к себе! Дя-день-ки!..

— А как вас звать?

— Меня — Гриша,— первым ответил тот, что был поменьше, с веснушками на носу.

— А меня — Саша,— ответил другой, постарше, без веснушек, безбровый, с облупленным от загара носом.— Я, дяденька, шустрый! Я куда хотите могу сбегать! Хоть в разведку.

— И я тоже! — подхватил младший.— Я тоже больно какой шустрый! Я хитрый! Фашисты нипочём не узнают, кто мы такие.

И оба опять начали просить:

— Дяденьки, возьмите нас!

«Дяденьки» — офицеры штаба — весело засмеялись.

— А вы что — братья?

— Нет, товарищи.

— Ну что ж, возьмём товарищей?— предложил один из офицеров.— Доложим нашу просьбу командованию.

— Давайте доложим,— сказал Фасахов, тот самый офицер, который привёл мальчиков.

И вот Саша и Гриша, уже в полной военной форме, сшитой специально для них, в новеньких сапожках и в гимнастёрочках, туго перепоясанных ремнями с медными пряжками, стоят и смотрят на парад.

...Зазвучали трубы военных оркестров. Начался парад войск, только что получивших оружие.

С волнением смотрела Гуля на эти совсем молодые, почти юные лица, на этих полных сил юношей, которым предстояло, может быть, отдать Родине самое дорогое — жизнь... И она понимала, что́ должен чувствовать сейчас каждый, кто получил сегодня оружие: защита Родины теперь в его руках. Рабочие руки своё дело сделали.

— Гуля, выступать скоро...— услышала она голос у себя за плечом.

— Я знаю, помню,— ответила она не оборачиваясь.

Ей трудно было оторвать глаза от нескончаемых рядов воинов, дружно шагающих в такт духовой музыке.

«Кто из них вернётся к своим?» — невольно думала она.

И она ещё острее почувствовала, как важно словом, песней поднимать дух у бойцов.

Ей бы сейчас надо было убежать куда-нибудь, в тишине вспомнить, повторить всё, что ей предстояло читать и петь с эстрады, но хотелось смотреть ещё и ещё...

Началось самое интересное: показ учений с боевой стрельбой. В наступление двинулась рота. Настоящего противника впереди не было, но артиллерия, миномёты, пулемёты, поддерживая наступление, заговорили по-настоящему. Бухнули орудия, завыли, засвистели снаряды, мины, разрываясь как раз там, где находились мишени, обозначавшие противника.

— Глянь, глянь! — с восторгом кричали, толкая друг друга, Саша и Гриша.— Ух ты, здорово! Видишь, Гуля?

— Вижу, вижу,— говорила она, ласково поглаживая коротко остриженные головы мальчиков.

Зрители хлопали, радуясь меткому попаданию не меньше, чем Саша и Гриша. Всё вокруг ликовало и гудело, как на стадионе во время спортивного соревнования на мировое первенство.

Казалось, что зрители уже вволю насмотрелись всего и наслушались, но народ не расходился.

Гулю охватило волнение: не провалить бы концерт — ведь она ведёт программу!

Но опасения её оказались напрасными.

Актёры старались вовсю. Лихо отплясывали на дощатом помосте армейские плясуны, особенно два молодых цыгана, стараясь изо всех сил переплясать друг друга, а Кадыр Хабибулин играл на своём курае так хорошо, как ещё никогда. Под самый конец выступила и сама Гуля. Она прочла стихи, а потом спела весёлую украинскую песню, полную лукавого задора:

И шумить, и гуде,
Дрибний дощик иде.
Ой, хто ж менэ, молодую,
Тай до дому доведе?

Все хлопали, улыбались, и, наверное, не один молодой парень рад был бы проводить «до дому» эту милую, красивую девушку. А Саша и Гриша радовались больше всех: они хлопали, прыгали и изо всех сил кричали: «Ещё!»

...Начались напряжённые дни боевой подготовки.

Окрестные поля превратились «в поля боя». Артиллерия, миномёты, винтовки, автоматы, пулемёты, гранаты — всё пускалось в ход в любое время дня и ночи. Стреляли боевыми снарядами, минами, патронами. Шли в наступление, забрасывая «врага» гранатами, бутылками с горючей жидкостью. В боевых порядках наступающих тоже рвались «мины» и «снаряды». И хотя они никого не убивали и не ранили, но взрывались, как настоящие, с оглушительным треском, поднимая комья земли и клубы дыма.

Никакие препятствия не могли преградить путь наступлению. Всё преодолевалось по-боевому. Если встречалась на пути река, люди пускались вплавь, переходили вброд, да при этом с оружием и в обмундировании.

Всё работало в полную меру сил и напряжения — штабы, связь, тылы... Это была настоящая школа боевой выучки.

Гуля трудилась без устали — таскала на руках «раненых», делала им перевязки, и всё это так осторожно и тщательно, как будто и на самом деле могла причинить боль.

В немногие минуты отдыха её как-то особенно манили к себе лесные поляны с их запахами трав и цветов. От их крепкого настоя, казалось, можно было опьянеть. И представлялось чем-то невероятным, что этой горячей, душистой, родной земле могли угрожать смерть и запустение...

Часто по ночам, лёжа в палатке и вдыхая лесной, чистый воздух, насыщенный запахами трав, листьев, земли, Гуля не спала и всё думала, думала... Перед глазами вставали пытливые, благодарные глаза бойцов. Да, бойцы принимают концерты замечательно, но покоя не давала забота: где найти новые песни, новые стихи и рассказы, такие, чтобы поддерживать у людей бодрость духа?

Ведь что греха таить: нет-нет, а прокрадётся в сердце грусть, и не так-то легко с ней справиться. Гуля это знала по себе. Иногда такая тоска возьмёт по своим, особенно по Ёжику, что, казалось, сил нет терпеть.

Подолгу не спалось в такие ночи. Тысячи мыслей, воспоминаний теснились в голове.

Вот перед её глазами встаёт костёр на вершине Аю-Дага, Медведь-горы. Непроглядная ночь, лес, где на каждом шагу её подстерегает держидерево. Как будто вчера всё это было.

И вот она опять в лесу. И опять ночью. Только это другой лес, другая ночь, другое время. Война... Неужели в стране идёт война?! Сейчас так тихо в лесу. С вечера всё куковала кукушка. Гуля спросила, сколько лет ей жить осталось, попробовала сосчитать, но кукушка замолчала. «Может быть, ничего не осталось? — кольнула мысль.— Нет, нет! — строго оборвала себя Гуля.— Это всё глупости, бабьи сказки. Буду жить!»

И она сладостно потянулась. Несмотря ни на что, жить так хорошо! Всё, всё интересно! Интересно изучать оружие,

ходить на стрельбище, ездить верхом, делать перевязки, беседовать с людьми, выступать, видеть, как светлеют усталые лица.

Опять, как и тогда, когда Гуля снималась в кино, ей достался белый конь. Совсем такой, как Сивко. И куда бы ни прискакала она, всюду встречают её, как желанную гостью:

— Гуля наша приехала!

— Артистка наша!

— Сестричка!..

Многое узнала Гуля за эти два месяца, многому научилась. Она радовалась успехам дивизии, гордилась ими, как и её товарищи. Ей бы так хотелось написать домой обо всех событиях последнего времени: о том, как проходят учения, о том, что член Военного совета армии, дивизионный комиссар Абрамов, на красноармейском митинге сказал, что дивизия к боям подготовлена и выглядит кадровой, и о том, что дивизия получила от Военсовета армии благодарность. Но Гуля знала и ещё одно: писать обо всём этом в письмах не положено.

Учения закончились. Командование армии занялось разбором проведённых учений. И в самый разгар его — в ночь на 10 июля — командовавший Первой резервной армией генерал Чуйков объявил приказ, полученный из Ставки Верховного Главнокомандования: немедленно двинуться в район Волги.

К ВОЛГЕ И ДОНУ

Погрузка началась утром. И ровно в двенадцать часов дня 10 июля первый эшелон тронулся в путь.

Несмотря на то что железные дороги были так загружены в июльские дни 42-го года, перед воинскими поездами открылась «зелёная улица».

Теплушки шатались, их бросало из стороны в сторону, как утлые судёнышки в штормовом море. Казалось, что дощатые стены вот-вот развалятся и рухнут. Поезда мчались с быстротой скорых и останавливались только для смены паровозов и для набора воды из станционных водокачек. И опять открывалась впереди «зелёная улица», и опять всё качалось, скрипело, грохотало и мчалось по направлению к Волге и Дону, куда вот-вот мог приблизиться фронт.

Под угрозой вражеской авиации платформы и крыши вагонов были тщательно замаскированы ветками, травой, зелёными деревцами, и эти несущиеся вперёд рощицы были едва различимы среди окрестных рощ и лесов.

Внезапно эшелоны остановились. Было утро.

— Где мы? Почему стоим? — спрашивали друг у друга бойцы, спрыгивая из теплушек на землю.

Воздух был тёмный от дыма. Пахло гарью, горелым зерном, дымились шпалы.

— Что случилось? — спросила Гуля, соскакивая с подножки вагона политотдела.

Она увидела вдали горящие здания станции и элеватора.

Как муравьи сразу же деловито принимаются за работу, когда разорят муравейник, так точно и толпа рабочих уже возилась на железнодорожных путях, ремонтируя их: одни снимали изогнутые рельсы, другие — горящие шпалы, заменяя их новыми.

— Хотите знать, что случилось? — спросил знакомый голос.

Гуля обернулась и увидела командира дивизии генерала Бирюкова и стоящего рядом с ним комиссара Соболя.

— Бомбёжка! — сказала Гуля и подумала: «Вот оно, началось!» — А какая это станция?

— Поворино,— ответил генерал. И, улыбнувшись, спросил: — Что, страшновато немножко?

— Да... нет,— чуть смущённо ответила Гуля. И, по обыкновению, встряхнув головой, добавила весело: — Ну ничего! Уж если пошла на такое дело, надо привыкать!

— Это верно,— сказал комиссар, молодой худощавый человек с тонкими чертами лица.— А кстати, интересно бы

знать, не жалеете, что пошли на такое дело? Ведь пока не поздно, можно ещё вернуться домой.

Гуля даже испугалась:

— Нет, что вы, что вы!

Не прошло и получаса, как эшелон двинулся дальше. Медлить нельзя было — с минуты на минуту ожидался новый налёт фашистской авиации.

Ночью поезд долго стоял где-то в степи.

Гуле не спалось от мыслей, от воспоминаний, от тревоги.

Она встала и вышла из вагона, чтобы подышать свежим ночным воздухом.

Было тихо. И только возле одного из вагонов слышался в темноте чей-то голос. Звучал мягкий украинский говор, и Гуля невольно остановилась, точно её окликнул кто-то из украинских друзей.

— Ты кохана моя, моя голубка,— говорил ласково и нежно молодой голос.— Мы ще з тобою багато чого побачимо та почуемо. Ось як прикинчемо з фрицем, вернемось до дому та заживемо з тобою, в лис пидемо...

«С кем это Костя говорит?» — подумала Гуля. Она по голосу узнала его.

Это был хлопец из-под Харькова, тихий и застенчивый. Гуля часто встречала его в штабе, где он был связистом.

«Наверное, это какая-нибудь замечательная дивчина, если Костя в такие времена решился высказать ей свои чувства. Не буду мешать им».

А Костя продолжал называть свою подругу самыми нежными словами, какие только можно придумать: и «серденько моё», и «любка моя», и «ясна голубка моя»...

Гулю разбирало любопытство.

«Ну кто же она такая? Хоть бы слово сказала в ответ! Ничем её не проймёшь. Немая она, что ли?»

Гуля не выдержала и подошла поближе.

Костя стоял совсем один. Вокруг не было ни души.

— С кем ты только что говорил, Костя? — спросила Гуля, с удивлением оглядываясь по сторонам.

Костя смущённо кашлянул и переступил с ноги на ногу.

— Це я з моею рушницею розмовляю,— сказал он,— побалакать нема з ким...

Гуля засмеялась.

— А я думаю, почему это она всё молчит?

— Це вона тильки зáраз мовчить,— сказал Костя,— а як у бий пидемо, так вона так загуркотить, що у фашиста вси кишки повылазять.

Гуля поговорила ещё с Костей, а потом вернулась к себе в вагон и, когда рассвело, записала в свою записную книжечку этот ночной разговор бойца с винтовкой.

На рассвете поезда снова замедлили ход и остановились. Это была какая-то небольшая станция.

— Станция Гумрак,— услышала Гуля чей-то голос за окном.— Отсюда рукой подать до Волги.

— Километров десять, не больше,— добавил другой голос.

Гуля с облегчением вздохнула: «Наконец-то! Почти прибыли на место».

Но никто ещё не знал, где и когда будет разгрузка.

Пока что люди даром времени не теряли: кто поил лошадей, кто умывался, нагнувшись над краном, кто наполнял водой фляжки и с жадностью пил, ловя пересохшим ртом свежую струю.

Саша и Гриша тоже прибежали к водопроводному крану и теперь брызгались и хохотали.

— Эй вы, разведчики! — донёсся сердитый голос из вагона разведывательной роты, с которой мальчики ехали.— Бросьте баловаться!

Маленькие разведчики сразу же перестали брызгаться и принялись энергично вытираться полотенцами. Они уже понимали, чтó значит военная дисциплина.

Неожиданно прозвучала команда начальника эшелона:

— По вагонам!

Здесь, на этой станции, железнодорожный путь разветвлялся: один вёл к Волге, а другой — к Калачу. Эшелоны двинулись в направлении Калача.

Воспользовавшись ещё одной недолгой стоянкой, Гуля торопливо написала письмецо домой, отцу:

«Пишу с дороги. Настроение замечательное. Жарко всё время адски, мечтаем о дожде. Но не беспокойся. Едем мимо знаменитого города, прославившегося своей обороной в гражданскую войну...»

Гуля не назвала в своём письме название города, зная, что в военное время не положено сообщать в письмах, где находится воинская часть.

Однако ещё никто не подозревал в те дни, какую бессмертную славу в скором времени заслужит героическая оборона этого волжского города.

На пятые сутки пути, поздно вечером, дивизия прибыла в Калач — на станцию Донскую.

Уже несколько часов стояли в тишине и в темноте длинные составы эшелонов, и люди с нетерпением ждали команды для разгрузки.

— Странно, почему мы не разгружаемся? — говорила Гуля, прохаживаясь вместе со своими подругами Людой и Асей вдоль притихших вагонов.— Дальше ехать некуда. Тупик. Неужели назад поедем?

— Скорей бы уже хоть куда-нибудь приехать! — вздохнула Ася.— А вы знаете, девушки, я никогда не думала, просто не представляла себе, что железнодорожные пути могут заводить куда-то в тупик и так неожиданно кончаться.

— И я тоже,— сказала Люда.— Ну, пойдёмте спать. Может, до утра простоим.

И на самом деле, до самого утра простояли на станции Донской воинские эшелоны в ожидании команды. А утром пришёл приказ разгружаться.

Расположившись по берегу Дона, люди, истомлённые зноем, дорогой, томительными часами ожидания, побежали купаться. Они плавали, брызгались, смеялись, как дети, и далеко вокруг разносились их звонкие, молодые голоса. А звонче всех кричали и больше всех радовались маленькие разведчики Сашок и Гришок, как их прозвали в полку.

Гуля ушла с подругами подальше, где никого не было. Доплыв до середины реки, она легла на спину и долго лежала так, глядя на небо и наслаждаясь прохладой, простором, речным воздухом, спокойными всплесками воды.

«Как будто и войны нет никакой,— думала Гуля.— Ах, если бы никогда, никогда больше не было войн! Проклятые фашисты!»

А на другой день пришло новое напоминание о том, что пожар войны всё ещё растёт и ширится. Дивизия получила новую боевую задачу: создать оборону на рубеже реки Солон — от хутора Верхне-Солоновского до хутора Пристеновского. И вскоре здесь, на дальних подступах к городу, завязались бои, которые переросли к осени в длительную, тяжёлую, упорную, кровопролитную битву.

НА ПОЛЕ БОЯ

Части прибывшей дивизии укрепились в донских степях, в двадцати пяти — тридцати километрах западнее Дона.

Немецкие войска рвались сюда, к Дону. Разгорались бои за каждый клочок земли.

После недавно прошедших сильных дождей снова наступили знойные дни.

Широко раскинулись степи, пожелтевшие под палящим солнцем. Даже ветер не приносил прохлады, и только слегка покачивались под его дуновением степные травы, похожие на сухие метёлки,— ковыль и типчак. Пахло горькой полынью.

В полутора километрах от переднего края нашей обороны разместился в землянках и блиндажах командный пункт

полка, несколько дальше — командный пункт дивизии, а ещё дальше от передовой — санитарная часть.

Здесь, в полковом медпункте, поселилась Гуля вместе со своими подругами Людой и Асей. Им хватало дела и тут. Через медпункт проходили непрерывным потоком раненые. Их переправляли отсюда в санбат, а потом в госпиталь.

Но с первых же дней Гуля стала проситься на передовую.

— Успеешь ещё, — говорил ей с улыбкой командир полка, Иван Фёдорович Хохлов, приезжавший в медпункт,— потерпи немножко, отдохни. Впереди большая работа.

Гуля умолкала, а потом, снова набравшись смелости, обращалась к командиру всё с той же просьбой—отпустить её на передовую.

И наконец она добилась своего.

В этот день с самого раннего утра немцы начали артиллерийскую подготовку. С передовой доносился тяжёлый, несмолкаемый орудийный гул. Потом гул утих. Реже стали доноситься разрывы неприятельских снарядов. Противник пошёл в атаку. К полудню, когда стало известно, что атака отбита, санитарная машина помчалась на передовую за ранеными. Она неслась по пыльной просёлочной дороге.

Приближаясь к передовой, машина замедлила ход. Гуля выглянула из кабины и увидела, что степь уже не похожа на степь, а вся изрыта воронками, окопами, траншеями. Машина шла теперь осторожно, словно ощупью. Подпрыгивая на ухабах, она спустилась по склону пригорка вниз, в лощину, и остановилась.

Поправив санитарную сумку, Гуля спрыгнула на землю. Вслед за ней из кузова выскочили санитары.

Растерянно огляделась Гуля по сторонам. Она понимала, что машине дальше идти нельзя, не то попадёт под обстрел, и понимала также, что ей самой нужно идти дальше в степь, туда, где могут быть раненые.

Пока санитары вытаскивали носилки, Гуля побежала вперёд, вверх по пригорку, но не успела сделать и пяти шагов, как неподалёку, на вершине пригорка, ухнул и разорвался снаряд. Гулю оглушило так, что она, не помня себя, упала ничком на землю. Сердце у неё тяжело стукнуло и на мгновение замерло совсем.

Только через несколько секунд она опомнилась и заставила себя встать на ноги.

«Нельзя, нельзя поддаваться этой слабости...»

Втянув голову в плечи, Гуля бросилась вперёд. И в тот же миг ещё один снаряд с воем и скрежетом разорвался где-то сбоку, взметнув кверху чёрный фонтан земли и дыма.

Гуля прилегла опять. Она наметила глазами точку — бугорок, до которого решила добраться в следующую перебежку, и пристально, до боли в глазах, вглядывалась в него.

Но оторвать себя от земли было неимоверно трудно, почти невозможно.

Гуля изо всех сил старалась овладеть собой.

«Нет, не боюсь, не боюсь!» — твердила она, точно заклинание, и чувствовала, как мало-помалу воля её опять становится командиром всех её чувств и мыслей и как, повинуясь приказу командира, сердце начинает биться ровнее и спокойнее, нервы приходят в равновесие.

В эти минуты Гуля поняла: есть в человеке тёмная, слепая сила, которая может заставить его бежать с поля боя, но есть и что-то посильнее, чем эта слепая жадность к жизни, и это — разумная воля.

«В сущности, ведь боя-то уже нет, а рвутся только случайные снаряды»,— сказала она себе и, легко поднявшись, быстро и уверенно побежала туда, где вернее всего можно было найти раненых,— к окопам.

В самом деле, на дне окопа оказался раненый. Гуля спустилась к нему. Он лежал без памяти, запрокинув голову, обмотанную грязным, намокшим от крови бинтом. Видно, пока руки ещё слушались его, он сам кое-как сделал себе перевязку.

Гуля осторожно перебинтовала ему голову и, почти не ощущая тяжести, потащила этого большого, грузного человека по окопу.

Тут, к счастью, подоспели санитары. Гуля помогла уложить раненого на носилки и, не успев передохнуть, повернула обратно. Ей нужно было сделать перевязку ещё одному бойцу. Она заметила его, когда спускалась в лощинку — к машине.

Он лежал в глубокой воронке, вырытой снарядом. Гуля сползла к нему вниз. Уткнувшись лицом в землю, он глухо стонал.

Гуля попробовала его поднять.

— Голубчик мой,— сказала она, чувствуя, что это ей не под силу,— ну помоги мне, давай привстанем...

Она заглянула ему в лицо и охнула:

— Кадыр! Хабибулин!

Он обернулся, узнал Гулю и сделал попытку привстать, волоча по земле ногу. Тут только Гуля заметила, что вся его нога в крови и серая штанина от бедра до голенища стала чёрной от крови.

Острым ножом Гуля разрезала голенище сапога и сделала Кадыру перевязку.

Он грустно, даже как-то виновато смотрел на Гулю, словно хотел сказать ей: «Не так думал я воевать! Совсем не так!»

— Ничего, дорогой мой,— весело и ласково сказала ему Гуля,— ещё повоюем. На, выпей!

Она отвинтила крышку фляги и приложила её к его сухим, воспалённым губам. Ей самой нестерпимо хотелось пить, и она угадала поэтому желание Кадыра. Он жадно припал к фляжке и пил, захлёбываясь, пил так, словно ничего в жизни ему больше не нужно было, кроме этих освежающих капель воды.

Наконец Кадыр оторвался от фляжки и с облегчением вздохнул. Фляжка была пуста. Гуля смочила губы языком.

«Ну ничего,— сказала она себе,— потерплю».

Кадыр улыбнулся:

— Хорошо!

Ему стало легче — и от воды, и от сияния этих серых глаз, и от ласкового голоса, и от лёгкого прикосновения пальцев, бинтовавших ему ногу. И, повеселев, Кадыр сам приподнялся. Гуля вытащила его наверх и передала с рук на руки санитарам.

И вот машина погружена. Только бы довезти теперь до санчасти всех этих людей, мимо которых так близко прошла смерть.

— Едем! — радостно сказала Гуля бойцу-шофёру и вскочила на подножку кабины.

Машина затряслась на месте, зашумела и тронулась.

Гуля не отрываясь смотрит в небо. Высоко в чистой, безоблачной синеве показалась чёрная точка. Вот она приближается, становится всё больше и больше... Уже доносится с вышины далёкое гудение. Гуля не столько слышит, сколько угадывает этот противный, надрывающий душу звук: ве-зу-у...

«Немцы!» — поняла Гуля.

И она кричит шофёру:

— Стой!

Машина остановилась. Гуля и санитары соскочили на землю и стали вытаскивать раненых, помогая им залечь в окопы, воронки, выбоины. Тяжелораненых решили не трогать. Лишнее движение могло быть для них не менее опасно, чем осколок немецкого снаряда. Гуля достала из машины припасённые ею заранее зелёные ветки. Она знала — в степи не везде найдёшь кустарник, и позаботилась о своём зелёном запасе ещё до выезда на передовую.

Опасливо поглядывая на небо, она принялась торопливо маскировать машину зеленью. А потом залезла в кузов к своим раненым.

— Ну как там? — спрашивают люди, слыша нарастающее в небе гудение.

— Всё в порядке,— отвечает Гуля.— Они нас не заметят. Мы здорово замаскировались.

И в самом деле, немецкие лётчики не заметили санитарной машины, притаившейся под своим зелёным прикрытием у края дороги. Они прошли мимо, вспарывая воздух прерывистым гудением моторов, и унесли свой смертоносный груз куда-то вдаль.

— Поехали! — сказала Гуля, когда все раненые опять заняли свои места.

И вот снова зарокотал мотор. Снова тяжёлая машина, гружённая ранеными, понеслась по ухабам и рытвинам.

Спустя несколько дней, побывав уже не один раз на передовой, Гуля села писать письмо отцу.

«И грянул бой...»

Так начала она своё письмо, вспомнив пушкинские строки, и опустила карандаш. То, что она видела и пережила сама, было не похоже на тот стремительный, грозоподобный бой, о котором она читала в пушкинской «Полтаве».

Как, какими словами описать всё, что она нынче испытала? Как передать непередаваемое?

«Нет, не будучи в боях,— написала Гуля,— не испытав на собственных плечах всех трудностей, невозможно прочувствовать до конца радость победы. Когда бойцы идут в атаку, когда раскатами гремит «а-а-а» — этот отзвук многоголосого «ура»,— не знаешь, не помнишь ничего. Перед тобой только поле боя, и ты следишь, следишь за каждой точкой на бесконечно расстилающейся степи, следишь до боли в глазах. Там кто-то упал... Бегом бежишь вперёд, и ни свист пуль, ни строгие окрики не в силах тебя остановить. Тело становится каким-то невесомым, и только тогда, когда твоя машина, гружённая ранеными, выезжает из зоны обстрела, напряжение становится меньше...»

Гуля писала, а за окошком слышались уже ставшие привычными крики: «Воздух!» И скоро до её ушей донёсся знакомый назойливый, выворачивающий душу вой немецкого самолёта.

«Если от меня долго не будет писем,— наспех приписала Гуля в конце письма,— не беспокойся: значит, много

дела. И что бы ни было, знай одно: дочь твоя трусихой не была и честно отдала жизнь за Родину...»

Дела было действительно много. Началась та большая работа, о которой говорил Гуле командир полка. Именно работа. Разгорались жестокие бои за Дон. Дни и ночи были полны теперь опасностей, лишений, тяжёлого, сверхсильного труда.

Гуля целиком ушла в свои повседневные заботы. Она подбирала и укладывала на носилки тяжело стонущих или впавших в забытьё людей, перевязывала, обмывала их, осторожно снимала с них одежду, превратившуюся в окровавленное тряпьё. Запах крови и земли преследовал её всюду. Размышлять, вспоминать, называть словами всё, что она видела и чувствовала, ей было некогда. И только в короткие минуты передышки, за письмом домой, она наспех приводила в порядок обрывки беглых мыслей.

«...Каждый день полон всевозможных происшествий. Бились мы за один хуторок,— писала Гуля.— Целый день бились, несколько раз занимали и несколько раз отходили. Крепко там немец засел. Пошла я вытаскивать раненого — он лежал около самых немецких окопов. Немцы меня заметили, решили взять живой. Ползу, и они ползут, а позади меня огневую пулемётную завесу дали, чтобы наши на помощь мне не пришли. Что тут делать? Назад ползти поздно. Впереди — раненый. А немцы берут в кольцо. Взяла я в руку гранату, решила — подпущу немцев и гранатами закидаю. Уж если пропадать, так хоть побольше их перебью. Вдруг слышу за собой: «Впе-рёд!..» Наши! Я вскочила — и с ними...

Оказывается, один боец всё время следил за мной из окопа. Он увидел, что моё дело плохо, да как крикнет: «Хлопцы, Гуля наша погибает!» И — ко мне. Ребята — за ним. Так ударили, что от фашистов только перья полетели, хоть их было много больше, чем нас.

А того раненого, за которым я ползла, мне удалось вытащить. Он уж, бедняга, и не надеялся...

...А недавно я немножко обожгла ногу. Но уже всё прошло, и ты, мамочка, не беспокойся. Обожглась я так. Во время боя я нечаянно наступила на бутылку с горючей жидкостью. Бутылка треснула у меня под ногами, и сразу же всё на мне вспыхнуло. Обжигая руки, я кое-как стянула с себя горящие сапоги, гимнастёрку и затоптала. И, когда ко мне подбежали сапёры с лопатами, чтобы засыпать меня землёй (ведь иначе затушить горящую жидкость трудно), я уже натягивала на себя одежду, а вот сапоги никак не могла надеть — скорёжились, пропали совсем. Так и пошла дальше босиком, прихрамывая на обе ноги. И только после боя сделала себе перевязку. Вот и всё».

Так описала Гуля в письме к матери одно из своих самых необычайных приключений («приключениями» Гуля называла особенно рискованные эпизоды своей боевой жизни). А по всей дивизии уже разнеслась о Гуле весть. От одного бойца к другому пошла легенда о девушке, которая «и в огне не горит», о девушке, которая шла на немецкие окопы, вся охваченная пламенем, как живой факел. И скоро кто-то сложил об «огненной девушке» песню. Песня эта, как пламя, перекинулась отсюда на Западный фронт. В каждой воинской части пели эту песню на свой мотив, но слова были везде одни и те же:

Девушка вспыхнула,
Путь осветила,
Огненной птицей
Летела в бой.

И в дивизии Гулю стали называть с тех пор «огненной девушкой».

СКВОЗЬ ОГОНЬ И ВОДУ

Всеми силами враг стремился захватить переправы через Дон в районе станицы Нижне-Чирской и хутора Верхне-Рубежного, чтобы потом ринуться к Волге.

Части 214-й дивизии получили приказ оставить западный берег Дона, тот самый берег, за который они бились с небывалым упорством, отойти на восточный берег и оборонять его в районе хутора Верхне-Рубежного и южнее.

Мосты уже были взорваны. Переправа шла четвёртые сутки. Шла день и ночь — на самодельных плотах, на лодках, на бочках, на брёвнах, на всём, что оказывалось под рукой. Дон, вздыбленный разрывами бомб, снарядов, мин, неистово бился о берега. Это был уже не тот тихий Дон, который ещё так недавно спокойно и мирно нёс свои воды. Тяжёлые всплески снарядов взрывали его тёмную глубину.

В одну из этих ночей разразилась гроза. Дождь ливмя лил, не утихая ни на минуту.

Насквозь промокшая, Гуля волоком тащила к переправе по размякшему от дождя берегу свою плащ-палатку, на которой лежал раненый боец. С трудом поворачивая голову, он что-то кричал Гуле. Но гомон переправы и шум ветра заглушали его голос. Чтобы расслышать его слова, Гуля нагнулась над раненым:

— Что тебе, голубчик?

— Рушницю шукаю,— сказал он, ощупывая возле себя плащ-палатку.— Рушницю не бачу. Гвинтивку.

И совсем неожиданно, хоть и не было времени вспоминать, Гуля вспомнила того бойца, который в тихую летнюю ночь во время стоянки эшелона вёл длинный и ласковый разговор со своей винтовкой. Тот тоже был украинец и так же дружил со своей «гвинтивкой»...

— Да вот же она, твоя гвинтивка, у тебя под боком!

Боец, лежавший на плащ-палатке, прихватил рукой винтовку, и от этого движения ему стало больно. Он застонал.

— Потерпи, голубчик! — крикнула Гуля, стараясь перекричать ветер.— Сейчас я тебя через Дон переправлю.

Раненый покачал головой. Видно было, что он сомне-

вается в Гулиных силах. Да и в самом деле, трудно было поверить, что в такую непогодь эта девушка переплывёт Дон, да ещё с тяжёлой ношей.

Раненый что-то пробормотал. Гуля расслышала только:

— Сама плыви!

— Что ты! — сказала Гуля.— Да разве я тебя оставлю?

— Коли тоби важко будет, кидай менэ! — сказал раненый.

— Ладно, ладно, молчи уж,— оборвала его Гуля.

Пронизывающий холод обжёг сердце. По лицу ударила, как хлыстом, волна.

Прихватив левой рукой раненого, Гуля поплыла, загребая воду правой рукой. Поплыла прямо в чёрную муть реки, то и дело выплёвывая набирающуюся в рот воду.

От времени до времени небо над Доном ярко вспыхивало, раздавался грохот, и крутая волна подбрасывала Гулю вместе с её полуживым спутником. Подбрасывала и швыряла куда-то вниз, в пропасть.

Казалось, ещё минута — и чёрная холодная вода сомкнётся над головой. «Не доплыву»,— думала Гуля.

И вдруг ей стало как будто легче плыть. Это раненый, очнувшись, почувствовал, что его спасительница изнемогает. Он собрал последние силы и, как-то приспособившись, стал грести здоровой рукой.

«Голубчик мой, помогает!» — с благодарностью подумала Гуля.

В предутренней дымке тумана противоположный берег был едва виден. Только белые вспышки ракет освещали на мгновение всё сразу: и людей, переправляющихся по реке вплавь, на плотах или верхом на лошадях, и понтоны с орудиями.

Раненый опять совсем ослабел и стал от этого как будто тяжелее вдвое. Но Гуля уже чувствовала, что самое страшное позади.

«Должна доплыть, доплыву!» — говорила она себе.

Все её мускулы работали настойчиво, упрямо, умело. Вот когда пригодилось ей спортивное мастерство! Вот зачем нужно было так долго тренироваться там, на водной станции солнечного Днепра! Всё, чему Гуля училась в жизни, теперь пригодилось ей, словно всё её детство, вся юность были только подготовкой к этим суровым боевым испытаниям.

И Гуля доплыла.

На берегу (этот берег, восточный, был пологий, плоский, не то что крутой западный) она разомкнула окоченевшие у неё на шее руки бойца. Он сполз на землю и тяжело перевёл дух.

— Ну, вот мы и добрались,— сказала Гуля и, достав из санитарной сумки фляжку, влила несколько капель водки в помертвевшие губы раненого.— Выпей, согрейся!

Она пристроила его на первую попавшуюся санитарную повозку, а сама, едва передохнув, вернулась опять к берегу...

Не одну жизнь спасла Гуля за эти четверо суток, не один раз переплыла она Дон, переправляя раненых с одного берега на другой под непрерывным обстрелом.

Но не думала Гуля в эти грозные дни и ночи, что со временем приказ по 214-й дивизии, подписанный командиром Бирюковым, о зачислении Марионеллы Королёвой почётным красноармейцем 780-го стрелкового полка будет храниться в музее.

Не думала Гуля, что её работа в бою, которую она считала только работой, будет признана подвигом.

«Во время боевых действий эта бесстрашная комсомолка спасла жизнь 100 бойцам и командирам. В период переправы через Дон товарищ Королёва переправила на восточный берег, оказала первую помощь и отправила в санчасть 60 бойцов и командиров».

Перейдя Дон, дивизия заняла оборону восточного берега.

В ПРИДОНСКИХ СТЕПЯХ

Широко раскинулись придонские степи с холмами и перелесками. Если бы не война, здесь бы одуряюще пахло в эти дни полынью, мятой, душистыми степными травами. Слышалась бы в высоком безоблачном небе трель жаворонков. Спокойно синели бы эти озёра — Круглое озеро, озеро Кривое — и мирно текли бы донские возы между высоким, крутым западным берегом и пологим — восточным.

А теперь в степи пахло дымом. Вздымались чёрные столбы минных разрывов, авиационных бомб, артиллерийских снарядов. То и дело с новой силой раздавалась трескотня ружейной и пулемётной стрельбы и стрельбы из автоматов. И, куда ни посмотришь, всё изрыто окопами, ходами сообщений, везде высятся холмики блиндажей, свежие насыпи могил.

...«Много за это время пережито, много перевидано,— писала Гуля отцу, сидя в землянке.— Деремся здорово. Бойцы проявляют прямо невиданное геройство. Много потеряно боевых товарищей, друзей, но от этого ещё сильнее ненависть к врагу. Если останусь жива, попробую написать книгу о героических защитниках Дона.

Только что над нами разыгрался воздушный бой. Наши молодцы, здорово пускают перья фашисту. На днях разведчики привели одного фашистского лётчика, сбитого в бою.

Скоро опять пойду на передовую. Сейчас пишу тебе, а все мысли там, около наших ребят, где идёт бой. Я сейчас от них километрах в пяти.

Знаешь, папа, ничего нет приятнее, чем собраться всем вместе после жаркого боя и в минуту передышки немного поболтать и пошутить. Если бы не головная боль, я бы ещё утром ушла на передовую, но очень уж сильно голова болит. Есть у немцев миномёт, он подражает нашей «катюше». Так вот, снарядом его меня и оглушило. Примерно

метрах в 15 от меня ухнул, а может, и ближе. Но ты не беспокойся, всё пройдёт...»

Гуля писала и, держась за голову, покачивалась. Боль становилась всё нестерпимей. Но говорить об этом кому-нибудь из товарищей не хотелось. Ещё отправят, чего доброго, в медпункт.

В одну из тех недолгих передышек, о которых писала в своём письме Гуля, собрались в землянке после боя усталые, запылённые люди.

Один из них, с медным от загара лицом, с русыми, выгоревшими от солнца волосами, бывший шахтёр, а теперь разведчик, Семён Фролович Школенко, раскуривая цигарку, неторопливо рассказывал, как он недавно ходил в разведку.

— Утром вызывает меня комбат и говорит: «Языка достать надо».— «Есть! — отвечаю.— Достану». Собрался, как полагается, автомат проверил, положил в сумку гранаты — простые и противотанковые — и пошёл.

Школенко рассказывал, как он пробирался к немцам — где ползком, по-пластунски, где пригибаясь, стараясь держаться густого кустарника, а Гуля слушала и думала:

«Вот как надо в разведку ходить! Одной храбростью не обойдёшься...»

И затаив дыхание она слушала рассказ о том, как незаметно подкрался к немцам наш разведчик, как убил противотанковой гранатой шестерых сидевших на земле, а седьмого, который стоял на посту, обезоружил и привёл в штаб.

Не прошло и нескольких часов, а Школенко получил новое задание: на этот раз от полкового командира.

«Очень уж допекают нас немецкие миномёты,— сказал он.— Надо узнать, где они стоят».— «Узнаю,— ответил Школенко и спросил: —Одному пойти или с кем-нибудь?» — «Как хотите»,— ответил командир. «Один пойду! — сказал Школенко.— Уже ходил, дорогу знаю».

Поел, покурил, перемотал портянки, проверил автомат и пошёл. Вернулся вечером, а с ним — семнадцать красно-

армейцев. Обросшие, окровавленные, босые, еле-еле на ногах держатся.

— Из плена вывел. Почти на том свете побывали,— сказал Школенко.— Уже могилы себе рыли.

И он рассказал о том, как ему удалось противотанковой гранатой уничтожить сразу семерых фашистов, а восьмого, который находился поодаль, захватить в плен. Рассказал он и о том, как двое автоматчиков, услышав взрыв его гранаты и команду: «Рота, за мной!» — пустились наутёк, а из кустов выбежали пленные красноармейцы, которых вот-вот должны были расстрелять. Спустя несколько минут Школенко уже вёл замученных, будто вышедших с того света людей в свою часть, а вместе с ними плёлся, с ужасом поглядывая на русских, захваченный в плен немец. Люди, которым только что грозила верная смерть, тащили на себе трофейные миномёты. Но после всего, что они испытали, они готовы были бы взвалить на себя и не такую тяжесть. А пленный немец еле-еле тащил на себе пулемёт.

«Вот какие они, герои, бывают! — думала Гуля, слушая рассказ бывшего шахтёра.— С виду такой простой — широкое, обветренное, обожжённое солнцем лицо с капельками пота на лбу, выцветшая гимнастёрка, пилотка пирожком... Самый обыкновенный красноармеец, а два подвига за один день! Разве такими представлялись они мне до войны?..»

Она долго не отрывала глаз от Школенко, будто видела его впервые. А ведь они часто встречались друг с другом. И ещё так недавно, во время передышки, он рассказал ей всю свою историю. Отец его тоже шахтёр, защищал в гражданскую войну Царицын, как теперь защищает этот город на Волге — на дальних подступах к нему—Семён Школенко. Отец погиб и похоронен недалеко от этих мест — в станице Нижне-Чирской.

Конечно, не все бойцы были такими, как Семён Школенко. Приходилось Гуле видеть и другое. Иной раз не хватало у людей выдержки и мужества.

Впоследствии, уже в сентябре, был такой случай. Во время боя, когда все бросились в атаку, Гуля увидела, что молоденький боец из нового пополнения остановился. Все бегут, а этот стоит как вкопанный. Не раздумывая, Гуля схватила его за шиворот, толкнула вперёд и крикнула:

— Что, струсил?!

Боец как будто опомнился и побежал рядом с Гулей, держа в руках автомат.

Спустя несколько дней, выходя из санбата, Гуля встретила красноармейца, который показался ей знакомым.

— Я вас, кажется, где-то видела,— сказала Гуля.— Только не помню где.

— А я вас сразу узнал,— улыбнулся он немного смущённо.— Помните, все пошли в бой, а я с непривычки того... ну, попросту оробел малость. Тут вы схватили меня за загривок, дали хорошего пинка, ну, я и побежал вперёд как миленький.

Гуля засмеялась.

— А теперь как? Уже не робеете?

— Стараюсь не робеть. Спасибо, сестричка.

...Дивизия стояла на месте недолго. Вскоре она получила новый приказ: перейти в резерв фронта и двигаться на северо-восток, в район Котлубани — в направлении к Волге.

К утру 18 августа, после ночных переходов, преодолев двести пятьдесят километров пути походным порядком, дивизия сосредоточилась в районе Котлубань — Самофаловка. Однако и здесь не пришлось людям хотя бы немного передохнуть. Уже к вечеру снова пришёл приказ: немедленно двинуться из Котлубани в западном направлении. Это оказалось необходимым потому, что ещё в ночь на 17-е немцы переправились с западного берега Дона на восточный в районе хутора Паншино. Сюда, к Паншино, и двинулась дивизия, с тем чтобы сбросить врага в Дон и уничтожить его переправу.

Подойдя сюда на рассвете 19 августа, дивизия с ходу

развернулась и недалеко от Паншино вступила в бой с врагом.

Позднее, уже в октябре, Гуля писала отцу, вспоминая то, что произошло в августовские дни и ночи, памятные для неё и для бойцов:

«В один из солнечных дней прибыли мы в деревню Н. На рассвете забрались в большую конюшню — и повозки и люди. Легли, заснули. Сколько спали, не знаю. Проснулись от воя сирены и взрыва бомб. Стёкла сыплются, штукатурка летит. Весь сарай ходуном ходит... Прошла волна налёта. Выскочила я, собрала раненых, перевязала. Только перетащила — кого в подвалы, кого в щели,— опять летят. И всё группами. И вот как он начал нас прочёсывать с пяти утра, мы и пошли в наступление. Я пошла с батальоном. Только вышли на наблюдательный пункт, видим — опять летит. А наш первый пункт — как раз на высотке, да ещё плохо замаскирован. Залезли мы в щель. А самолёты развернулись — и давай чесать. Смотрим — один на нас пикирует. Да к тому же, проклятые, для морального воздействия сирены включают. Воют препротивно. Шмякнул фашист одну — пыль столбом. Засыпало нас так, что ни черта не видно. Слышим только — воет над нами да бомбы звенят при полёте. Как бомба разорвётся, смеёмся: «Мимо!» Кончилось. Стало смеркаться. Пошли дальше. Пули визжат. Мины при разрыве жалобно воют: «Тю-у-у...» И получилось у нас ночью такое положение, что совсем связь прервалась. Приходят с правого фланга, говорят: «Группа автоматчиков прорвалась, к вам в тыл заходит». С левого фланга тоже неблагополучно. А связных всех разослали. Никого не осталось. Ну, я и вызвалась связь восстановить. «Дойду»,— говорю. Пошла. Над головой сетка из трассирующих пуль — красивое зрелище. Подобрала по дороге раненого с ружьём. Его тащу, да ружьё тяжёлое, да ещё у меня на боку автомат. Но дотащила. Связь восстановила (нашла разрыв в проводе и соединила). А ночь тёмная, хоть глаза выколи. Местность незнакомая. Пришла обратно в

батальон. Взяли пленного. Отвела и его. Много-много за эту ночь дел было, да всего не расскажешь...»

Но ещё об одном рассказала в своём письме Гуля: как она перевязывала раненого ребёнка. Об этом же написала она и в письме к матери:

«19 августа в одном населённом пункте авиабомба попала в мазанку, где сидела целая семья. Мать убило, осталось двое детей: одному год семь месяцев, а другому шесть месяцев. И меньшому осколком ранило спинку. Я подбирала, перевязывала раненых, как вдруг какая-то старушка приносит мне перевязывать этого мальчонку. Я его перевязываю, реву, слёзы градом так и льются, а он на меня смотрит большими страдальческими глазами и даже не плачет, а только стонет...»

Должно быть, не один раз вспомнила Гуля своего Ёжика, пока широкий белый бинт ложился ряд за рядом, плотно опоясывая грудку и спинку раненого ребёнка, как белая безрукавочка.

«Всего не расскажешь,— писала Гуля.— Если бы подробно начать всё описывать, что произошло в те дни, то и нескольких дней не хватило бы».

Да, о многом могла бы ещё рассказать Гуля, если бы у неё было время.

Рассказала бы она ещё и о том, как после одного из налётов фашистской авиации образовалась посредине широкой улицы хутора Паншино (это и была «деревня Н», упомянутая в письме Гули) огромная воронка. Диаметром эта воронка была не меньше десяти метров, а глубиной метра в три. Находившиеся по обе стороны этой улицы хаты каким-то чудом уцелели. Из одной такой хаты вышла старушка. Услышав разговор военных, которые, стоя у края воронки, удивлялись тому, что ни одна из хат не повреждена, старушка сказала:

— Старик мой — и то жив остался! А ведь он у окошка сидел.

Гуля сначала тоже никак не могла понять, как это мог-

ли уцелеть хаты. А потом ей объяснили: бомба ушла глубоко в песчаный грунт. Часть осколков поглотил песок, а другая часть пошла вверх — под большим углом.

Бой шёл непрерывно, не утихая. Два полка — командиров Шумеева и Хохлова — при поддержке артиллерийского огня общим натиском вышибли наконец гитлеровцев из хутора Паншино, ликвидировали переправу, сбросили врага в Дон и при помощи полка Горбачёва очистили восточный берег. И всё же противник намного превосходил нас силами и авиацией. Четыреста бомбардировщиков громили нашу дивизию. Одновременно с двух сторон — из района хутора Вертячего, находящегося южнее, но также на восточном берегу Дона, и с противоположного берега, западного,— нещадно били по нашим полкам артиллерия и минометы противника. И ночью после небывало упорных боёв наши части вынуждены были остановиться в районе Паншино. Достичь главных переправ — тех, что находились южнее, в районе хутора Вертячего,— не удалось. Не хватило сил. Дивизии было приказано перейти к обороне. Не отступать ни на шаг. Стоять насмерть. И люди остановились.

«КАТЮША» И «АНДРЮША»

На восточном берегу Дона по-прежнему шли бои...

Людям некогда было передохнуть. Они яростно отстреливались. Только к ночи, когда немецкий огонь становился слабее, наступало некоторое затишье. В эти минуты передышки Гуля, прежде чем лечь спать, заходила в «гости» к кому-нибудь из своих новых друзей.

Вот и сегодня так. Чуть только стало тихо, она пошла в землянку, где жили бойцы первой роты. Она шла по ходам сообщения.

В землянке, чуть мерцая, чадил огонёк коптилки. В трубе железной печки посвистывал ветер.

— А, Гуля! — раздались со всех сторон знакомые голоса.— Что давно не заглядываешь? Мы уж заскучали! Чайку хочешь?

Через несколько минут на железной печурке запрыгал, подкидывая крышку, жестяной чайник.

В чьих-то умелых руках негромко, не мешая беседе, запел, заговорил баян.

И Гуле показалось, что ещё никогда в жизни ей не было так уютно и спокойно, как в этой чёрной маленькой землянке, среди этих людей, усталых, измученных боями, собравшихся с разных концов огромной страны.

Она сидела у самой печки, блаженно отогреваясь, и пристально смотрела на огни, перебегающие с уголька на уголёк. Они были такие же, эти весёлые огоньки, как там, в далёкой Уфе. И такие же золотые язычки играли в печке в те времена, когда Гуля была ещё маленькой и ей не позволяли брать в руки кочергу.

Подумать только, как недавно это было!

А теперь она на фронте, в самом пекле войны, и никто не говорит ей: «Гуля, обожжёшься!»

Над самой землянкой с жалобным воем пронеслась мина.

— Ихний миномёт завыл,— сказал кто-то, потягивая горячий чай.

Гуля только молча кивнула головой.

Она, как и все бойцы, уже хорошо различала голос немецкого миномёта. В своих листовках немцы хвалились, что их миномёт одолеет нашу «катюшу».

— Ничего, не одолеет,— сказал пожилой боец, которого все называли папашей.— Где ему с нашей сладить!

— Это точно,— согласился его сосед и, переломив о колено дощечку, подкинул обломки в огонь.— А вот я слыхал, у нас тут ещё «андрюшу» поджидают. Этот наведёт порядок.

— Какой такой «андрюша»? — спросила Гуля.

— «Катюшин» сынок. Вот лупит так лупит! Ещё почи-

це мамаши. На восемьдесят метров одной только воздушной волной работает, не считая убойной силы от осколков.

Все минуту помолчали, и этим воспользовался баян. Он заиграл громче, смелее, явно вызывая на песню.

Вьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,—

запела Гуля, а кто-то рядом подхватил тенорком:

И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Спели одну песню, затянули другую. Пели все вместе и поодиночке.

— Так бы и пела с вами до утра,— сказала Гуля, поднимаясь с места,— да ничего не поделаешь, пора мне...

— Куда тебе?

— Асю сменить.

По-настоящему срок Асиного дежурства ещё не истек, но Гуля жалела и берегла свою товарку по санбату — ту самую худенькую, похожую на школьницу девушку, которая приехала с ней и Людой в одном эшелоне на фронт.

Гуля была старше обеих своих подруг. Ей было уже почти двадцать лет, а им ещё не исполнилось и восемнадцати. И Гуля невольно относилась к ним обеим немножко покровительственно, называла их «милые мои девочки» и, не задумываясь, брала на себя самую трудную и опасную работу.

А работы становилось всё больше, жизнь делалась всё труднее. И уже какими-то сказочными, почти невероятными казались Гуле воспоминания о доме, о семье. Да и где этот «дом»? В Уфе, где мама и Ёжик живут в случайной, чужой комнате, или в Киеве, занятом немцами, или в Москве, откуда отец посылает письма, полные забот и тревоги?..

«Нет уж, пожалуй, до конца войны дом мой здесь — в землянке,— думала Гуля, перебегая от одной землянки к другой.— И семья моя тут: Люда, Ася и все эти дорогие люди, с которыми вместе мы делим жизнь, такую близкую от смерти!»

Всё больше привязывалась Гуля к своей новой большой семье.

«Ты спрашиваешь,— писала она матери,— как я встретила день рождения. У нас был очень жаркий бой, и в мою честь, как мне сказали, целый артполк и наша полевая артиллерия дали залп по врагу. А вечером, когда немного успокоились, мы в землянке поужинали, причём наш повар испёк несколько пирогов и на одном из них выложил из теста надпись: «Будущему гвардейцу». В день рождения Ёжика тоже дано было несколько залпов, а когда собрались ужинать, немцы начали контратаку, довольно яростную. Атака была отбита, кроме того, был занят один населённый пункт. А потом ко мне подошли бойцы и сказали, что эту победу они ознаменовали в честь рождения моего Ежа».

Письмо получилось большое, подробное, и всё-таки о многом ещё написала бы Гуля, если бы в письмах с фронта можно было обо всём писать и называть имена людей.

Она написала бы ещё и о том, что пироги повару заказал помощник полкового командира, который часто по-отечески журил её, если она уж слишком себя не берегла, и по-отечески о ней заботился.

Если бы можно было, написала бы Гуля в своём письме также и о том, что «гвардейский пирог» принёс в землянку один из маленьких разведчиков — Саша. Он так деловито и осторожно нёс обеими руками доску с пирогом, как будто это был не пирог, а мина.

А рядом шёл Гриша, и видно было, что он отчаянно завидует товарищу: ему тоже хотелось передать Гуле именинный подарок.

ПОДРУГИ

Начались заморозки. Чёрные, размытые дождями лощины и холмы побелели от инея.

В боях всё ещё было затишье.

Вернувшись на рассвете из первой своей разведки, в ко-

торую она сама напросилась, Гуля согрелась у печки, выпила горячего чаю (обо всём этом заранее позаботилась Ася) и легла. Ася укрыла её кожаным полушубком.

— Это всё не так уж страшно, Асенька,— сказала Гуля, потягиваясь от усталости и приятного тепла.— Страшно только, когда вдруг услышишь голоса. Ползёшь по земле, кругом никого, и вдруг этот лающий говор. Фашисты! Тут действительно становится неважно... Хоть и знаешь, что ты не одна в разведке, что рядом свои, разведчики, а всё-таки жуть берёт.

И сбивчиво, забывая в полудремоте слова, Гуля стала рассказывать о том, что было сегодня ночью.

Слушая Гулю, Ася думала: «Почему это так? Вместе живём, всё одинаково чувствуем, а такие мы разные? Я бы ни за что не пошла в разведку! Нет, пошла бы, конечно, если бы послали, а сама бы не вызвалась... Подумать только — вдруг немцы живьём возьмут...»

— Да ты не слушаешь, Аська! — сказала Гуля.— А я-то стараюсь... Ну, в таком случае — я сплю.

Она повернулась лицом к мёрзлой стене своего земляного дома, и в ту же минуту Ася услышала её спокойное, ровное дыхание. Ася сидела у неё в ногах, боясь пошевельнуться, чтобы не разбудить подругу. Но её опасения были напрасны. Целые сутки, находясь в тылу врага, Гуля не сомкнула глаз, и почти на сутки уложил её теперь здоровый, крепкий, молодой сон.

Ася то и дело забегала посмотреть, не проснулась ли Гуля, но та по-прежнему лежала так же, как легла,— лицом к стене, подсунув руку под голову. Ася беспокоилась за Гулю — уж не заболела ли она? Но ещё больше сейчас тревожила её судьба двух мальчуганов. Саша и Гриша сами напросились на задание и, натянув на себя свою старую одёжонку, ушли высматривать немецкую оборону. Не раз им было строго приказано, чтобы они ничего не трогали, остерегались мин, но кто знает, что могло с ними случиться...

А Гуля всё спала и спала. Только на вторую ночь она открыла глаза.

— Ну и поспала же я! По крайней мере часа два! — проговорила Гуля потягиваясь.— Ася, ты здесь?

Ася склонилась над ней:

— Выспалась?

— Ой, как выспалась! На всю жизнь. Что сейчас — день или ночь?

— Ночь, Гуленька.

— Какая?

— Обыкновенная.

— Ничего не понимаю,— сказала Гуля.— Сегодня — ещё сегодня или уже завтра?

— Почти завтра,— засмеялась Ася.— Ты спала весь день и почти всю ночь. Скоро утро.

— А почему ты не легла?

— За тебя беспокоилась...

Подруги уселись у печки. Гуля поняла, что Ася всю ночь ради неё поддерживала огонь и грела ужин в котелке.

— Знаешь, теперь кажется,— сказала Гуля, хлебая оловянной ложкой из котелка горячие щи,— что мне всё это приснилось. Эта степь, хутор, немецкий часовой, которого мы сняли...

— Я бы лучше про это в книжке прочла,— проговорила Ася,— или, ещё лучше, в кино посмотрела. А сама я боюсь, я не такая.

Гуля засмеялась:

— Девочка ты ещё совсем, Ася. И зачем ты только на фронт приехала?

— Зачем? — спросила Ася и отвернулась.

— Ты обиделась? — сказала Гуля и опустила ложку.— Прости меня, Асенька. Честное слово, я не хотела тебя обидеть. Сердишься?

— Мне спать хочется,— ответила Ася, не глядя на Гулю.— Думаешь, если ты выспалась, так уж никому спать не надо?

Она принялась стелить себе в уголочке. Поворошила сено, сверху бросила с размаху шинель.

— Ложись на нарах,— сказала Гуля.

Ася ничего не ответила, легла и повернулась к Гуле спиной. Гуля подошла к Асе, села рядом, поцеловала её в голову.

— Перестань, Асенька. На войне нельзя ссориться. Потом пожалеешь, да поздно будет.

Ася посмотрела на Гулю и вдруг залилась слезами:

— Ты сама знаешь, как я люблю тебя! Только пойми, что я не могу быть такой, как ты. Но я стараюсь, я всё делаю.

— Всё, всё, Асенька,— сказала Гуля.— Ты отлично работаешь... Но знаешь, я всё-таки поговорю в штабе, чтобы тебя отпустили домой.

— Не надо! — вскрикнула Ася.— Я не хочу! Я буду здесь до конца. С вами.

— Ася...— Гуля погладила её тёмные гладкие волосы.— Ася, я же вижу, что ты очень, очень устала. А жизнь здесь такая трудная. Ты думаешь, нам с Людой не трудно? Ещё как! Но только мы покрепче тебя...

— Я привыкну,— сказала Ася и укрыла ноги краем своей шинели.— Только ты никому не говори, чтобы меня отправили в тыл. Ты слышишь, я не хочу!

— Ну хорошо, хорошо!

Ася смотрела на Гулю, и в глазах подруги Гуля прочла тревогу.

— Что ещё, Асенька?

— Ничего,— сказала Ася.

Ей хотелось сказать, что уже третий день, как нет мальчиков, но она побоялась огорчить Гулю. Да и усталость взяла своё.

Ася скоро уснула, а Гуля ещё долго сидела, опершись на шаткий самодельный столик, и смотрела на эту худенькую черноголовую девочку, по-детски свернувшуюся клубком.

Гуля знала о ней совсем немного: что она из-под Минска, что брат её на другом фронте и давно не пишет, отец давно умер, а мама с младшей сестрёнкой в каком-то колхозе под Уфой и тоже давно не пишут. Вот и всё. А какой родной казалась ей эта девочка! Будто родились в одном городе, выросли вместе и в одну школу вместе ходили...

«Да, хорошая школа — война!»

А утром вернулись Саша и Гриша. Голодные, оборванные, в ссадинах, они всё же по-военному подтянулись перед офицером Фасаховым и доложили:

— Товарищ начальник! Задание выполнено!

И они подробно рассказали, где и сколько у немцев орудий и танков.

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ТРЁХ ДОРОГ

Гулю приняли кандидатом в члены партии. Это было для неё большим и радостным событием. Много раз перечитывала она боевую характеристику, которую дал ей, рекомендуя её в партию, командир батальона:

«...Комсомолка Королёва личным примером храбрости и геройства вдохновляет бойцов на новые и новые подвиги».

«Неужели это про меня написано?» — с удивлением думала Гуля.

Ей казалось в эти дни, что она сразу выросла, повзрослела и должна готовиться к ещё более трудным испытаниям. А время было напряжённое, переломное. Наши части, сдерживая противника, готовили силы для будущего наступления, для решительных боёв...

Люда Никитина только что кончила перевязывать новую партию раненых. Она мыла у себя в дежурке руки под жестяным рукомойником, когда на пороге неожиданно появилась Гуля.

— Ты почему не отдыхаешь? — спросила Люда.— Ведь всю ночь работала!

— Ты понимаешь,— задумчиво сказала Гуля,— меня сейчас вызывали в штаб.

— Зачем?

Гуля скинула полушубок и присела на табуретку.

— Как тебе сказать?.. Помнишь, в былине об Илье Муромце есть такое место. Илья Муромец остановил коня на перекрёстке трёх дорог и читает надпись на белом камне: по одной дороге пойти — богатым быть, по другой дороге пойти — женатым быть, по третьей дороге пойти...

Гуля не договорила.

«Убитым быть»,— припомнила Люда, но тоже не решилась почему-то выговорить эти слова.

— Ну, так вот,— сказала Гуля,— я тоже стою на перекрёстке трёх дорог. Мне предлагают на выбор: работать в политотделе дивизии секретарём или поехать учиться. В Москву.

— А третье что предлагают? — спросила Люда.— Какая третья дорога?

— Да больше и не предлагают. Но дело в том, что меня не устраивает ни то, ни другое. Разве я с моей энергией выдержу долго на секретарской работе? Посуди сама. А в Москву я не хочу. То есть я очень хочу, и сказать тебе не могу, как я была бы рада Москву снова увидеть, папу... Мне и учиться хочется. Столько времени книги в руках не держала. И вообще одно слово «Москва», сама знаешь, что́ для меня значит. Но я не могу отсюда уехать.

И Гуля, шагая по дежурке из угла в угол, стала с жаром втолковывать Люде, что она просто не в силах расстаться с людьми, с которыми прошла огонь и воду в самом буквальном смысле этого слова, и что она не может уехать в тыл именно тогда, когда их полк и вся дивизия готовятся к самым горячим боям.

Люда ничего не сказала, но невольно подумала:

«Значит, третья дорога...»

И сама испугалась этих слов.

«Ох, и зачем только она вспомнила своего Илью Муромца!»

Люда с досадой тряхнула головой и, чтобы заглушить непрошеную тревогу, сказала весёлым голосом:

— Значит, так и решила оставаться с нами? Ну ладно, будем считать, что ты уже вернулась из Москвы. Вечером, если будет тихо, отпразднуем твоё возвращение. Откроем консервы. Позовём товарища Плотникова, Топлина, песни петь будем, ладно?

— Ладно,— сказала Гуля, и глаза у неё сделались весёлые, почти озорные.— Знаешь, Людушка, самое трудное на свете — это выбирать. А уж если выбрала, дальше всё легко.

АСЯ

Греясь у печки, Гуля перечитывала только что полученные письма. Одно было фронтовое — от Эрика, другое — домашнее, заботливое, полное всяких милых, мирных новостей: Ёжик запрятал чайные ложки в чьито валенки, утопил в ведре с водой башмак, подрался с соседским мальчиком, который старше его на целых два месяца.

Гуля долго держала на ладони маленькую фотографическую карточку.

— Вот как он вырос, мой Ёжик! Уже не младенец, а настоящий мальчишка!

И она представила себе уфимский двор, весь засыпанный снегом, и своего Ёжика в мохнатой шубке, подталкивающего одной ногой маленькие санки.

Эрик написал ей всего несколько строк. Видно, ему было некогда. Посылал номер своей полевой почты, обещал скоро написать ещё, если только доведётся снова держать в руках карандаш и бумагу.

Гуля понимала в этом письме каждое слово, каждую чёрточку. Она бы и сама написала точно такое же письмо,

если бы узнала адрес Эрика прежде, чем он разыскал на фронте её.

На столике дежурки лежал ещё один конверт. Не то детским, не то старческим почерком на нём было написано Асино имя.

Вот оно, долгожданное письмо из уфимского колхоза! Поскорее бы пришла Ася...

Наконец дверь открылась. Ася вошла, вся осыпанная хлопьями снега. Синими от холода пальцами она едва-едва расстегнула ворот полушубка.

— Садись скорее к печке,— сказала Гуля.— Грейся... Ну что, хорошо тебе?

— Хорошо!

— А сейчас будет ещё лучше!

И Гуля положила ей на колени маленький конвертик.

— От наших! — шёпотом сказала Ася.

Долго, шевеля губами и покачивая головой, читала она это письмо.

— Ну что? — спросила Гуля.

— Пишут, что теперь у них всё хорошо,— переводя дух, ответила Ася.— Устроились, живут ничего... Сестрёнку счетоводом взяли, мама шьёт. И от брата открыточку получили — жив.

Ася прижала письмо к щеке и засмеялась:

— Ух, как я рада!

— Вот видишь, я тебе говорила...

— А мне, девушки, ничего сегодня не было? — спросила Люда, входя в дежурку и с одного взгляда заметив письма в руках у подруг.

— Тебе завтра будет,— ответила Гуля.— У меня такое предчувствие.

— Ну, смотри же, чтоб было письмо! А то мне на вас глядеть завидно. Вон вы какие сегодня весёлые! Ну, хоть расскажите мне ваши новости, если уж у меня своих нет.

И все три девушки, усевшись у огня, принялись опять и опять перечитывать домашние письма.

Уже время клонилось к вечеру и казалось, что день так и пройдёт спокойно, без боя, как вдруг неожиданно где-то затрещала пулемётная очередь, застрочили автоматы. Началась перестрелка. По боевой тревоге Гуля и Ася встали, оделись, перекинули через плечо свои санитарные сумки и вышли из землянки.

К ночи бой утих.

По степи, белой от инея, пробиралась, объезжая окопы и траншеи, санитарная машина. Санитары вытащили из машины носилки. Люда в халате поверх шинели выбежала встречать раненых. Ещё издали она услышала голос Гули:

— Осторожней, осторожней, не трясите!

Носилки, слегка покачиваясь, двинулись по направлению к крыльцу. Люда привычно наклонилась и заглянула в бледное лицо раненого.

— Ася!

Гуля молча кивнула ей головой.

— Думаешь, серьёзно?

— Мгм...— не разжимая губ, ответила Гуля.

Больше они между собой не говорили. Нужно было делать обычную работу — принимать, перевязывать раненых. А в это время хирург медсанбата делал Асе операцию. Медлить нельзя было — положение оказалось очень серьёзным.

И вот операция кончена. Ася неподвижно лежит на койке. Гуля и Люда не отрываясь смотрят на её похудевшее сразу лицо, на большие блестящие глаза.

— Девушки,— с трудом говорит Ася и облизывает сухие губы,— что они говорят? Я выживу?

— Ну конечно! — отвечает Гуля уверенно и спокойно.

Ася переводит на неё лихорадочный взгляд.

— Да, да, Асенька, самое страшное уже позади. Какой ты молодец у нас! Доктор говорит — ты героиня!

Ася чуть улыбается одними губами.

— Нет, я не героиня... Я только терпеливая...

— Это и есть настоящий героизм!

Гуля наклоняется к Асе, уловив какое-то лёгкое движение её ресниц.

— Что, Асенька, что?

— Мне очень хочется жить, быть с вами! Я ведь всё время была с вами! — тихо, почти беззвучно говорит Ася.— Но если я умру...

— Не надо так думать, милая,— прерывает её Гуля.— Лежи тихонько, не шевелись.

— А где Люда? — спрашивает Ася.

Но Люды возле койки нет. Она не выдержала и выбежала за дверь — плакать.

— За лекарством пошла,— не теряясь, говорит Гуля.

— Пускай вернётся скорее,— шепчет Ася.

Люда и в самом деле скоро возвращается, но Ася уже не видит её.

Она говорит что-то невнятное, просит помешать угли в печке, называет имена каких-то незнакомых людей, зовёт маму. Потом она совсем затихает. До рассвета Гуля и Люда по очереди дежурят у её койки. А ранним утром, накрыв простынёй умершую Асю, они тихонько выходят в морозную синеву.

Где-то тяжело ухают орудия. Начинается новый день войны.

— Вот и нет нашей Аськи...— говорит Люда и вытирает рукавицей мокрые щёки.

— Как это нет? — строго и даже гневно перебивает её Гуля.— Надо уметь помнить! Помнить всё — каждое слово, каждое движение, каждый стон... Она отдала жизнь вот этой земле, нам, жизни... А ты говоришь — её нет!

Люда с удивлением посмотрела на Гулю.

— Это правда,— сказала она робко.— А всё-таки...

— Я сама знаю, что всё-таки!..

И, закрыв глаза ладонями, Гуля бегом побежала к землянке по хрусткому снегу.

ДВОЙНОЙ ПРАЗДНИК

Выпавший в конце октября снег быстро растаял, и наступившая было зима снова сменилась тёмной осенью.

Настал канун двадцать пятой годовщины Октября...

Ночью разыгралась буря. Ветер, казалось, совсем сошёл с ума. Он сшибал с ног, пронизывал до костей. Пробираясь в густом мраке по чёрной, ухабистой, взъерошенной земле, Гуля возвращалась к себе в роту вместе с Кадыром Хабибулиным, уже оправившимся от своей раны, и другим бойцом того же подразделения, Митей Грещенко.

Все трое шли молча, ощупью, стараясь ступать как можно тише. А сверху лило, и вода хлюпала под сапогами и в сапогах.

Гуле казалось, что они никогда не выберутся из этого мрака и холода, и ей хотелось крепче сжать руку товарища, чтобы снова ощутить живое тепло, почувствовать, что ещё есть на земле жизнь.

Точно в ответ на её мысли, большая рука Кадыра нащупала её руку в темноте и уверенно потянула куда-то вправо.

— Айда́ за мной,— сказал Кадыр.— Пришли.

Гуля ощутила под ногами ступеньку, вырытую в земле, и стала спускаться вслед за Кадыром. Сзади шёл Грещенко.

Кадыр открыл дверь, и весёлый огонёк коптилки, как крошечный маячок, блеснул перед глазами. Пахну́ло жилым теплом.

Все трое, нагнув головы, один за другим вошли в землянку. Там уже спали — кто на нарах, кто на полу на сене, накрывшись полушубками и шинелями. Не спал только один паренёк. Он возился у печки.

— Ну, как? — спросил он, снимая с огня закипевший чайник.— Живы?

— Сам видишь,— ответил Кадыр.

— Удалось?

— Ещё как!

Гуля выжала на себе юбку и, присев на край скамьи, стала стягивать с ног отяжелевшие от воды сапоги.

— Ещё как удалось! — повторила она и негромко засмеялась.— Вот рассветёт — полюбуетесь!

— Под самым носом у немца пристроили,— сказал Грещенко.— В аккурат перед самыми окопами.

— Ну, завтра обстреливать, подлец, начнёт,— сказал паренёк и налил всем по кружке чаю.— Грейтесь, ребята!.. И что это за девчата нынче пошли бесстрашные! — добавил он, выбирая из горсти сухарей один побелее и пододвигая его к Гуле.

Гуля долго сушилась у печки, обогревалась горячим чаем. Потом она укрылась шинелью и прикорнула в уголку. Но спать ей не хотелось. Чуть только рассвело, она пошла посмотреть на свою работу.

В нескольких метрах от немецких окопов на подбитом танке развевался, хлопая от ветра, советский флаг. Широкое полотнище играло и переливалось мягкими складками. Оно как будто бросало вызов врагу, и немцы, видно, это почувствовали. Из окопа вылез сначала один немец, потом ещё двое.

Этого только и нужно было нашим снайперам. Щёлкнул выстрел, другой. Две серые фигуры остались лежать на мокрой земле. Третий немец припал к земле и, чуть заметно пятясь, уполз к своему окопу.

— Нынче нашим снайперам дела хватит! — сказал Грещенко, незаметно появившийся возле Гули.— А ты, Королёва, иди-ка в землянку. Из штаба вызывают.

Гуля сбежала вниз по ступенькам. Ещё за дверью она услышала длинный телефонный звонок.

— Третий раз тебя вызывают,— сказал связист.

Гуля схватила трубку.

— Сержант Королёва? — услышала она знакомый голос одного из офицеров первого батальона, Троянова.— С двойным праздником поздравляю.

— Спасибо, товарищ старший лейтенант... Только почему же с двойным? — спросила Гуля.

— А как же! С годовщиной Октября и с орденом!

— С каким орденом?

— Боевого Красного Знамени.

Телефонная трубка чуть не выпала у Гули из рук.

— Честное слово?

Троянов засмеялся:

— Честное пионерское!

— А кого ещё из наших наградили? Всех?

— Ну вот ещё, всех! Кого следовало, тех и наградили.

— Да разве меня следовало?

— Выходит, что так.

В трубке щёлкнуло. Разговор был окончен. Гуля стояла у телефона взволнованная, растерянная.

Дверь распахнулась. В землянку вошла Люда.

— Что с тобой? — спросила она с тревогой.— Случилось что-нибудь?

— Нет... То есть да! Я орден получила!

Люда бросилась её обнимать.

— Я так и знала, так и знала! — твердила она.

— А вот мне и в голову не приходило,— задумчиво сказала Гуля.— Ужасно странно...

— Ничего странного,— рассердилась Люда.— Мало ты раненых на своих плечах перетаскала? Мало людей спасла? А сколько раз ходила в разведку? И ведь никто не посылал, по доброй воле...

— Нет, у меня сейчас воля злая,— сказала Гуля.— Только бы наступления дождаться!

Вечером Гулю и Люду позвали в блиндаж к Троянову. Кроме командиров, здесь были и бойцы, награждённые орденами.

На дощатом столе, на земляных полочках было разложено всякое угощение — копчёная колбаса, конфеты, пряники,— всё, что прислали к этому дню в ящичках и кульках из далёкого тыла. В больших жестяных банках желтел

густой, тяжёлый мёд. Это Башкирия прислала подарок дивизии, сформированной на её земле.

Эшелон, гружённый подарками, прошёл сквозь пламя фронта и принёс взрослым людям радость — почти детскую. В блиндаже запахло чем-то домашним, уютным, вкусным.

— Праздником пахнет,— сказал кто-то.

Троянов разлил по стаканам и кружкам вино. Кадыр Хабибулин, который одновременно с Гулей был награждён орденом, торжественно взял в руки свой стакан.

— Разрешите сказать, товарищ старший лейтенант,— обратился он к Троянову.

— Говори, Хабибулин, говори.

— Не знаю, как сказать...— начал Кадыр задумчиво.— Когда я вот такой был,— он показал рукой на аршин от земли,— я одно слово от отца слышал. А мой отец от своего отца это слово слышал. Будто джигиты наши со своим командиром до Парижа дошли (такой город есть), когда Наполеона гнали. Вот хочу я выпить, чтобы наша дивизия до Берлина дошла!

— Есть такой город! Дойдём до него! — сказал Троянов, и все дружно захлопали в ладоши.

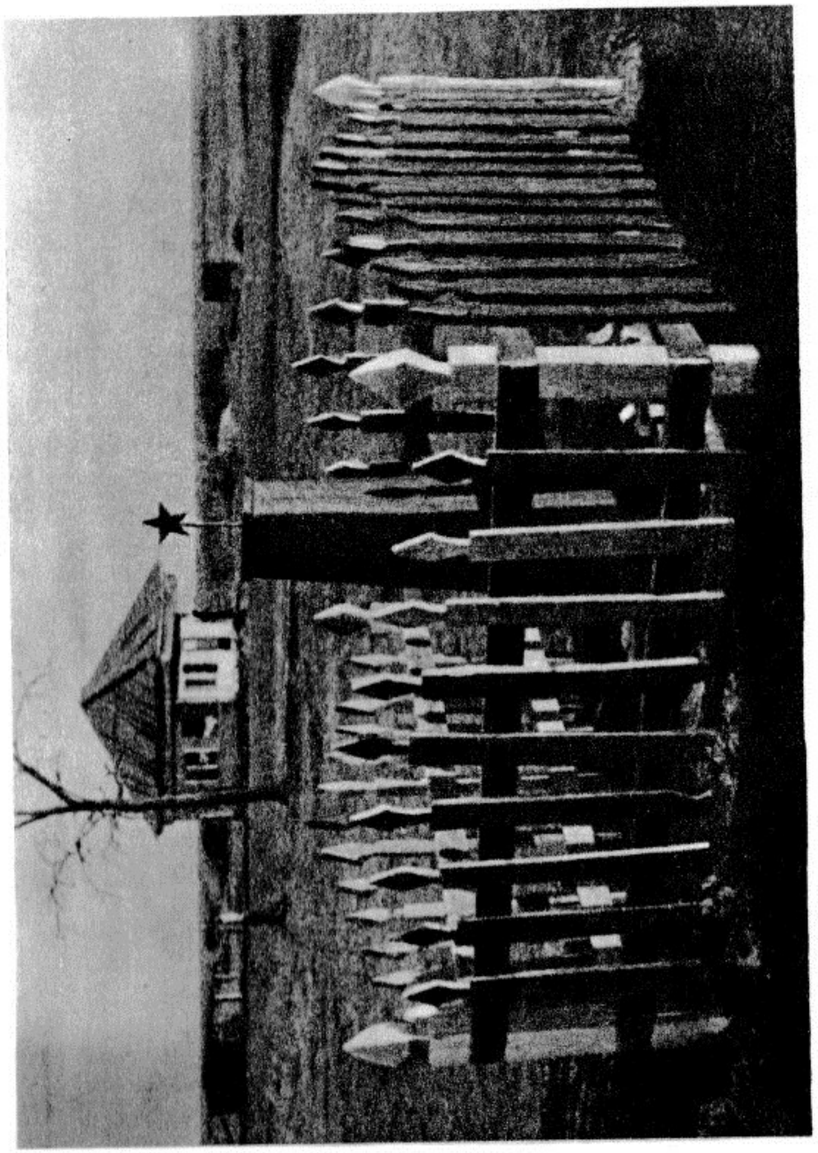
С лёгкой руки Хабибулина все развеселились. Вина было немного, и поэтому чуть ли не каждый глоток вызывал новый тост. Пили за родных, разбросанных по далёким городам и сёлам, за товарищей на других фронтах, за города, в которых выросли или которые прошли с боем.

— Товарищи! — негромко сказал Алексей Топлин, командир артполка.

В блиндаже было шумно, но все услышали его и обернулись.

— Товарищи! — повторил Алексей Топлин.— Давайте выпьем за победу, которая уже не за горами, за то, чтобы эта война была самой последней на земле!

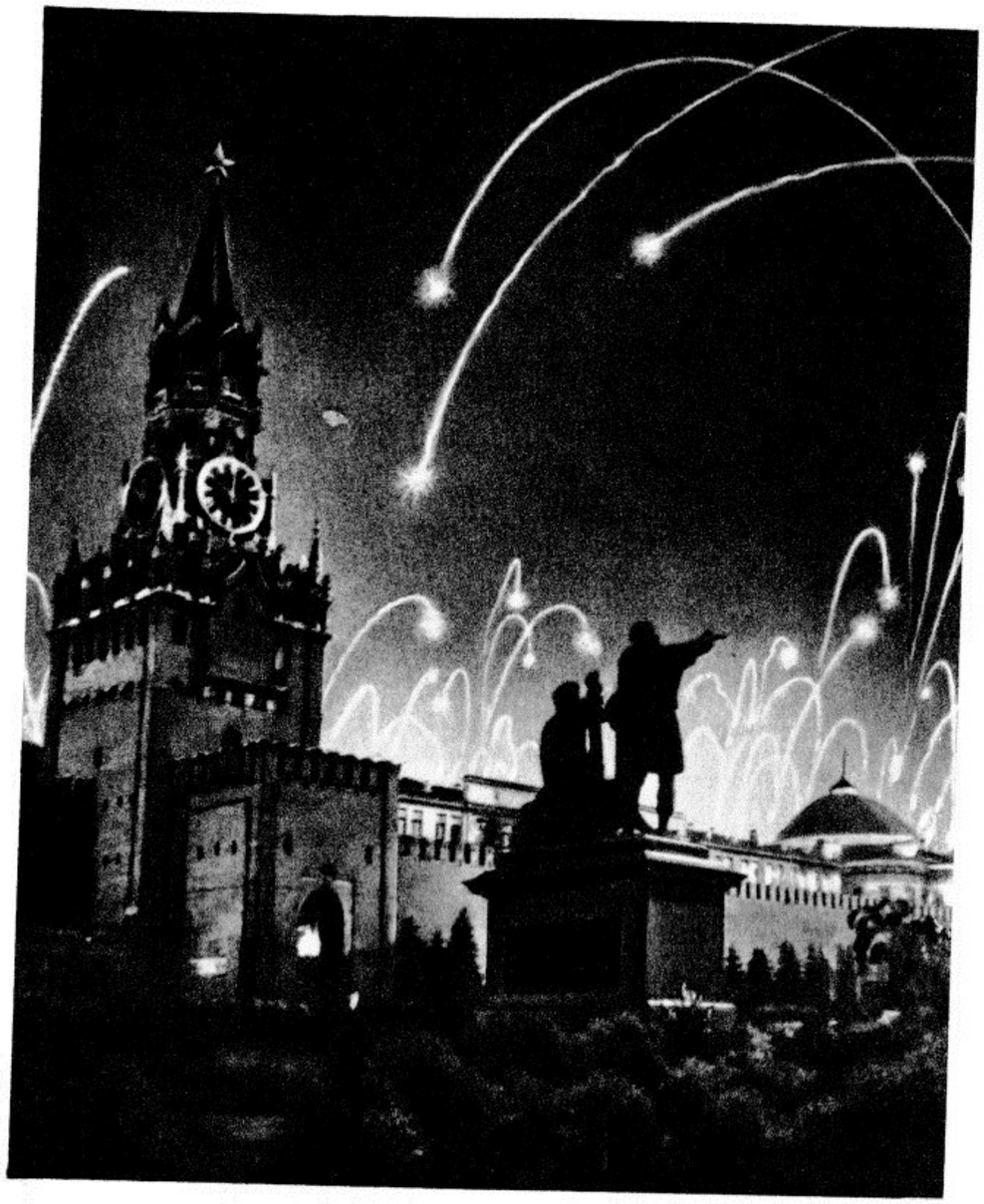
Разом сдвинулись, стукнувшись одна о другую, жестяные и алюминиевые кружки.



Здесь похоронена Гуля Королёва.

Памятник на могиле Гули Королёвой. воздвигнутый после победы.

Мемориальная доска в Артеке.



Салют победы.

— Пейте до дна! — предложил кто-то.— Лучше Топлина всё равно никому не сказать!

— Погодите,— сказала Гуля,— оставьте хоть по глотку. Это верно, что лучше нашего последнего тоста ничего не придумаешь. Поэтому я и не буду ничего говорить. Давайте молча, без слов, выпьем за тех наших товарищей, которые ещё вчера были с нами и которых больше нет.

— За Асю! — шёпотом сказала Люда.

— И за неё!

В блиндаже стало тихо. Но ненадолго. Дружный и грозный залп потряс воздух. Все станковые пулемёты, все автоматы и винтовки били по немецким окопам.

— Это наш салют большой победе! — сказал Троянов.

— Нет, тот будет громче! — ответила Гуля.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ

Части 214-й дивизии, стоявшие против излучины Дона, вместе со всей Донской армией ждали приказа о наступлении. Предстояло прорвать вражеские позиции, на укрепление которых противник затратил три месяца. Он создал здесь чрезвычайно сильную оборону. Иногда на глазах у наших войск гитлеровцы силой сгоняли со всех хуторов людей — стариков, женщин, заставляя их рыть траншеи. Стрелять наши не могли — ведь впереди были свои, советские люди!

Огромное количество вражеских траншей и окопов были прорыты настолько глубоко и широко, что в них помещались даже орудия и миномёты. И при этом устроены эти траншеи и окопы были с таким расчётом, чтобы вести из них перекрёстный огонь. А перед траншеями и окопами находились всевозможные препятствия: минные поля и бесконечные ряды колючей проволоки с набросанными на неё жестяными банками. Банки предназначались для того, чтобы тот, кто хоть слегка прикоснулся бы к проволоке, сразу вы-

дал себя, подняв трезвон. На случай же прорыва обороны за всеми этими заграждениями громоздились баррикады — подбитые танки, башни, снятые с танков. Из этих подбитых танков и башен вели огонь автоматчики и снайперы.

Немало было и всевозможных неожиданных «сюрпризов», которые враг разбрасывал везде, где только мог: там и тут брошены были, словно их кто-то потерял здесь, велосипеды, чемоданы, патефоны. Казалось, что вещи эти, такие обыкновенные и мирные с виду, сами напрашивались, чтобы их взять в руки. Но каждая таила в себе смерть, каждая была заминирована.

Все до единого селения, все высоты связаны были между собой ходами сообщения и составляли единую и, казалось, совершенно неприступную оборону. Ключом этой обороны была высота 56,8.

И всё же нашим частям предстояло эту оборону прорвать во что бы то ни стало.

В холодную ноябрьскую ночь — в ночь на 22 ноября — командиры и политработники первого батальона собрались в блиндаже. В эту ночь никто не прилёг ни на минуту. Дымя трубкой, командир батальона Плотников рассказывал товарищам о том, что делается на Волге.

— Ух, и жарко там! — говорил он негромким, но внятным голосом человека, который привык командовать.— Земля не выдерживает, дыбом стоит. Волга горит — нефтехранилища взорваны. Всё рушится — камни, бетон, железо. А люди, обыкновенные люди — такие, как мы с вами, из плоти и крови,— держатся! Уму непостижимо, а держатся.

Плотников постучал трубкой о кулак и, помолчав, продолжал:

— Вот, скажем, завод «Красный Октябрь» расположен у самой Волги, на берегу. Теперь это одни развалины. Но люди — бойцы и свои, заводские,— дерутся за каждый камень. Удерживают полоску земли в десяток метров. Кругом всё горит, земля ходуном ходит, а люди стоят. Стоят насмерть. И уверены, что выстоят... Вот, товарищи,— помолчав, сказал он,— мы их подвести никак не можем. Права такого не имеем.

В блиндаже пахну́ло струёй свежего воздуха. Дверь приоткрылась, и на пороге появилась Гуля. Она только что отвезла на машине раненых и вернулась в часть, захватив с собой почту.

Нагнув голову, она вошла в блиндаж в своём маскировочном халате поверх кожаного полушубка. Сняв меховые рукавицы, Гуля открыла санитарную сумку.

— Ты чем это нас угощать хочешь? — спросил кто-то.

— От такого угощения никто не откажется! — сказала Гуля и, вытащив из сумки пачку писем, принялась раздавать их командирам.

— Да где же ты их раздобыла ночью?

— Военная тайна! — смеясь, ответила Гуля.— Одно могу сказать: не сама написала.

«Как хорошо, что мне удалось привезти им эти письма перед самым наступлением!» — думала она, глядя на посветлевшие лица людей.

Все придвинулись к огню и почти заслонили его. Каждый читал по-своему: один — нахмурив брови, другой — чуть улыбаясь и покачивая головой, третий — взволнованно перебирая странички, заглядывая в конец и опять возвращаясь к началу.

Как любила Гуля каждого из этих людей! Как много с ними она пережила, сколько раз вместе с ними бывала на волосок от смерти! Сейчас, во время чтения писем, они казались ей не взрослыми людьми, а мальчиками, которые с жадным вниманием рассматривают долгожданные подарки. А ведь почти все они гораздо старше её. Вот Иван Антонович Плотников. Мужественный в бою, он так прост и сердечен с товарищами! Чем-то он даже напоминает ей отца, хотя ничуть не похож на него. Ах, милый отец! Что-то он делает сейчас в Москве? Он, по своему обыкновению, поздно ло-

жится спать и, верно, сейчас ещё не спит. Заглянуть бы к нему на Сивцев Вражек, взбежать по лестнице и неожиданно позвонить у дверей.

И Гуля с необыкновенной ясностью представила себе лицо отца, удивлённое и взволнованное её неожиданным появлением. Лицо тонкое, ещё молодое, хоть и немного усталое. Он снял свои очки в широкой оправе и глядит на неё напряжённо, чуть прищурясь...

А что делает сейчас мама? Милая, дорогая моя мамочка! Сидит, верно, за столом, освещённым маленькой лампой, в далёкой уфимской комнате и пишет письмо своим тонким, убористым почерком, поглядывая время от времени в тёмный угол, где спит в своей кроватке Ёжик.

И Гуля словно увидела вновь мамины седеющие волосы, её тёплые серые глаза, услышала её грудной, всегда взволнованный голос.

Дверь снова хлопнула. В блиндаж вошёл связной офицер из штаба полка. Все сразу обернулись к нему, наскоро складывая и пряча письма.

Командир батальона Плотников бережно распечатал доставленный пакет и с каким-то особенным вниманием прочёл бумагу.

— Товарищи,— торжественно сказал он,— получен приказ: завтра в восемь тридцать...

— Наступление! — подхватило несколько голосов.

Плотников кивнул головой.

— Да, наступление, к которому мы так тщательно готовились.

«Началось!» — подумала Гуля и неожиданно для самой себя сказала:

— Извините, товарищ капитан! Очень прошу вас учесть мою просьбу. Позвольте мне участвовать в бою... Хоть рядовым бойцом, если нельзя дать мне подразделение!

Плотников пристально посмотрел на неё.

— Там видно будет,— сказал он и стал разъяснять командирам подразделений смысл приказа.

— Нам нужно взять,— негромко и веско говорил он,— один из главных опорных пунктов противника: высоту 56,8. Опираясь на эту высоту, мы должны будем обеспечить дальнейшее продвижение батальонов и выполнение задач полка...

Так говорил командир батальона. Все понимали, что этот приказ — только частичка той большой задачи, которая стояла перед нашими войсками, сосредоточенными между Доном и Волгой. А эта большая задача заключалась в том, чтобы окружить трёхсоттысячную армию противника, замкнуть стальным кольцом вражеские силы, а затем их ликвидировать. От этого наступления зависело всё — не только судьба Волги, к которой рвался враг, но и судьба всей нашей Родины.

И вот это великое, решающее наступление началось. Герои осаждённого, разрушенного почти дотла города уже услышали гул нашей канонады со стороны станицы Клетской. И теперь приближалась минута, когда они должны были услышать гул наших орудий со стороны Паншина, откуда готовила своё наступление и штурм высоты 56,8—214-я дивизия.

Плотников развернул карту и принялся подробно объяснять офицерам, что́ предстоит делать каждому из них.

— Ну как, всё ясно? — спросил он.

— Ясно! — раздались голоса.

— Тогда по местам, товарищи. Доведите приказ до каждого бойца.

Командиры поднялись и вышли один за другим.

Близился рассвет. В блиндаже стало просторно.

Гуля надела полушубок, проверила свой автомат и вышла вместе с Трояновым.

Но тут её кто-то окликнул. Она оглянулась.

Это был Шура Филатов, шестнадцатилетний подросток. Он казался Гуле совсем мальчиком. У него были пухлые щёки, вихор на лбу, и смотрел он исподлобья, чуть-чуть обиженно и застенчиво, хотя обижаться ему было не на кого:

на фронт он пошёл добровольно и в полку его все очень любили. Разве только одна была у него обида — его слишком берегли, а он рвался в бой.

— Я тоже хочу в наступление,— сказал он нахмурившись.

— Мало ли что ты хочешь,— отрезала Гуля.— Подожди, наступать будем не один день. Это только начало. На всех дел хватит.

И она быстро пошла вперёд — догонять Троянова. На ходу ей вспомнилось, как совсем недавно Шура чуть было не погиб. Он тащил какие-то провода на крышу дивизионного клуба. В эту минуту фашистской бомбой словно отрезало половину дома. Шура без памяти скатился с крыши.

«А ещё в наступление просится, неугомонный!» — подумала Гуля, забыв в эту минуту, что она сама была такой же неугомонной, как и Шура.

ЧЕТВЁРТАЯ ВЫСОТА

Было семь часов утра. Вокруг расстилались холмы и лощины, подёрнутые дымкой тумана. Здесь, на передовой, чуть ли не каждый бугорок, каждый пригорок носил своё военное название. Впереди виднелись скаты холма, называвшегося высотой 56,8. Слева, ближе к нам, резко выделялась опутанная колючей проволокой высота «Артиллерийская». Обе высоты были заняты немцами.

Прошло ещё полчаса, и в семь тридцать, ровно за час, назначенный для наступления, где-то рядом загрохотало так, что задрожала земля... Началось то, что называется артподготовкой. Нельзя было различить отдельных залпов в этом сплошном, почти непереносимом оглушительном грохоте. Земля дрожала от непрерывных взрывов.

Под густым покровом дымовой завесы двинулась, приближаясь к рубежу противника, наша пехота. Но пока это

ещё не атака. Атака начнётся тогда, когда дадут сигнал «катюши»...

«Слышат ли они нас там, в городе? — мелькнула у Гули мысль.— Не может быть, чтобы не слышали. И как, верно, радуются!»

Гуля тоже подвигалась вперёд вместе с бойцами первого батальона...

И, хотя люди давно уже с нетерпением ждали сигнала к наступлению, он пришёл для всех неожиданно. Что-то с пронзительным, поющим звуком понеслось в сторону врага.

«Катюши» заиграли! — поняла Гуля, и у неё радостно забилось сердце.— Вот оно, долгожданное!»

И сразу же, точно подхватив этот грозный запев «катюш», загремело раскатистое «урр-аа...». Под покровом дымовой завесы ринулись в атаку два наших стрелковых полка — 780-й и 776-й.

Придонские степи как будто разом ожили. «А... а... а...» — отозвались они на тысячеголосое «ура». Торопливо затрещали автоматные и пулемётные очереди — то длинные, то короткие.

Всю прошлую ночь, накануне наступления, сапёры подготавливали проходы в проволочных заграждениях и в минных полях. И вот теперь, проскочив стремительным броском небольшое расстояние, отделявшее нас от противника, воины наши ворвались в траншеи врага. Впереди, на отвоёванном только что участке земли, появился красный флажок— первый вестник победы. За ним заалел второй, за вторым — третий...

Но сопротивление врага нарастало с каждой минутой. Притихшие было во время артиллерийской канонады вражеские точки теперь разом ударили по наступающим.

Командир дивизии генерал Бирюков, а вместе с ним комиссар Соболь и несколько офицеров штаба смотрели со своего наблюдательного пункта — через амбразуры блиндажа — то в полевые бинокли, то в стереотрубу. Они видели и

понимали всю напряжённость положения: соседние полки, которые должны были выступить одновременно и прикрыть наши наступающие полки с флангов, почему-то отстали. Нелётная туманная погода помешала вылету нашей авиации. Танки ещё не перешли в наступление...

А тем временем, глубоко вклинившись в оборону противника, наши части оказались под яростным, губительным огнём и с фронта и с флангов особенно.

Бой не утихал ни на одну минуту. Он шёл за каждый окоп, за каждый метр траншеи и хода сообщения.

Забрасывая врага гранатами, бутылками с горючей смесью, наши бойцы врывались в траншеи, в окопы и в рукопашной схватке добивали врага. Но и отвоёванный клочок земли сразу же становился ареной боя. Выход из траншей враг сразу же заваливал мешками с песком, мотками колючей проволоки, и траншея попадала под непрерывный обстрел.

Троянов, Гуля и ещё несколько бойцов из первого батальона пробирались по ходу сообщения вперёд — то ползком, то перебежками. Гуля вглядывалась в даль — туда, где темнела окутанная дымом высота. Дым постепенно рассеялся, и, когда последние клубы его растаяли и расплылись в белёсом утреннем воздухе, Гуля увидела, как на левом фланге, на юго-восточных скатах высоты, заалел флаг.

— Товарищ старший лейтенант! — радостно закричала Гуля.— Высота наша!

Троянов, не отрывая бинокля от глаз, давно уже смотрел вдаль.

— Наша! — сказал он чуть охрипшим от волнения голосом.— Это первая рота добралась... Молодцы!

В эту самую минуту рядом с Трояновым вырос связной. Добравшись сюда по ходам сообщения, он передал приказ комбата Плотникова выдвинуться на высоту, на юго-восточные скаты, которые только что взяла первая рота,— выдвинуться и всеми силами удерживать этот фланг до прихода подкрепления.

— Я с вами,— умоляюще сказала Гуля,— там, верно, раненых много!

— Нет уж,— ответил Троянов,— оставайся здесь. Их сюда переправят.

— Товарищ старший лейтенант!..

Троянов пристально поглядел на Гулю и задумался. В этом ясном, прямом взгляде было сейчас столько решимости, страсти, почти вдохновения, что он невольно кивнул головой и сказал:

— Хорошо. Идём.

Через несколько минут небольшая группа двинулась по ходам сообщения к высоте. Тут был и Митя Грещенко, на этот раз он был вооружён ручным пулемётом, и Кадыр Хабибулин с автоматом.

До высоты, казалось, рукой подать. Но каждый шаг этого пути стоил целого километра. Гуля пробиралась следом за Трояновым.

Но вот где-то совсем близко от неё охнул и приник к земле боец. Гуля оглянулась. Ранен? Так и есть. И, перехватив поудобнее свою санитарную сумку, она выбралась из траншеи и поползла к раненому. Никогда ещё не приходилось ей работать в такой трудной обстановке. Нельзя было поднять голову, встать на колени.

Лёжа, опершись на локоть, Гуля кое-как забинтовала рану и огляделась: что ж теперь делать? Троянов со своей группой далеко продвинулся вперёд. Они вдвоём остались среди взрытого снарядами поля — она и раненый боец. Не бросать же его тут одного!.. Высмотрев неподалёку оставленный противником окоп, Гуля потащила туда раненого. Доползти и догнать своих! Доползти и догнать! Но по дороге к окопу она заметила ещё одного бойца, скорчившегося на земле. Уложив первого раненого на дно окопа, она поползла ко второму. И снова та же трудная, неловкая работа, снова тот же долгий путь среди рвущихся снарядов и мин к заброшенному окопу.

Она добралась до высоты, опоясанной траншеями, тогда,

когда защитники высоты уже укреплялись и занимали свои места.

— Наконец-то! — крикнул Троянов, завидев Гулю издали, и по голосу его она поняла, как рад он, что она жива, и как упрекал себя за то, что взял её с собой.

Они не успели перекинуться и несколькими словами. На узкой лощине, идущей от высоты Золотого рога к высоте 56,8, вдруг с грохотом и лязгом гусениц появились вражеские танки. За ними шли немецкие автоматчики. На взрытой снарядами земле отчётливо выделялись их тёмные фигуры. По сравнению с горсточкой наших людей их было очень много — несколько сот человек.

«Контратака!» — поняла Гуля.

— По врагу — огонь! — закричал Троянов, взмахнув рукой.

И тотчас грянули залпы артиллерийских орудий, выстрелы из автоматов, застучали пулемёты. Немцы отпрянули. Всё затихло.

Но вот начался новый бой за высоту.

Гуля то перевязывала раненых, то бок о бок с бойцами била по врагу из автомата. А немцы всё усиливали огонь и с каждой минутой всё ближе подступали к позициям, которые мы только что успели занять.

Но что это значит? Оторвавшись на мгновение от автомата, Гуля увидела группу наших бойцов, отходивших по склону высоты.

«Неужели не выдержали? Отступают?» — подумала Гуля.

Она не успела разобраться в том, что происходит, и скорей почувствовала, чем осознала самое важное: немцы рядом и вот-вот займут отвоёванный с таким трудом участок. Она выбежала по ходу сообщения из траншеи, бросилась бойцам наперерез и закричала задорно, уверенно, даже повелительно, будто давно привыкла командовать:

— Товарищи, за мной!

Люди остановились.

— За мной, товарищи! — ещё раз крикнула Гуля и побежала вперёд, не чувствуя под ногами земли и ещё не зная, следуют ли за ней те, кого она позвала за собой. И вдруг она услышала позади тяжёлый топот ног. Рослый боец с винтовкой наперевес обогнал её, за ним другой, третий... Вместе с ними она ворвалась в окоп, который уже успели занять немцы.

А тем временем Троянов и бойцы отбивали атаки врага. Запас патронов подходил к концу.

— Ничего, ничего,— ободряюще говорил Троянов,— подкинут, не оставят нас так!

Бойцы верили ему, но сам он с беспокойством оглядывался вокруг. Плохо дело. Этак долго не продержишься. Только и остаётся, что умереть с честью.

И вдруг в конце траншеи, вынырнув откуда-то из темноты, появилась Гуля, а с ней командир батальона капитан Плотников.

За ними шли бойцы с ящиками в руках.

— Трояныч! — весело крикнула Гуля, увидев Трояно-ва.— Подкрепление прибыло! Патроны тащим! Тореадор!

И, вспомнив арию, которую пели на перевалах Пиренеев Муссинак и Вайян Кутюрье, она пропела:

— «Тореадор, смелее в бой!»

Все бросились к патронам. Никто не спрашивал сейчас, какой ценой достались людям эти драгоценные ящики.

Опять чётко и весело заговорили пулемёты и автоматы, и немцы снова откатились.

Наступило затишье.

— Молодец, Трояныч! — сказала Гуля.— С такой горсточкой храбрецов не дал противнику занять высоту!

— Ну, а вы-то оба как нас выручили! — сказал Троянов.— Где раздобыли столько боеприпасов?

— Это пусть она расскажет,— ответил Плотников, кивнув на Гулю.

Гуля стала торопливо рассказывать о своей вылазке и вдруг, мучительно сморщившись и закусив губу, замолчала.

— Голубушка, что с тобой? — тревожно спросил Плотников.

И Троянов тоже насторожился...

— А не прогоните, если скажу?

— А куда от тебя денешься? — ответил с горькой усмешкой Плотников.

— Ногу мне поцарапало.

— Сильно?

— Да, порядком.

И тут же, в траншее, Гуля принялась с помощью Плотникова и Троянова бинтовать себе ногу.

Плотников сокрушённо покачал головой:

— Эх, и отправить тебя сейчас никуда нельзя — убьют по дороге...

— Да я и не уйду никуда,— сказала Гуля.— Ничего мне не сделается. Рана пустяковая.

И, продолжая делать себе перевязку, она не то тихонько пела, не то бормотала:

Мы теперь далеко-далеко,
Между нами поля и луга,
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага...

Тихо и задумчиво Плотников повторил:

— «А до смерти четыре шага...» —Потом вздохнул и сказал, нахмурившись: — Ну, кому-кому, а тебе ещё жить и жить. Да и нам с Троянычем помирать некогда.

Но в эту минуту что-то с огромной силой ударило и взорвалось где-то поблизости. Немцы начали новую атаку высоты 56,8.

Вокруг всё грохотало — то раскатисто, то отрывисто и часто, и в этом хаосе гула и огня трудно было понять, что происходит.

И вдруг в траншее появился — неизвестно как и откуда — Шура Филатов. Согнувшись, он тащил на спине, как ранец, большой и тяжёлый термос — литров на двадцать.

— Кушать подано,— сказал он, спуская со спины свою ношу.— Наливайте побыстрей, а то мне надо на дивизионный пункт еду доставить.

— Какой же ты молодчина, Шурка! — говорила Гуля, наскоро хлебая оловянной ложкой из оловянной тарелки горячие щи.— Пропали бы мы без тебя.

А Плотников добавил, тоже быстро уплетая ложку за ложкой:

— Вот и ты участвуешь в атаке, Филатов. Подкрепление доставил.

Уже стемнело, а бой за высоту всё ещё продолжался. Связь батальона Плотникова с командиром полка Хохловым давно прервалась. Плотников послал к нему самого изворотливого и ловкого из своих бойцов — Хабибулина. Но, должно быть, до Хохлова добраться Кадыру так и не удалось. Долгожданного подкрепления всё ещё не было. А дотянуться, додержаться надо было во что бы то ни стало...

Всю ночь не утихал бой. Наступило утро.

Гуля стояла теперь недалеко от пулемётчика Грещенко. Пулемёт его строчил не умолкая.

— Молодец, Митя! — кричала Гуля, подбадривая его.— Так их, дьяволов! Митя, смотри, наши танки пошли! Танки!

Грещенко, не отрываясь от пулемёта, что-то закричал в ответ, но слов его нельзя было разобрать.

И вдруг его пулемёт замолчал.

— Митя, что же ты?

Она положила автомат и подбежала к Грещенко. Он лежал, приникнув головой к своему пулемёту. Из-под шапки по лбу струилась кровь. Гуля схватилась за свою санитарную сумку, но это было уже не нужно. Она бережно опустила отяжелевшую голову на землю, поцеловала убитого Митю в лоб и заняла место у его пулемёта.

И вдруг Гуля увидела, как в нескольких шагах от неё,

вскинув руки, упал навзничь Плотников. Превозмогая боль в ноге, Гуля подскочила к нему, нагнулась.

— Товарищ капитан! Ванечка! — крикнула она, забыв в эту минуту, что говорит с командиром батальона.— Голубчик! Сейчас перевяжу! Легче будет. Потерпи.

Плотников тяжело и громко дышал.

Гуля выхватила из сумки бинт и быстро сделала перевязку.

А немцы уже двигались снова. Подходили всё ближе, ближе...

Оставив раненого на месте, Гуля бросилась опять к пулемёту. Меткой очередью остановила она тех, что подбирались с её стороны. Немцы залегли. Но вот пулемётный диск кончился. Она пошарила вокруг себя и поняла: стрелять нечем. Вся надежда на гранаты.

Гуля вырвала гранату из-за пояса. Крепко сжала её в руке и приготовилась... А ну, подойдите, подойдите! И в этот миг она почувствовала, что левая рука у неё стала немая, тяжёлая, словно не своя, и рукав наполнился чем-то горячим и липким. Закружилась голова...

«Только бы не упасть!»

Гуля стиснула зубы, ещё крепче зажала ручку гранаты и, подпустив немцев поближе, метнула её. Хорошо!.. Точно!..

Гуля вытащила вторую гранату, последнюю. Эту уже нельзя было бросать — её нужно было оставить для себя, чтобы не сдаться врагу живой...

Ноябрьская вечерняя мгла со всех сторон обступила высоту. И, почти сливаясь с этой мглой, чёрные на сером, надвигались всё ближе и ближе фигуры немцев...

И вдруг где-то совсем рядом в темноте раздались голоса. Как будто русский говор! Свои... Вспыхнула ракета, брошенная врагом, и осветила белым светом приближающийся полк красноармейцев. Это был ещё один полк дивизии — 788-й.

«Подкрепление!» — поняла Гуля.

Да, это было подкрепление. Полк продвигался к высоте. Но он был ещё далеко. А с высоты под натиском врага откатывалась рота первого батальона. Командира с ней не было. Осколком немецкого снаряда его убило наповал.

И опять какой-то стремительный порыв словно подхватил Гулю. Она забыла боль, усталость, страх — всё на свете.

— Товарищи! — закричала она и словно издали услышала свой сильный и звонкий голос.— Я — первая на штурм! Кто за мной? В атаку, вперёд! За Родину!

— Вперёд! — подхватил один голос.

— За Родину! — гулко отозвались десятки голосов.

Гуля, нагнувшись, пробежала несколько шагов и вдруг будто споткнулась, поднялась и снова упала.

Троянов обернулся, положил автомат на землю.

— Гуля! — окликнул он её.— Да что же это с тобой?

Но она не отвечала.

Он стал было расстёгивать ворот её гимнастёрки и почувствовал на своих руках кровь. Ранена. В грудь.

Гуля глухо застонала, рванулась и, запрокинув голову, с трудом выговорила:

— Ничего... Чья высота? Наша?

Она пыталась ещё что-то сказать, но понять её было трудно.

Уже похолодевшую Гулю бережно положили на плащ-палатку, а вокруг всё так же гремел бой за высоту.

— Прощай, Гуленька...— сказал Троянов и, обернувшись, крикнул: — Товарищи! Наша Гуля убита. Отомстим за неё!

И все, кто был вокруг, ринулись на врага. Бой за высоту разгорелся с новой силой.

Дружным, единым натиском высота 56,8 была вновь взята, отвоёвана, оплачена кровью — последняя высота в Гулиной жизни.

ДВА ПИСЬМА

В одной из комнат трёхэтажного белого дома, среди опрокинутых стульев и разбросанных кубиков, сосредоточенно трудился Ёжик. Он уже успел перевернуть вверх дном всё, что только мог, и теперь пытался сбросить с подоконника тарелку. Его бабушка только что побежала в переднюю открывать кому-то дверь, и Ёжик решил воспользоваться её отсутствием. Это ему удалось. Тарелка полетела на пол и разбилась вдребезги. Ёжик испугался и отскочил. Он с удивлением смотрел на черепки, не понимая, каким образом одна большая тарелка могла превратиться в такое множество маленьких тарелочек.

Ёжик выглянул в переднюю.

— Баба! — позвал он.— Мотри!

— Погоди, Ёжик! — сказала его молодая бабушка, разглядывая письмо.

На конверте она увидела незнакомый почерк и штамп полевой почты.

— Ну, наконец-то!

Это, конечно, ответ на её письмо.

Два месяца тому назад она, по секрету от Гули, написала командиру дивизии письмо с просьбой отпустить дочку в отпуск хоть на несколько дней.

«Неужели откажет? Не может быть...»

Она распечатала конверт.

«...Ваша дочь,— написано было в письме,— геройски вела себя в этих боях. Она молодец, бесстрашная, славная дочь нашей Родины. Её можно было видеть и с ранеными на руках, её можно было видеть и ведущей за собой бойцов в атаку, она и донесения успевала приносить. 23 ноября дочь ваша геройски погибла...»

Письмо, словно живое, дрожало в руках у матери, буквы двоились, мешались перед её глазами. Она не понимала этих строк...

— Баба! — снова позвал Ёжик и подобрал с полу конверт.

— Постой, Ёжик,— проговорила она и, войдя в комнату, опустилась на кровать: она всё ещё не понимала смысла письма, не верила ему, не могла поверить.

Притихший Ёжик с удивлением смотрел на неё.

А на следующий день пришло ещё одно фронтовое письмо — от Люды Никитиной.

«Здравствуйте, дорогая Гулина мама! Пишет вам девушка, которая дружила с вашей Гулей. Меня всё время тянет написать вам, успокоить вас, хотя я и знаю, что потеря такой дочери, как Гуленька, это тяжёлое, очень тяжёлое горе. Ну ничего, дорогая, крепитесь. Ведь Гуленька не ушла от нас совсем, она всегда будет с нами. Родина не забудет своей героини. А вас, воспитавшую такую преданную Родине дочь, такого славного воина, назовут матерью многие девушки, патриотки нашей страны...

Я очень много была вместе с Гулей, особенно последние три месяца. Я немного моложе её, и она всегда так заботливо относилась ко мне, давала советы, радовалась, если мне что-нибудь удавалось, и звала меня: «Милая девочка». Мы с ней работали в санбате, вместе в разных переплётах бывали, из которых еле-еле выходили живыми, вместе пели и шутили. Во время боёв мы, правда, бывали на разных участках, но зато потом, после наступления, встретимся — запылённые, усталые, поцелуемся крепко. И опять разговоров, смеху без конца.

Всегда она была весёлая, и только раз видела я её в слезах. Она очень скучала по своему Ёжику, особенно после ваших писем. Часто вспоминала вас, отца, говорила о вас так тихо всегда, с какой-то грустью.

В последний раз мы виделись с ней за несколько дней до наступления. В этот день мне исполнилось восемнадцать лет, а главное — я получила правительственную награду, медаль. У нас даже были гости, и мы очень хорошо провели

вечер. А когда все ушли, мы с ней остались вдвоём. Мы знали, что скоро будем наступать, значит — ждали всего... Какое-то тревожное настроение было. Уселись с ногами на кровать, прижались друг к другу и долго-долго сидели так. У нас был важный разговор. Говорили обо всём — и о жизни, и о любви, и о товарищах, и о родных. О чём только могут говорить две подруги, о том мы с ней и говорили. А под конец мы условились, куда написать и что сказать, если кого из нас убьют. И вот случилось так, что не Гуле, а мне пришлось писать такое письмо.

Помню, поздно ночью вышли мы с ней из землянки. Как хорошо было! Всё кругом бело от инея, ночь морозная, звёздная и почему-то в этот день совершенно тихая, даже не было слышно перестрелки, будто и войны не было. «Как всё-таки хороша и удивительна жизнь!..— сказала мне Гуля.— Проклятые фашисты!»

Это был, кажется, последний наш разговор. А потом началась подготовка, потом стали наступать. Нас, как всегда, послали на разные участки, и я больше её не видела. Раз ночью она приходила ко мне, а меня не было. Оставила только привет на листочке бумаги из записной книжки. Листочек маленький, в клеточку, а с края — лёгкий след крови от рук, перевязывавших бойцов.

На другой день вечером, как сквозь сон, услышала я, что Гуля погибла. Меня сняли с передовой, я не находила себе места от горя, от такого большого горя, что даже ноги не могли выдержать: меня всё вниз тянуло, я всё на колени падала. И сколько ещё вместе с Гулей погибло тогда наших товарищей, молодых, славных, таких, что и рассказать нельзя! Вот как далась нам та большая победа.

А больше всего жалеют у нас Гулю и Алексея Топлина, командира артполка. Это был замечательный, замечательный человек! И Гуля с ним дружила очень. Они вместе пели хорошо. Их и похоронили вместе.

Ну вот, как будто и всё. Нет, нет, не всё! Ёжик остался без матери, но он будет сыном нашей дивизии. Мы все будем заботиться о нём, пока живы. Мне очень хочется успокоить вас, помочь вам, родная, ведь у меня тоже есть мама, я знаю, как я дорога ей. А мамы все одинаковы. Что в жизни может быть тяжелее потери ребёнка? Но ведь это война, ведь жертвы должны быть. А Гитлер — он нам заплатит сполна. Мы сейчас здорово бьём по врагу. Он уже бежит без оглядки, но это ещё только начало.

Поцелуйте за меня Ёжика, пусть он будет крепким, здоровым мальчиком. Пусть гордится своей мамой. Она была настоящей героиней.

Я буду очень рада, если вы напишете мне хоть несколько слов в ответ. Целую.

С коммунистическим приветом
Люда Никитина.

Берегите себя, родная, вы нужны Ёжику и нам всем».

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

На берегу Дона, близ хутора Паншино, 780-й стрелковый полк хоронил своих героев — Гулю Королёву и Алексея Топлина.

Оба гроба стояли в дивизионном клубе на возвышении.

В комнате было тесно. Бойцы и командиры пришли сюда прямо с передовой, чтобы проститься с любимыми своими товарищами. Тут были и начальник политотдела дивизии Клочко, и командир полка Хохлов, и комиссар Соболь, и Троянов. Люда Никитина стояла у изголовья и всё смотрела на неподвижные, спокойные лица Гули и Алексея. Осторожно поправила она прядь волос, прильнувшую к Гулиной щеке, отодвинула колючую веточку, спустившуюся на лоб Алексея.

Отвернувшись к окну, стоял Шура Филатов и время от времени вытирал кулаком глаза.

А в уголке тихо плакали мальчики — Саша и Гриша.

Им было стыдно плакать — ведь они разведчики, но слёзы сами текли по их щекам.

За свою короткую жизнь они уже видели немало убитых. Но увидеть среди толпы сгрудившихся живых людей неподвижную и безмолвную Гулю, которая вчера ещё ходила, разговаривала, смеялась так же, как и все, было странно и страшно. Над мальчиками наклонился Троянов.

— Что, разведчики? Не сдавайтесь, держитесь. Что ж поделаешь! А Гулю помните. Это ваше счастье, что вам довелось знать её.

Мальчики сразу подтянулись по-военному и поправили ремни и шапки.

— Товарищ старший лейтенант,— прошептал Гриша,— а что же это нигде не видно дяди Семёна?

— Товарищ Школенко,— поправил его Саша.

Троянов пожал плечами:

— Да мы и сами не знаем...

О судьбе героя-разведчика думали не одни только Саша и Гриша. Мысль о нём тревожила всех.

Много раз проверяли на командном пункте списки погибших и раненых. Но Семёна Школенко в списках не было.

И никто не знал и не мог себе представить, что в это самое время Семён Школенко находится в фашистском «лагере смерти». Фашисты стащили его, тяжело раненного, с бруствера в окоп. Теперь его пытали и мучили, заставляя говорить. Но он молчал...

Внезапно под окном, нарушив тяжёлую тишину, загремел полковой оркестр. Торжественные, скорбные звуки траурного марша ворвались и заполнили собой всю комнату. Люда закрыла глаза, а когда открыла их, она увидела, словно в тумане, как оба гроба снялись с возвышения и медленно поплыли на руках у товарищей к выходу.

Вот и две раскрытые могилы.

Отсюда хорошо виден западный берег Дона, через который Гуля переправляла раненых. Но сейчас берег, захваченный врагом, затянут синевато-серой пеленой тумана.

А южнее хутора Паншино, там, за высотой 56,8, где-то у хутора Вертячего, ещё гремят бои. Небо полыхает заревом огня. В свежем ноябрьском воздухе гулко отдаются тяжёлые удары орудий.

Руки друзей бережно опустили на землю два простых, некрашеных гроба.

Седой, суровый с виду человек, начальник артиллерии дивизии майор Прозоров, вышел вперёд и медленно обвёл всех глазами.

— Товарищи! — сказал он.— Здесь перед нами лежит Алексей Евдокимович Топлин, или, как мы его звали попросту, Алёша. Смертью храбрых пал Алексей Топлин, командир артиллерийского полка. А было это так. Во время нашего наступления на высоту 56,8 выбыл из строя расчёт станкового пулемёта — того, что поддерживал своим огнём наступление одной из рот. Наступающая рота залегла, а майор Топлин подбежал к пулемёту и открыл огонь по фашистам. Нажим врага ослабел. И тогда Топлин скомандовал: «Герои-богатыри! Не отдадим врагу ни одного клочка земли нашей русской! Вперёд, герои!» — и повёл роту на врага. В эту минуту вражеская пуля сразила его наповал. Прощай, Алёша! У тебя была прямая, открытая, хорошая жизнь. И такая же смерть.

Он замолчал, а потом перевёл глаза на другой гроб.

Все головы повернулись к Гуле Королёвой.

Ветер чуть шевельнул прядку её волос, и лёгкая тень пробежала по нежному лицу, чуть оживляя его суровую неподвижность.

Вперёд вышел комиссар Соболь.

— Кто бы мог подумать,— сказал он,— что в этой молодой женщине, почти девочке, таится такая сила — сила любви и ненависти, такое поистине величайшее геройство? Гуля Королёва, товарищи, вынесла с поля боя более ста раненых бойцов и командиров, и она же вместе с бойцами на высоте 56,8 штурмом брала немецкие окопы! В тяжёлый момент боя за эту высоту, обагрённую кровью, она подняла

оставшееся без командира подразделение и повела его в атаку... Вот эта красивая, юная, всем нам милая девушка... Товарищи, отомстим врагам за наших друзей, за Алёшу Топлина и Гулю Королёву!

Закрылись крышки гробов. Боевые знамёна, тяжело поникнув, склонились над героями. Молча стояли, опустив обнажённые головы, те, кого так любила Гуля,— её боевые товарищи. Батарея из шести орудий выстроилась у могил, устремив жерла в сторону врага.

Прозвучала команда:

— По врагам Родины — огонь!

Гулко грянул прощальный салют. Стволы орудий отпрянули назад. И снова:

— Залпом — огонь!

Десять раз прогремели орудия, и десять раз снаряды с резким свистом полетели в стан врага.

«ЗОЛОТОКУДРА ДИВЧИНА»

Прошло полгода.

Там, где гремели невиданные в истории войн бои, наступила тишина. Гулкая, трепещущая земля, отзывавшаяся во время боёв на каждый залп так, словно сама испытывала боль, теперь успокоилась.

Настала весна. Изрытые оврагами степи, раскинувшиеся между Волгой и Доном, покрылись низкой зелёной травой. Везде, куда ни посмотришь, застыли разбитые грузовики, скрученные крылья самолётов, перевёрнутые полусожжённые машины.

На берегу Дона у маленького тихого хутора высится обелиск. На шпиле поблёскивает металлическая звезда. Подходя к памятнику, люди внимательно читают надпись на нём. Но и без надписи они знают, кто лежит под этим обелиском.

Дивизия, которая дралась здесь за каждую пядь земли,

далеко ушла из этих мест. Но не ушла отсюда слава о Гуле и обо всех героях, павших за эту землю.

Был тёплый весенний вечер. Украинец Хома Онищенко, сержант, окружённый бойцами и хуторянами, курил трубку и не спеша рассказывал:

— Була тут у сусидний дивизии золотокудра дивчина. Така, що страху не мала. От раз бачуть немци — наша частына в бий иде. А попереду — дивчина, уся в полумьи. До нимецьких окопив иде, а сама не горыть. Взяла окоп и дальше пишла. Имья цией дивчини було чи Корольова, чи Короленко, а може, и Король.

— А вы що, сами ни бачили? — спросил в темноте чей-то женский взволнованный голос.

— Сам я не бачив, але чув вид людей. Про неи вси говорять.

Хома помолчал, покурил, а потом добавил неторопливо и веско:

— Ця дивчина дуже гарно спивала. Колы немци зачують цю писню «Катюшу», так сразу же стриляты почнуть, щоб чуты не було. Та хиба ж переможешь «катюшу», колы вона по всёму фронту гремыть?

Хома докурил трубку, встал и пошёл. Он и не подозревал в эту минуту, что женщина, которая так тревожно расспрашивала его о «золотокудрой дивчине», была её мать и что приехала она в этот край только для того, чтобы увидеть людей, знавших Гулю, чтобы услышать о ней хотя бы одно слово...

ОГНИ НАД КРЕМЛЁМ

Ёжик с бабушкой приехали из Уфы в Москву вечером.

В большую комнату многооконного дома, возвышающегося над Москвой-рекой, вошёл двухлетний мальчик.

Он растерянно посмотрел по сторонам, взглянул на чемоданы и корзины, доставленные сюда на лифте, и сказал:

— Баба, пойдём лучше домой!

— Это и есть наш дом, Ёжик. Сейчас я тебе постельку приготовлю и спать тебя уложу.

Ёжик подошёл к окну, дёрнул штору.

— Нельзя, маленький,— сказала лифтёрша.

— Почему нельзя? — спросил Ёжик.

— У нас в Москве затемнение!

— Ага,— сказал Ёжик, будто понял.

В это время заговорило радио:

«Товарищи! Сегодня, в восемь часов вечера, будет передано по радио важное сообщение! Слушайте наши радиопередачи!»

— Вот будто специально для вас! — сказала лифтёрша.— Скоро мы вашему малышу салют покажем.

В комнате погасили свет, раздвинули штору. За окном грянул орудийный залп. Вслед за ним высоко в небо взвились, затрещав, гроздья красных, зелёных и жёлтых огней. И сразу стало видно всё — заиграли цветными огнями стёкла Кремлёвского дворца, ярко осветились зубчатые стены, блеснули золотом стрелы башенных часов, засверкала внизу вода Москвы-реки. И снова ударили пушки.

— Бух! — сказал Ёжик и засмеялся.

В расцвеченную огнями воду падали ракеты.

Ёжик как зачарованный смотрел в окно, пока не погасли последние огни.

— А теперь, Ёжик, спать.

Лёжа в постели, он потребовал:

— Баба, ещё бух!

— Завтра будет «бух». А теперь спи.

Ёжик положил голову на подушку.

— Баба, расскажи.

— Что рассказать?

— Про маму Гулю,— сказал Ёжик, вертясь и приминая головой подушку.

— Хорошо, Ёжик. Слушай. В этом самом доме, в этой самой комнате жила мама Гуля. Она тогда ещё была такая маленькая, как ты.

— А я? — спросил Ёжик и сел.— Где я был?

— Тебя тогда ещё не было.

Ёжик удивлённо смотрел на свою «бабу». Как это может быть, чтобы его не было? Совсем не было?

— Я тоже был! — рассердился Ёжик.

— Ну хорошо, был. Только закрой глаза.

Ёжик лёг, а потом опять сел.

— Баба, покажи огоньки!

— Их сейчас нет.

— Открой.— Он показал на штору.

— Нельзя, мальчик.

Ёжик недоверчиво смотрел на окно. Ему казалось, что сто́ит только раздвинуть штору, и в тёмном небе опять засверкают огни, а стёкла задребезжат от грохота орудий.

И светлый образ мамы Гули уже связывался в его представлении с этими радужными огнями, загорающимися в окне над зубчатыми стенами Кремля.

ДОРОГИЕ МОИ ЧИТАТЕЛИ!

Вот вы и узнали историю короткой Гулиной жизни. В Артеке, в парке Нижнего лагеря, к большой скале прибита белая мраморная доска. На этой мемориальной доске начертана надпись:

ОНИ БЫЛИ АРТЕКОВЦАМИ.

А ниже — имена пионеров Артека, погибших на войне: Тимур Фрунзе. Иван Туркенич. Гуля Королёва. Володя Дубинин. Рубен Ибаррури.

Под Волгоградом, недалеко от хутора Паншино, вблизи той возвышенности, которая называлась в военное время высотой 56,8, высится памятник. С медальона обелиска смотрит на нас милое, родное нам всем лицо Гули, а ниже, под медальоном, вырезана на камне надпись:

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ПАВШИМ В БОЯХ ЗА РОДИНУ.

У памятника часто собираются юноши и девушки, приходят сюда и дети. Каждому хочется принести к подножию памятника живые цветы, молча постоять здесь и подумать...

В хуторе Паншино есть библиотека имени Гули Королёвой. И каждый, кто переступает порог библиотеки и уносит с собой книгу, тоже поминает добрым словом Гулю Ко-

ролёву, отдавшую свою молодую, прекрасную жизнь за то, чтобы жизнь продолжалась.

Меня часто спрашивают мои читатели о судьбе героев книги «Четвёртая высота». Особенно часто спрашивают о Ёжике, сыне Гули.

Одна маленькая читательница сама придумала его дальнейшую судьбу. Она прислала мне рассказ собственного сочинения под названием «Ёжик». В этом рассказе он, уже взрослый человек, по профессии агроном, встречается в вагоне метро с боевой подругой своей мамы.

Другой маленький читатель решил сделать Ёжика генералом. И это было тогда, когда Ёжику исполнилось всего только семь лет.

А сейчас он уже, конечно, давно не Ёжик. Саша живёт в Киеве, как и его бабушка, Зоя Михайловна. Окончил Медицинский институт.

Товарищ Гулиного детства Эрик Бурин — кавалер многих орденов. Он прошёл боевой путь от Волгограда до Праги.

Когда Гуля была на передовой в районе Волгограда, она писала отцу 9 ноября 1942 года: «Где-то сейчас Эрик?» И не знала она тогда, что товарищ её детских лет находится на фронте совсем близко от неё. А когда наши части 6 ноября 1943 года освобождали Киев, с мыслью о Гуле, о том, чтобы отомстить за неё, одним из первых ворвался в этот город Гулиной юности и Эрик.

Нередко в гости к пионерам и школьникам, а также к воинам Советской Армии приезжает бывший командир 214-й стрелковой дивизии Герой Советского Союза генерал-лейтенант Николай Иванович Бирюков. Он рассказывает своим юным и взрослым слушателям о славном боевом пути дивизии, прошедшей от Волгограда до Берлина.

От него я узнала о дальнейшей судьбе замечательного разведчика Семёна Школенко.

В конце 42-го года, спустя месяц после штурма высоты 56,8, был освобождён от немцев хутор Вертячий. И сразу же

комиссар Соболь обнаружил за хутором котлован, обнесённый колючей проволокой. Вокруг были вкопаны столбы с грозными надписями по-немецки:

«Проход воспрещён!», «Не приближаться!» На снегу лежали трупы замученных советских людей — военнопленных и мирных жителей. Это был один из фашистских «лагерей смерти».

Семёна Школенко, тяжело раненного, нашли неподалёку, в доме старой одинокой крестьянки. Она каким-то чудом спасла его, перетащив из «лагеря смерти» к себе домой, и спрятала в по́дполе.

Первое, о чём сказал Соболю раненый,— это о том, что, перед тем как его схватили фашисты, он успел — в самую последнюю минуту — закопать свой партийный билет и орден Красного Знамени. По просьбе раненого, комиссар повёз его к месту недавних боёв за высоту 56,8. Там, в промёрзшей земле, Школенко нашёл и свой партийный билет и орден.

После этого его отправили в госпиталь.

Излечившись от ран, Школенко снова вступил в строй и потом героически сражался в боях за Волгоград. А в бою под Белгородом Семён Школенко пал смертью храбрых.

Отдали свою жизнь за Родину и Люда Никитина и Шура Филатов.

А юных разведчиков Сашу и Гришу после разгрома немцев на Волге комиссар Соболь передал в детский дом.

Вспоминая подвиги воинов 214-й стрелковой дивизии, награждённой орденами Красного Знамени, Суворова, Богдана Хмельницкого и удостоенной почётного наименования Кременчугско-Александрийской, генерал Бирюков всякий раз говорит и о Гуле Королёвой.

У Гули было много друзей в детстве и в юности. Но ещё больше друзей у неё теперь. О ней пишут в письмах и дети и взрослые со всех концов нашей страны. Приходят письма также из зарубежных стран.

Иногда адрес на конвертах бывает очень коротким:

СССР. Маме Гули Королёвой.

Или ещё короче:

СССР. Родным Гули.

И письма доходят.

Девочка из Западной Германии, Урзула Х., писала мне:

«...Все люди должны сделать так, чтобы никогда не было войны против Советского Союза. Теперь фашисты опять призывают взяться за оружие. Можно только спросить: неужели эти люди ничему не научились после такой жестокой войны? Ведь война принесёт только бедствия и несчастья. Я не хочу войны! Я хочу мира!»

Такими простыми словами немецкая девочка выразила те чувства, которые заставили Гулю пойти на фронт. Гуля боролась и погибла во имя мира, во имя счастья на земле.

И мне хочется пожелать вам, дорогие ребята, мирной и счастливой жизни, в которой вам придётся брать новые высоты — высоты вдохновенного, творческого труда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К моим читателям 3
Огонёк 5
Трёхлетняя артистка 6
Слон и Гуля 9
Бармалей приехал! 11
Голубое ведро 13
Бегство в Испанию 15
«Адам» 18
Первоклассница 21
В больнице 23
Друзья и враги 25
Гуля и Эрик 31
С детьми героев 34
Первая высота 39
Новые друзья 41
Варька и Василинка 45
Гулины каникулы 50
«Только бы не закричать!» 54
История с географией 58
Вторая высота 61
Письма отовсюду 67
Артек 70
В лесу Аю-Дага 75
Кино в Артеке 83
В Москву, в Москву! 90
Необыкновенный подарок 95
Вожатая рктябрят 99
Холодная Балка 105
Телеграмма 111
Гулино преступление 115
Право на радость 122
Гулина тайна 125
Третья высота 132
Физика и концерт Лемешева 137
Дядя Опанас и Надя 141
Вниз по течению 145
Ещё одно испытание 151
Надя снова меняет решение 156
Жить хорошо! 161
Кем быть? 166
На рассвете 171
Ёжик 173
В госпитале 179
Саша и Сергей 184
Дома 187
Прощание 189
В пути 192
Накануне битвы 196
К Волге и Дону 202
На поле боя 207
Сквозь огонь и воду 214
В придонских степях 218
«Катюша» и «андрюша» 224
Подруги 227
На перекрёстке трёх дорог 231
Ася 233
Двойной праздник 237
Боевой приказ 241
Четвёртая высота 246
Два письма 256
Последний путь 259
«Золотокудра дивчина» 262
Огни над Кремлём 263
Дорогие мои читатели! 266

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для начальной школы

Ильина Елена Яковлевна

ЧЕТВЁРТАЯ ВЫСОТА

Повесть

Ответственный редактор
Л. Г. Тихомирова

Художественный редактор
Н. И. Комарова

Технические редакторы
О. В. Кудрявцева
и *Т. А. Патеюк*

Корректоры
Е. Б. Кайрукштис и *В. Е. Калинина*

Сдано в набор 24/VIII 1971 г. Подписано к печати 8/XII 1971 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 18,75. Усл. печ. л. 17,49. (Уч.-изд. л. 12,94+14 вкл.=14,36). Тираж 150 000 экз. ТП 1972 № 197.
Цена 71 коп. на бум. № 1.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Зак. 2775.